This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

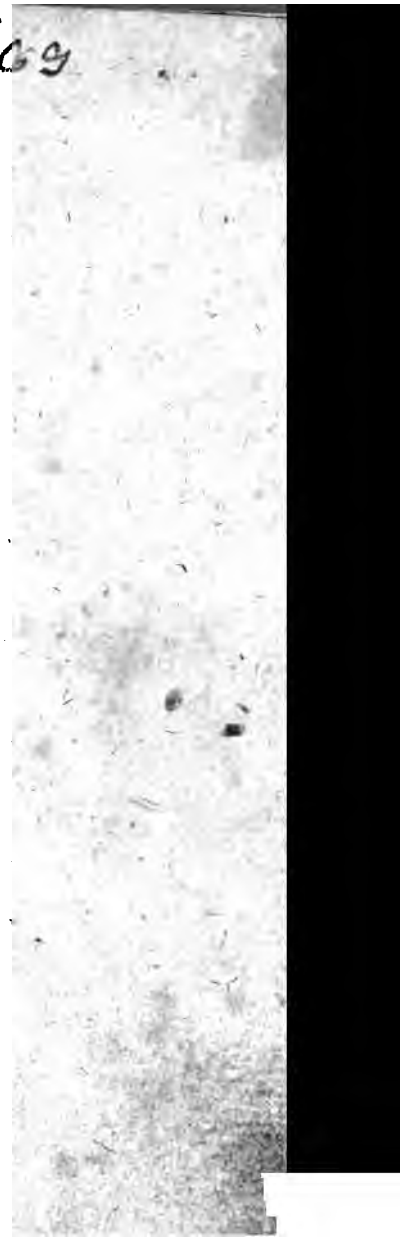
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

·1649u/69



ПАНСЛАВИНЪ,

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

Былъ? Не былъ?

и не сказка.

Владиміръ Васильевичъ
№
ПОСТНИКОВЪ

МОСК

Въ У

БИБЛ
Н.И.НЦ

PT1801
A6P3

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Имлераторскаго Московскаго Университета.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ДЕСЯТОКЪ ПЕРВЫЙ,

представляющій читателю различное для испытанія.

ПАНСАЛВИНЪ,

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ГЛАВА I.

Князь Пансалвинъ и его камердинеръ.

На софѣ роскошнѣйшей, кои у большихъ Вельможъ всегда находятся въ спальнѣ, или можетъ быть въ передспальнѣ — ибо какихъ комнатъ у такихъ Господъ не бываетъ! лежалъ Князь *Пансалвинъ* послѣ внушеннаго отдохновенія. —

Э! э! Господинъ Сочинитель, не почиваете ли вы сами? Послѣ отдохновенія на софахъ не валяются.

Извините! для отдохновенія, хотѣлъ я сказать, — и мечталъ, въ чемъ собственно должно состоять его счастіе, которое самому ему казалось столько много прославленнымъ, которое навлекало ему со всѣхъ сторонъ завистниковъ, и заставляло большую часть встрѣчающихся изгибать предъ нимъ спины.

Я сказалъ, большую часть, потому что, не взирая на его притязаніе, на великое цѣлое, находились еще спины столько упругія, что за самую величайшую цѣну на свѣтѣ не отступали отъ параллельнаго согласія съ самымъ толстымъ дубомъ въ лѣсу, даже и за ту цѣну, которая составила бы милость его, считаемую въ окрестностяхъ его за высшее благо.

Онъ только что возвратился отъ своей возлюбленной. — —

16494/69

Ex
Im P

него, чтобъ дозволить мнѣ разсказать вамъ, о чемъ *Пансалвинъ* размышлялъ; а теперь входитъ его камердинеръ: извольте сами слушать скучной его разговоръ, когда не хотѣли лучшаго.

Не прикажете ли, Ваша Свѣтлость, шоколада? вопросилъ женскій голосъ, коего мелодическіе звоны тотчасъ возбудили *Пансалвина* изъ задумчивости, и извлекли изъ устъ его обнадеженіе, что есть онъ благополучнѣйшій человѣкъ, когда до такого степени оказываютъ къ нему вниманіе.

Когда бы знали вы о всѣхъ размышленіяхъ, которыми *Пансалвинъ* предъ тѣмъ занимался, и которыя очень близки были къ благоразумному, то доставили бы вы себѣ прекраснѣйшій контрастъ, котораго теперь на вѣкъ утратили.

Была то Графиня *Манилъ*, стоящая предъ нимъ въ полномъ

нарядѣ его камердинера, и отъ него не скрывавшая того, что настоящій камердинеръ заперъ въ кабинетѣ ея дома, дабы появленіе двухъ камердинеровъ не могло произвести подозрѣнія въ такомъ поступкѣ, которымъ возлюбленная его конечно могла быть на долгое время обманываема.

Не ужь ли никогда не удастся мнѣ избавиться отъ сей скучной несвязчивости, вскричалъ *Пансалвинъ*, и не ужь ли никогда не обладать мнѣ счастіемъ, явно выказывать мои внутреннія чувствованія? Должна ли самая любезность употреблять такія условія для увѣнчанія моихъ желаній и моего удовольствія?

Камердинеръ обнялъ Князя съ пламеннымъ поцѣлуемъ, и прижавъ къ груди своей, сказалъ:

Пансалвинъ! оставайтесь всегда тѣмъ, что вы есть. Безъ сей

возлюбленной не можете вы раздавать стольких благодѣяній; безъ ней нѣкоторыя, коихъ гордость обуздана, поднимутъ головы выше вашей; безъ ней не можете вы разточать милостей и принимать коленопреклоненій, какъ нынѣ. Пусть она навсегда у насъ прекраснѣйшіе часы похищаетъ, пусть принуждаетъ насъ таить согласіе нашихъ сердецъ, какъ быть! — напослѣдокъ кончится пусть ея пресыщеній, — и тогда —

И тогда, — подхватилъ *Пансалвинъ*, понуривъ свои взоры, какъ и ожидала того Графиня *Мавиль*. Потребно было опять нѣсколько поцѣлуевъ, и еще кое-что, для произведенія въ немъ прежняго понятія о благополучіи, которое обнаружилъ онъ при ея входѣ.

ГЛАВА II.

Не рѣдко возлюбленная предсѣдаетъ любовнику въ послѣленіости чиновъ.

Окончаніе подвига, по видимому вскорѣ кончишься имѣющаго, о которомъ будетъ еще сказано, можетъ быть съ пресыщеніемъ соединеннаго, не представляетъ прелестнаго изображенія возлюбленной Князя Тьмы, по крайней мѣрѣ для времени нынѣшняго; и когда еще помыслить и о томъ, что Князь, не взирая на благодѣянія, которыя расточать могъ, не взирая на обузданную гордость многихъ вышихъ предъ нимъ, не взирая на оказываемыя милости и пріемлемыя колѣнопреклоненія, все еще любовь къ нему возлюбленной его называлъ скучною неотвязчивостію: то по истинѣ объясняется изъ сего многое, могущее читателя удостовѣрить, что любовь сія

Пансалвину дѣйствительно не была пріятна и занимательна.

И со всѣмъ тѣмъ едва осмѣливаюсь сказать, поелику служитъ то не слишкомъ къ чести человѣчества — и совсѣмъ тѣмъ любовь сія составляла зародышъ, ростъ, цвѣтеніе и плодоношеніе сего Князя; и кто бы таковъ ни былъ на семъ свѣтѣ, станется, что назоветъ только не скромностію то, что я называю неблагодарностію, заслуживающею строжайшаго наказанія, когда онъ сію возлюбленную, на другую такую любовницу, которая — сильное преодолѣніе женской гордости, — могла отважиться повѣрить славу свою камердинеру, унизить себя до того, чтобъ появляться въ одинаковомъ съ нимъ платьѣ для наслажденія запрещенною любовію, и быть столько же неблагодарною противъ той, которой она равномѣрно была всѣмъ обязана.

Изъ сего ясно видимо, ч
возлюбленная Князя Тьмы бы
выше его, что надъ нимъ пове
вала; и ежели онъ надъ нею,
надъ инымъ чѣмъ-либо, отъ
зависящимъ, по милости ея,
чрезъ похищеніе власть снискал
доказываетъ то, что онъ собств
но не былъ Княземъ такимъ,
порому чрезъ присягу дано пр
владычества, на прим. какъ
Герцогу, при вступленіи его
престолъ, дается власть дѣйст
вать ко благу, и что, когда
дѣлалъ сіе, всегда совершалъ те
ко отъ имени своей возлюблен
и по ея милости.

На сіе не взирая, Князь Т
былъ страшный мужъ, та
мужъ, отъ одного котораго им
у нѣкоторыхъ выступалъ холод
потъ на лбу, такой мужъ, ко
раго взорамъ предстать только
многіе осмѣливались, кои безъ п
пена и содроганія сердечнаго

могли съ нимъ въ разговоръ вступить. Его гнѣвный взглядъ, такъ сказать, низлагалъ все предъ нимъ стоящее, и имѣлъ онъ власть совершать сіе; его гнѣвная воля была пагубна, неизбѣжемо истлѣвающая каждое счастіе, каждую радость, каждое стяжаніе. Кому онъ не благоволилъ, и до кого могъ достигнуть, тотъ содѣлывался бѣднѣе нищаго, несчастнѣе оставленнаго на пустомъ островѣ.

Таковъ былъ Князь Тьмы, который только изъ второй руки обладалъ страною и народомъ, былъ худой охранитель слѣпаго правосудія, которое ему слѣдовало бы почитать по сугубому основанію; онъ дѣйствительно былъ губитель нѣкоторыхъ добрыхъ зародышей, кои, изходя изъ первой руки, могли бы укорениться и возрасти.

ГЛАВА III.

Первая эпоха Пансальвинова

Воззри на время прошедш
ты, о духъ испытующій, кош
го любовь къ истинѣ сопро
даетъ, которому нравятся ея п
ставленія, который успѣхамъ
споспѣшествуетъ, воззри въ
шенiее, и открой пути, ко
судьба вела *Пансальвина*, пре
нежели мы увидѣли его въ блис
щемъ, хотя и пагубномъ, свѣ
предопредѣленіе, кажется, при
момъ рожденіи его предназначен
случайности, доведшія его въ
нѣшнюю сферу! Рожденъ ли
былъ для шествованія такимъ
темъ?

Кто же не рожденъ содѣлат
великимъ и знаменитымъ? К
затворенъ путь, дарованіями
прилѣжаніемъ вышняго степени

избралъ оную мѣстомъ своего пребыванія. Первое его юношество протекало въ сельской мирной жизни, и не ознаменовалось ни чѣмъ такимъ, которое могло бы предвѣщать то, что изъ него вышло въ послѣдствѣ.

Напротивъ много было такихъ, кои оприцали ему даже дарованія; но естьли бы тогда разсмотрѣли порядочнѣе, то утвердились бы на правилѣ, что развитіе дарованій въ человѣкѣ происходитъ не равно, и что подобно какъ въ ростѣ тѣла, такъ и развитіи души прыжки происходятъ, чего даже и въ позднихъ лѣтахъ ожидать возможно.

Въ самомъ дѣлѣ кажется, что сей прыжокъ въ *Пансалвинѣ* тогда случился, когда любовь его къ высокой Особѣ открылась, и станется, что отъ предшедшихъ примѣровъ, и довольно ощутительнаго, но необъяснимаго внутрен-

няго предчувствїя о всемъ вели
того, что изъ него быть может
предстояло душѣ его изображе
Поелику онъ вскорѣ развилъ ос
ливое предначертанїе, подавшее
статочный опытъ о его дарова
ахъ, и которое для читателей
послѣдствїи не останется тайн

На шеперешнее время доводс
пробывнаго тому послужитъ обс
ятельство, что дѣйствител
трудностїю считали помѣсти
его въ число тѣхъ юношей,
назначены были, на иждивенїи пра
тельства, для обученїя наука
въ публичной вышшей школѣ,
веденной въ столичномъ городѣ.

Здѣсь *Пансалвинъ* провожда
дни свои подобно другимъ, поль
вавшимся милостїю правительст
въ нѣкоемъ родѣ не замѣчанїя,
станется, что былъ бы и еще ме
ше замѣченъ, когда бы нѣкто
учищелей сей высокой школы, во

имѣвшій отмѣнную любовь къ нему, за него не взялся, и не спарался при разныхъ случаяхъ его оплитать.

Онъ-то сообщилъ ему нѣкоторое образованіе, и улучшеніе его отъ природы грубому бытію; сіе улучшеніе умѣлъ *Пансалвинъ* удержать, пока имѣлъ въ томъ надобность, и пока опять мало по малу возбудилось въ немъ желаніе къ насыщенію его честолюбія, и та малость, чтобы прошиву своихъ сочеловѣковъ казаться грубымъ и чаще дѣйствовать.

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что сему воспитателю обязанъ онъ большею частію своего благополучія, поелику сей ему и поправленію его нравовъ первый шагъ доставилъ, пока суровыя *Пансалвиновы* чувства, опичасу болѣе возрастающія, политика и промышленно, всему прочему не помѣшали.

Что благодарность не была е
главною добродѣтелью, извѣст
но по нѣкоторымъ произшествіям
однакожъ не прошивъ сего учит
ля: его онъ осыпалъ благодѣяні
ми, и чрезъ то, по крайней мѣр
смылъ съ себя одно пятно.

Высокая школа, въ котор
онъ находился, соотвѣтствова
намѣренію ея заведенія. Учред
итель о нихъ не щадилъ никаки
трудовъ, никакого иждивенія д
снабженія оной мужами, кои мог
бы Государству доставить поле
зныхъ гражданъ, и страну пре
уготовить къ тому обработанію
болѣе дальновидному, нежели чел
вѣческая жизнь обнять могла, х
тя впрочемъ эпоха сія и близ
предстояла; ибо одинъ вѣкъ сове
шилъ болѣе, нежели были въ с
стояніи многіе вѣки прошедшіе.

ГЛАВА IV.

Другое поприще, ближнее и удовлетворительное предъидущему.

Хотя очень не многіе въ семъ возрастѣ *Пансалвиновомъ* удостовѣрены были о его дарованіяхъ; но по малой мѣрѣ надлежитъ отдать ему справедливость, что имѣлъ онъ въ себѣ честолюбіе, сіе свойство, безъ котораго не льзя ожидать никакого чаемаго высочія. По самому сему свойству случилось, что его любовь къ учителю возрасла до такой степени; ибо сей отличалъ его, и пособствовалъ къ пріобрѣтенію похвалъ, кои ему льснили. Мужъ сей умѣлъ удушить въ немъ много и другихъ пороковъ, кои въ послѣдствѣ, когда осталось мало чего желать ему, опять всѣ заняли въ немъ прежнее мѣсто, и нравъ его содѣлали не только несноснымъ, но и произвели тысячу несчастливыхъ.

Достовѣрно то, что сей возрастъ его былъ свободнѣе отъ пороковъ, и ежели бы не избралъ онъ инаго поприща, то по видимому вышелъ бы изъ него хотя не Князь, но конечно лучшій человѣкъ.

Пансальвинъ съ своей стороны разсудилъ, что тогдашнее теченіе его состоянія нѣкоторымъ образомъ ограничится на всю его жизнь; и хотя онъ отъ родителей своихъ нѣсколько времени предназначаемъ былъ въ духовное состояніе, и принужденъ обучаться различному, къ тому относящемуся, каковое замѣчаніе правое, и для читателей не даромъ, но направляю вниманіе оныхъ на будущее въ разсужденіи сего отношенія; но военное состояніе казалось ему удобнѣйшимъ для наслажденія желаемою свободою и доведенія на степень, который превозшелъ бы это состояніе.

Освободя себя во всемъ, что только отъ него зависѣло, и бывъ кончиною родителя своего, имѣвшаго отвращеніе къ военному состоянію сына своего, избавленъ послѣдняго препятствія, побѣдя учителя своего во многихъ словопрѣніяхъ, и его стараніе образовать изъ него ученаго, своими пылкими основаніями, а болѣе тѣмъ, что великая любовь его къ своему питомцу поохладѣла, вступилъ онъ на поприще подъ знаменами Бога войны, которое тѣмъ снисходительнѣе для него отверзлось, что онъ, какъ въ послѣдствіи видимо будетъ, отъ природы получилъ къ тому преимущественное образованіе.

ГЛАВА V.

Небольшое уничиженіе въ его молости, за которое онъ въ своемъ величіи тысячекратно отплатилъ.

Обширная область Монарха, подъ скипетромъ котораго состояло послѣдовавшее царство Государыни, не составляло еще просвѣщеннѣйшей части на земномъ шарѣ. Не задолго предъ тѣмъ свѣтлая голова, имѣвшая похвалы достойное соревнованіе обычаямъ и просвѣщенію другихъ народовъ, принялась за сіе, и всегда дѣйствовала сообразно важному вопросу, склоняется ли то ко всеобщему благу? паче же всего военное состояніе не было еще устроено по правиламъ другихъ странъ, и подвигъ, который онъ возпріялъ, не былъ еще совокупленъ съ тою честію, въ которой онъ въ послѣдствіи возпріялъ участіе. Заботились тогда о семъ

состоянїи всего меньше; и поелику *Пансалвинъ* не имѣлъ собственнаго достаточнаго иждивенїя, то поприще, которымъ ему шествовать слѣдовало, было съ сей стороны жестоко.

Его многїе, отчасти богатые сродники, не были довольны его выборомъ, и охотнѣе взирали бы на то, когда бы послѣдовалъ онъ волѣ своего родителя, остался въ духовномъ званїи, обѣщавшемъ ему спокойную и изобильную жизнь. Не можно было провидѣть предбудущее, и повѣрить, что будетъ онъ повелѣвать надъ милїонами, и что пренебрежетъ тѣхъ, со стороны которыхъ въ небольшихъ пособїяхъ имѣлъ онъ столько часто надобность.

Во время одной побздки, когда уже онъ въ своемъ состоянїи дослужился нѣкотораго чина, посѣтилъ онъ знаменитый домъ нѣкоего богатаго купца, съ которымъ

находился въ свойствѣ. Случил
сіе въ самое обѣденное время; с
не былъ приглашенъ въ стол
накрыли для него особливой сто
въ боковомъ покоѣ, и присыла
туда къ нему кушанье, може
быть для того, что его спы
лись.

Какая произошла перемѣн
Не извѣстно, имѣлъ ли сей до
причину о семъ поступкѣ раск
ваться, ибо *Пансалвинъ* бы
мстительнаго нрава. Но може
статься обстоятельство сіе
шло у него изъ памяти, или
показалось ему страннымъ, по
му что онъ самъ въ послѣдст
заставлялъ Вельможъ дожидат
по цѣлой половинѣ дня у себя
переднихъ комнатахъ, и что св
ственниковъ своихъ представля
себѣ столькожъ честолюбивым
каковъ былъ самъ.

Достовѣрно лишь то, что о
въ послѣдствѣ, поелику фами

его весьма предъ нимъ уклонялась, обходился съ нею благодѣтельно, и по честолюбію ли, или по дѣйствительному ли чувствованію привязанности, оную возвысилъ, въ изслѣдованіе сего не вхожу.

Между тѣмъ совершалъ онъ шествіе свое непримѣтнымъ образомъ, пробирался онъ по тому же пути, которымъ слѣдовали съ нимъ тысячи другихъ. Тогда и самъ онъ очень умѣлъ нагибаться, гдѣ было надобно, пользовался наставленіями своего учителя, внушившаго ему, что надлежитъ въ новомъ его состояніи поперемежно наблюдать покорность съ вольностію, и въ особливости остерегаться, чтобъ не навлечь на себя непріятнаго взгляда, какъ то онъ въ послѣдствѣ не рѣдко находилъ, и въ чемъ читателя слѣдующая Глава достаточно удостовѣритъ можетъ.

ГЛАВА VI.

Богъ даруетъ лица, а не ч
вѣкъ.

Имѣть видъ лица оппра
тельный, конечно есть вещ
пріятная; однакожь на свѣтѣ н
дится столько много людей,
предъ другими согражданами
сего имѣютъ крайне оппратит
ную физіономію; а по сему
удивительно, ежели найдутся
кіе въ числѣ тѣхъ, о которо
здѣсь рѣчь идетъ.

Однакожъ всегда остане
ужаснымъ то, чтобъ имѣть
кую бѣдственную физіономію,
шорая лишилабы человѣка
на свѣтѣ счастія, свободы, и
жетъ быть довела на край гр
между тѣмъ принуждено з
привести таковой примѣръ.

Вразсужденіи сего опять возвратимся къ Графинѣ *Манилѣ*, которую оставили мы въ комнатѣ у Князя Тьмы, и которой непремѣнно должно показать выходъ, ежели желаемъ впустить къ *Пансалвину* другихъ людей.

Дойти до него вообще было трудно, и всегда, хотя бы кто и дошелъ, но слѣдствія того, объ чемъ его просили, были весьма сомнительны. Въ сіе время Графиня *Маниль* хотя уже и ушла, но оставила *Пансалвина* въ мысляхъ столько неудовольственныхъ, что гораздо лучше бы она сдѣлала, ежели бы всѣхъ дожидающихся въ передней комнатѣ предварила, что не время у Вельможи, настроеннаго въ худую сторону, что-либо предпринимать.

По видимому Графиня *Маниль* вѣроятнымъ образомъ свою любовь и уваженіе къ *Пансалвину* со-

провождала великими требован
ми вразсужденїи раздаваемыхъ
лостей, и *Пансалвинъ* находи
себя принужденнымъ въ крити
скїя мгновенїя больше обѣщать,
жели желалъ и могъ. Желать
могъ онъ потому, что вообще
былъ щедрымъ, съ какой бы с
роны требованїя ни произходил
не изключая самыхъ пустыхъ
новъ и малозначущихъ почест
поелику онъ охотнѣе вещами
кими пользовался, когда усмат
валъ явную выгоду для себя, гл
нѣйше состоявшую въ томъ, ч
бы умножить и усилить свою с
рону, которую желалъ содѣла
господствующею во всѣхъ об
стяхъ своей возлюбленной.
могъ онъ сего дѣлать потом
что долгъ и совѣсть — отъ ко
рой конечно всегда надлежало
совѣта требовать — обязыв
его мѣста въ Государствѣ за
щать способными, а не чрезъ п
сщательства одобряемыми члена

Въ сіе время въ передней находился художникъ, который приходилъ къ нему уже многократно безъ успѣха, и наконецъ настоятельно требовалъ допуска, поелику безъ того видѣлъ, что долженъ будемъ умереть съ голода. *Пансальвинъ* дозволилъ его ввести, но съ какимъ намѣреніемъ?

Въ намѣреніи излиять негодованіе свое на сей бѣдный предметъ, онъ долженъ былъ потерпѣть за то, въ чемъ проступилась Графиня. Ужасное намѣреніе со стороны мужа толико великихъ, далеко объемлющихъ качествъ!

Проситель вошелъ, и суровое: что тебѣ надобно? — было вмѣсто пріема.

Съ вольнодушіемъ, смѣжнымъ болѣе съ высокимъ почитаніемъ, нежели раболѣпствованіемъ, разсказалъ сей краснорѣчивый и тонкихъ

чувствѣ человѣкѣ, что прибылъ с
бывъ привлеченъ разпространивш
ся славою, что здѣшняя Госу
рыня покровительствуетъ худож
ковъ, а потому достигъ онъ
счастливую ея Державу для пріоб
тенія того удовольствія, кот
го ему въ отечествѣ недоставал
и чтобъ доказать на опытахъ,
онъ въ художествѣ своемъ не у
никъ; а потому Его Свѣтло
проситъ осчастливить его сво
высокимъ предстательствомъ,
милостивѣйшей изъ всѣхъ Мо
хини замолвить за него слово.

Оскорбился ли Князь *Пан*
винъ тѣмъ, что въ понятіи х
жника не имѣлъ величайшей влас
кромѣ того, чтобъ снять на с
предстательство, которое, к
сказываютъ, для него было все
очень досаднымъ, или можетъ бы
осталось еще въ немъ негодова
въ которое повергла его Граф
Маниль? Коротко сказать, не

вольствіе его на сего человѣка взошло столько высоко, что онъ не удостоилъ его уже своимъ взглядомъ, но сказалъ: „Я не могу тебя употребить; ты можешь возвратишься въ свое отечество.“

— Для чего же бы, Ваша Свѣтлость? вопросилъ его художникъ съ скромностію и покорностію. Вы не знаете еще ни меня, ни моей работы; а я имѣю довольно гордости помышлять о себѣ, что могу быть годнымъ подданнымъ.

Князь посмотрѣлъ на него пристально: — „Такъ доставь себѣ лучшее лице, сказалъ онъ, твое мнѣ противно. Поѣзжай назадъ, говорятъ тебѣ.“

— Ваша Свѣтлость конечно не погубишь меня за одинъ видъ лица моего?

„Молчи, и пошолъ вонъ. Слышишь ли? ты мнѣ не надобенъ.“

— Я не желаю быть Вашей С
лости надобнымъ, но той Мон
хини, которая съ милостїю пр
млетъ всѣхъ тѣхъ, кои во изл
нїи Ея щедромъ ищутъ своего п
питанїя.

„Такъ выѣзжай же чрезъ дв
дцать четыре часа изъ столицы

— Я ничего не сдѣлалъ та
го, чѣмъ бы заслужилъ высылку

„Въ послѣднїе говорю те
выѣзжай.“

Художникъ вышелъ. Оскорбле
былъ онъ до внутренности душ
что отъ вида лица своего, к
рый извѣстенъ былъ ему честны
лишается в с е й своей надеж
возвращенїя путевыхъ издерж
и пріобрѣтенїя спокойства, о
шоромъ мечталъ себѣ.

Не ужь ли нѣтъ инаго средст
сказалъ онъ самъ себѣ, кромѣ

го, чтобъ доступить къ Монархинѣ? Онъ ходилъ цѣлый день во изумленіи, ни о чемъ меньше не помышлялъ, какъ о своемъ отъѣздѣ, и не сдѣлалъ къ тому ни малѣйшаго распоряженія. Онъ предпріялъ, при первомъ публичномъ выходѣ, которому вскорѣ надлежало послѣдовать, повергнуться къ стопамъ самой Монархини, и подать прошеніе на языкѣ той страны, которой по своему прилѣжанію въ короткое время довольно уразумѣлъ. Онъ радовался такому предпріятію, полагался на оное, какъ на самую благонадежность къ своему счастію, и спокойно заснулъ.

Но естьли онъ не помышлялъ о своемъ отъѣздѣ, и когда не входило ему въ голову, чтобъ вспыльчивость Князя *Пансалвина* могла имѣть такія слѣдствія, каковы случились: тѣмъ больше замѣчателемъ былъ сей Князь, и собст-

венно самъ вписалъ сей предметъ гнѣва своего, который, въ сравненіи къ нему, былъ только насѣкомое, въ черную книгу тѣхъ, коихъ слѣдовало постигнуть его гнѣву.

Рачительно освѣдомлялись объ немъ цѣлый день, и его хозяинъ, боявшійся собственно вымолвить одно слово, подобно всѣмъ прочимъ жителямъ въ столицѣ, въ вечеру робостно спросилъ у него: рано ли онъ отъѣзжаетъ?

Совсѣмъ не помня о произшедшемъ у него съ Княземъ, отвѣчалъ онъ, что намѣренъ навсегда здѣсь остаться. Поутру всталъ онъ очень рано, и началъ писать свое прошеніе; въ ономъ Князь *Пансалвинъ* не былъ выгороженъ. Онъ описалъ все произшествіе, съ присовокупленіемъ того, что не уповаетъ онъ, чтобы Монархиня повелѣла по физіономіи судить о талантахъ.

Онъ углубился въ сію работу. Къ полудню прошеніе было готово. Послѣ обѣденное время употреблено было для переписки на бѣло, и оставшіе дни до празднества опредѣлилъ онъ пропитываться своею роботою.

Сколь далеко отстояло исполненіе отъ его ожиданія!

Едва наступилъ вечеръ, вошелъ къ нему человѣкъ, который въ коротких словахъ объявилъ ему объ его участи. Ты здѣсь еще? и не повиновался повелѣнію Княжескому! за это ожидаетъ тебя наказаніе. Ступай за мною. Смерть твоя, ежели ты хотя пикнешь! вотъ тебѣ приказъ отъ Князя.

Бѣдный художникъ, усмотрѣвъ, что здѣсь не будутъ приняты никакія возраженія, только вопросилъ: куда ему идти? — Ты увидишь это, сказано было въ отвѣтъ.

Кромѣ плашья не позволено ему было ничего взять съ собою. Онъ вышелъ; предъ дверьми стояла кибитка, въ которую принудили его сѣсть. Проводникъ его закрылъ кибитку, и извощикъ поскакалъ. Они ѣхали день и ночь на перемѣнныхъ лошадяхъ. Провожатаго съ нимъ не было. Сдавали его съ почты на почту. Никто не говорилъ съ нимъ ни слова. Пищу давали ему всегда, когда онъ просилъ. Каждому, который его везъ, подъ жестокимъ наказаніемъ было подтверждено не говорить съ нимъ ни слова.

О бѣгствѣ помыслить было не можно; по чему лучшій способъ состоялъ въ терпѣніи, которому онъ и предался. Ни о чемъ онъ столько не сожалѣлъ, какъ объ упрашъ всего того, что принадлежало къ его искуству. Онъ не сомнѣвался болѣе, что сослали его въ такое мѣсто, изъ котораго

вѣчно ни кто не возвращается, и куда сылаютъ тѣхъ, отъ коихъ навсегда желаютъ освободиться, не оставляя убивства ихъ у себя на совѣсти. Но сїе не болѣе ли убивства?... оставляю на разсужденїе каждаго. Отчаянїе всего чаще бываетъ сего слѣдствїемъ; и самый варваръ, взглянувъ на сїе, поколебался бы, или долженъ онъ быть таковъ, каковъ былъ нашъ *Пансалвинъ*, Князь Тьмы.

Вскорѣ перемѣна климата и родъ путешествїя вразумили его, что онъ въ догадкахъ своихъ не ошибся. Быстрый переходъ отъ надежды той, что чрезъ нѣсколько дней отъ великодушнѣйшей Монархини получитъ благоволенїе и пропитанїе, въ непрестанную бѣдность повергъ его, въ тоску, содѣлавшуюся опасною для его жизни.

Не взирая на жестокую горячку, въ которую онъ впалъ, везли его безъ остановки; поелику противное

сему нарушило бы приказъ, который преступить не осмѣливались; по крайней мѣрѣ нашлись сострадательныя души, избавившія его отъ суровостей погоды. Наконецъ прибылъ онъ въ назначенное мѣсто, послѣ того, какъ природа побѣдила всѣ отягощенія. Здѣсь опредѣлено ему было небольшое содержаніе, но притомъ дали ему разумѣть, что оное слѣдуетъ ему заслужить своими трудами.

Работа сія соединена была съ свободою, и она доставила ему почти невѣроятный путь въ такое Государство, въ которомъ для него произошло лучшее.

Ежели бы *Пансалвинъ* поступилъ такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ уже прочитавъ прозьбу художникову, и усмотрѣвъ произносимую на него жалобу, все еще было бы то простительно. Но безъ всякой причины, въ первомъ жару своемъ опредѣлить бѣдствіе чело-

вѣку, и употребить во зло превосходство власти, составляетъ дѣйствительно поступокъ, котораго внушеніе происходитъ изъ Царства Тьмы.

И могъ ли онъ ожидать, чтобъ возлюбленная его сіе одобрила?

Читатели совсѣмъ еще её не знаютъ, а потому считаю за несправедливость оставлять оныхъ далѣе въ неизвѣстности, и приступаю къ ея изображенію.

ГЛАВА VII.

Выступаетъ Главная Особа.

О сила! чистосердечіе! водите перомъ моимъ; ибо дерзаю я изобразить ту, которая была въ мірѣ, гдѣ сіе происходило, великая, и. . . почто скрывать! величайшая изъ женъ.

Не слѣдуй, возлюбленный читатель, обычаю тѣхъ людей, кои судятъ только по наружностямъ о томъ, когда я тебѣ разсказываю, что была она *Пансалвинова* любовница, и не хватайся за случай разсматривать оную со стороны меньшаго примѣчанія достойной; вмѣсто того вѣрь, хотя и извѣстно тебѣ, сколько не хорошо поступила она, вручивъ любимцу своему столько власти; вѣрь разсужденіи сей страсти, что была то женщина чувствительная, нѣжная, что она не измѣнила характеру, полученному ею отъ Всемогущаго Раздаятеля; изъ сего заключай о многомъ, пріемля разсужденіи ея доброе съ такимъ же пристрастіемъ, съ каковымъ судишь ты ея слабости, и всегда обрящешь множество случаевъ ей удивляться, равномѣрно и причинъ ее оплакивать, что она къ величію состоянія не соединяла величія намѣреній, кои все неправедное содѣлы-

ваютъ невозможнымъ, производятъ всеобщее благоприличіе, содѣлывающее подданныхъ благополучнѣйшими тварями.

Ежели бы помазаніе свыше столико прекрасно дѣйствовало на Царей земныхъ, чтобъ они пріобрѣтали свыше-человѣческое совершенство, вступая на престолъ: тогда бы и каждый сынъ земли, подъ скипетромъ ихъ состоящій, былъ бы совершенъ; ибо, когда правосудіе водительствуетъ каждымъ шагомъ правительства, какъ могъ бы управляемый осмѣлиться совершить несправедливость, которая сему Всевидящему Оку немедленно представилася бы таковою, и непосредственно навлекла бы ему наказаніе.

Не помышляй о мечтѣ въ здѣшнемъ дольнемъ мѣстѣ недостигаемаго блаженства. Обитатели планеты не могутъ имѣть чи-

сшаго шествія небесныхъ воинствъ; и такъ возвратимся вспять къ несовершенству, сему жребію нашему въ нынѣшней нашей эпохѣ.

Мирандою называлась жена сія, которую несчетные народы, ею обладаемые, называли только *великою изъ женъ*. Такою признавали въ нѣхъ странахъ, гдѣ день чрезъ многіе мѣсяцы приводитъ ночь только единожды, и сія опять радуетъ человѣческое око, долговременно оную ожидавшее. Такъ называли ее тамъ, гдѣ розмѣрными шагами Близнецы другъ отъ друга убѣгаютъ; такъ называли ее при подошвѣ холодныхъ ледяныхъ горъ, и гдѣ продолжительная весна естество украшаетъ. Милліоны взоровъ воспаряли къ небесамъ съ каждымъ утромъ о ея благоденствіи, и милліоны вздоховъ молились ввечеру о счастливомъ ея пробужденіи, когда день придетъ опять ее поздравить.

Солнце, луна и звѣзды, и ты прекраснѣйшій эеиръ, внутрь себя ее объемлющій! — каково сіе предъопредѣленіе! Вывѣсь кто-либо содержаніе, для сего рожденну бышь, чшобъ всѣхъ упомянушыхъ содѣлашь блаженными, и покажи мнѣ сему цѣну въ числахъ равномѣрно важныхъ!

О! сему нѣтъ цѣны. Это смѣлость къ Создашелю. Ты червь, въ состояніи ли сіе измѣрить? Сокройся во мракѣ, когда на сіе дерзаешь.

Желаешь ли шы вѣдашь и еще болѣе? Я могу изрѣчь громогласно, потому что сіе есть истинна; я видѣлъ то своими глазами, я слышалъ то моими ушами.

Въ странахъ, которыхъ она не достигала, гдѣ только молва объ ней разносилась, все преклоняло колѣна, и обожало ее въ отдаленіи. Она сего не видала, и ни-

когда сего не принимала; но ежели бы, когда-либо въ часъ слабости, взглянула на таковую картину, не должноль было чему нибудь возбудиться, видя себя приближенною къ величїю, съ которымъ была смѣжна?

Несправедливость, великую несправедливость оказали бы мы *Миранде*, отвергая то, что она съ несказанною ревностїю желала всю сїю великую толпу, называвшую ее повелительницею надъ собою, видѣть счастливою, и чтобъ всѣ признали ее тою, которой обязаны они за свое счастїе.

Сказалибъ мы неправду, ежели бы утверждали, что каждое извѣстїе о благоденствїи какой либо части ея обширнаго владѣнїя не получила она съ удовольствїемъ, и тѣмъ величайшимъ, чѣмъ болѣе она сама къ тому содѣйствовала; и столько же достовѣрно, что каж-

дое несчастїе, въ областяхъ ея произшедшее, исполняло ее внутренней печали, и столько ее трогало, что она не скоро приходила въ состоянїе участвовать въ веселїяхъ.

Словомъ сказать, *Миранда* имѣла въ себѣ всѣ свойства для преизящной обладательницы, и была таковою въ частяхъ толико многихъ, что, естьли бы отдѣлить отъ ней ея погрѣшности и слабости, или хотя бы она въ состоянїи была одна своею особою о всемъ пещися и все выполнять, то конечно заслужила бы она мѣсто Ангела между главами погдашняго человѣчества.

Однакожъ и *Миранда* имѣла порокъ, общїй съ своимъ послѣдовавшимъ любимцемъ, честолюбїе, и оное то часто побуждало ее къ поступкамъ, которыхъ бы она, не во вредъ ея славѣ, по нашей си-

стемѣ не имѣя, осталась бы непорочною.

Находилось вѣ ней тысяча похвальныхъ свойствъ такихъ, которыхъ многіе другіе владѣтели не имѣютъ, и которыхъ слѣды мы явственно вѣ послѣдствѣ увидимъ.

Миранда сама по себѣ не была Царица Тьмы, но жалости достойно, что Князь Тьмы пріобрѣлъ надъ нею столько власти.

Миранда любила каждаго вѣ особливости изъ своего народа; — но не плачевно ли, что столько многими изъ онаго пожертвовано честолюбію и страсти къ завоеваніямъ?

Миранда не была равнодушною къ мущинамъ. Она ощущала природу, и какая бы женщина ее не ощущала? Но не горестно ли, что она допустила содѣлаться страстью

самому тому пункту, о которомъ бы слѣдовало ей важно размыслить, и который, вразсужденіи соединенныхъ съ нимъ знакомствъ, былъ самый тотъ, который не рѣдко содѣлывалъ ее подверженною, изъ страсти обнаружилъ слабости, кои съ нѣкоторымъ ограниченіемъ остались бы вѣчно неизвѣстными?

Великое искусство въ Государяхъ сокрывать свои слабости, равно какъ и вообще для всѣхъ людей. Въ наше время содѣлалось оное необходимостію; поелику, гдѣ чистосердечіе не противу стоитъ больше чистосердечно, тамъ безопаснѣе тотъ, у котораго меньше тайностей.

Что *Миранда* отъ мущинъ научилась многому больше съ опытовъ, нежели чрезъ наставленія, которымъ въ послѣдствѣ могла воспользоваться, и воспользовалась, сіе достовѣрно; равно и то, что она всему сему могла бы научить-

ся, не допуская пріобрѣтать на
собою столько власти, достовѣр
же. Но возможно ли было опве
гнуть ей женскую нѣжность?

Мы видимъ ее большею часть
вѣ содержаніяхъ или связяхъ,
которыхъ состояла она съ Князе
Тмы; инако почасту бы мы в
дѣли ее неутѣшною въ опасн
стяхъ любезнаго для ней, и
шаихъ положеніяхъ, кои содѣла
бы сердце ея для насъ толико дра
цѣннымъ, что принуждены бы
бы воскликнуть: Божественная обл
дательница надъ милліонами! те
трогаетъ несчастіе человѣчес
и потому уже заслуживаешь п
почитаніе.

По меньшей мѣрѣ, о велик
жена! когда въ эѳирѣ, котор
ты вдыхаешь, должно пронести
сему изображенію, напомни, ч
высокое уваженіе къ каждому доб
тобою совершаемому, сердце м
наполняетъ!

ГЛАВА VIII.

Великому надлежитъ въ округѣ человѣчества нравиться.

Быть другомъ общественныхъ радостей — пріискивать людей въ бесѣдахъ человѣческихъ, называю я достоинствомъ Особъ великихъ. Для чего же великой въ женахъ причесть въ вину то, почему она не безпрестанно занималась заботами, кои наконецъ должныбъ были содѣлать ее строгою и сварливою?

Дѣйствительно былъ у ней небольшой кружокъ изъ отборныхъ друзей и другихъ состоящій, въ которомъ она, низходя съ величія Монаршаго, не требовала никакихъ почестей и преимуществъ, въ которомъ приказывала называть себя просто *Мирандою*, въ которомъ съ людьми была человѣкомъ, и неописаннымъ богатствомъ пріятностей и естественной простоты всѣхъ очаровывала.

Здѣсь *Миранда* была собственностїю дружества; здѣсь наслаждались непринужденными шутками, толико украшающими бытїе человѣчества; здѣсь рѣзвились, смѣялись, играли; здѣсь не появлялись важные вопросы, предлагаемые же были остры и забавны; здѣсь не совѣтывались съ степенями чиновъ, не упоминали о томъ, во сколько лошадей кто можетъ разъѣзжать? Разговоры клонились къ тому, кто выдумаетъ лучшее препровожденїе времени для бесѣды, и какимъ образомъ наказывать кого-либо за неудачную выдумку; сїи забавныя наказанїя, располагаемыя *Мирандою*, сопровождались неподражаемою тонкостїю ума, и наказываемому не мало хлопотъ доставляли.

Обнаруженїя, кои съ нѣкотораго времени оказывалъ въ себѣ *Пансавинъ*, были наконецъ причиною того, что другъ его, котораго умъ онъ себѣ пріобрѣсть, доставилъ ему входъ въ сїю бесѣду, и въ самый тотъ день, когда

Миранда превзошла самую себя; когда прелести ея блистали въ полномъ отличіи; когда каждое изрѣченіе ея было неподражаемо; когда врожденная ея живость никакою важною заботою не бывъ возмущаема, блистала въ лучезарномъ свѣтѣ; въ таковое-то время вошелъ онъ въ сіе собраніе, и подвергся безнадежной страсти.

Играли въ фанты; смятеніе его было безмѣрно, и до чего на свѣтѣ могла быть ему надобность, кромѣ той, на которую взирая, онъ забылъ все? Почему всѣхъ чаще платилъ фанты, кои *Миранда* сама собирала, и принимая оные отъ него, касалась руки его концами перстовъ своихъ? Пылъ вошелъ въ него и всего распалилъ.

Онъ скрывалъ отъ *Миранды* такое свое состояніе; не ужъ ли она сего не замѣтила? Очень замѣтила, но отнюдь того не оказала. Она привыкла къ таковымъ побѣдамъ. Онъ былъ только одинъ изъ многихъ, кои чувствовали то, что

онѣ чувствовалъ, и только оди
изъ многихъ, котораго она зам
тила.

Въ семъ собранїи *Миранда* н
нечно не помышляла, что *Панса*
синъ нѣкогда будетъ ей тѣм
чемъ онъ послѣ сдѣлался, и тол
ко онъ — онъ дѣлалъ планы.

Планы — когда онъ былъ е
ничто? Въ самомъ дѣлѣ, проши
шого, чемъ ему быть случилос
еще ничто. прошивъ того, чем
онъ послѣ быть желалъ; онъ бы
еще такова, каковыми были пр
шиву ея милліоны. Но *Панса*
синъ желалъ, и быстро присту
пилъ къ дѣлу.

Понто способствовалъ войн
ему въ сїю бесѣду. *Понто* бы
тотъ другъ, который видѣ
страсть сїю начинающуюся и во
росщею. Не въ первые тогд
какъ мнѣ извѣстно, *Пансальви*
увидѣлъ сїю Государыню. Она б
ла для всѣхъ видимою, совсѣмъ
принадлежала въ число тѣхъ Мона
ховъ, кои особу свою вмѣняю

болѣе святою, нежели бы можно оную показывать, равно и въ томъ, которыхъ убѣждаютъ Министры ихъ въ томъ, будто бы сіе не прилично. Нѣтъ! въ ней каждый, желающій ее видѣть, имѣлъ свободный доступъ. Дней, назначенныхъ для аудіенціи, было много; она обыкновенно проходила чрезъ великія залы, наполненныя людьми; каждаго, съ замѣчаніемъ обращающаго на нее взоры, ласково привѣтствовала; такового привѣтствія досталось нѣсколько и *Пальвину*.

Отъ сего произошла его первая къ ней склонность, въ которой открылся онъ Г. *Понто*.

Довольно извѣстно, что происходитъ при Дворахъ, гдѣ державствуютъ Государыни, и гдѣ Государыня не есть явная непріятельница любовныхъ происковъ. Въ семъ случаѣ окружается она другими ея пола, кои равномѣрно не суть вышесказанному непріятельницы, и дѣлаютъ свои расче-

ны въ разсужденіи тѣхъ, которые отъ ней уходятъ. Можно себѣ представить, что *Пансалвинъ* возбудилъ уже всеобщее любопытство; что многіе желали уже встрѣчи съ собою тѣхъ взоровъ, кои устремлялъ онъ на Монархиню, и что онъ оказывалъ постоянство въ своемъ важномъ исканіи, читатели мои въ томъ сомнѣваться не могутъ.

Между тѣмъ извѣстно, что страсть его къ Государынѣ, оказываемая слишкомъ явно, была осмѣяна. Нѣкоторые, чему однако не вѣрю, утверждаютъ, что *Пансалвинъ* владычествовавшую тогда моду, быть влюбленнымъ въ Государыню, простеръ за излишекъ, и что сначала столькожъ мало вѣрили истинѣ его страсти, какъ и мнимой влюбленности многихъ другихъ.

По сему никому не вспало обратить вниманіе на сію страсть, кромѣ Г. *Понта*, который неизвѣстно что-то открылъ въ *Пан-*

салвинѣ, возведшее его на мысль, составить собственное счастїе чрезъ счастїе другаго. Можетъ бы и *Пансалвинъ* не пошелъ вдоль, ежели бы *Понто* съ самаго начала не ободрилъ его. Когда же сїе единожды сдѣлалось, и первому шагу въ сей бесѣдѣ послѣдовалъ второй, произошла велиная перемѣна, и самъ *Понто* не узналъ болѣе своего друга.

ГЛАВА IX.

Переговоръ.

Ты унывенъ, сказалъ *Понто Пансалвину*, когда они домой возвратились.

Пансалвинъ. Я кажусь тебѣ унывнымъ? Желалъ бы я видѣть радостнаго.

Понто. Твоя радость совсѣмъ особливаго рода. Ты долженъ быть упоенъ радостїю, потому что бродишь какъ изумленный.

Пансалвинъ. Да, ты можешь называть сіе упоеніемъ радости. Я шуменъ онъ восхищенія. Можетъ ли происходить иное, бывъ тамъ, гдѣ мы были?

Понто. Ты правъ, общество сіе до крайности пріятно: не легко сыскать бесѣду, въ которой бы подобно столько дружественности соединялось. Никому не оказалъ такого искавія, какъ —

Пансалвинъ. Не съ ума ли ты сошелъ, *Понто*? Можно ли тамъ быть и видѣть что-нибудь иное, кромѣ ее — слышать голосъ ея подобной? ощущать взоръ, каковой она возводитъ?

Понто. По истинѣ ты долженъ наименовать ее, чтобъ я понималъ твои бредни; инако опять приведешь меня въ сумнѣніе разсужденіи цѣлости твоего разума.

Пансалвинъ. Кому и н о м у быть, кромѣ Государыни, нашей Государыни! — Не спрашивай у меня, кто былъ тамъ, кромѣ ее — я не

знаю никого — никого и никакой, говорятъ тебѣ.

Понто. Ты заблуждаешься, другъ мой. По чести, мнѣ очень жаль, что я тебя туда завелъ. Къ идеямъ невозможности не должно приближаться, а и того меньше искать приближиться. Я опасаюсь, не привелъ ли я тебя на край пропасти, въ которую ты можешь низринуться? Опомнись! вырвись изъ сего стремленія. Испроси позволеніе, и оставь на нѣсколько времени столицу, для которой ты не годишься.

Пансалвинъ. Мнѣ оставить столицу? мнѣ удалиться отъ той, которую обожаю? мнѣ, ничего страстнѣе не желающему, кромѣ того, чтобъ съ каждымъ мгновеніемъ къ ней приближаться? . . .

Понто. Сумасшедшій! удержись! не желай самъ себѣ пагубы.

Пансалвинъ. Оставь меня и не мѣшай мнѣ. Въ сіе только мгновеніе почувствовалъ я, что имѣю голову. Теперь только

она вразумила меня, что я за человѣкъ. Такъ, *Понто*, я долженъ къ ней приближиться, хотя бы то стоило моей погибели. Вѣришь ли ты, что я люблю ее? — Такъ, — но и она должна любить меня взаимно; должно сего достигнуть, или ничего инаго на свѣтѣ.

Понто. Государыня полюбила бы тебя взаимно? меня смѣхъ разрываетъ!

Пансалонъ. Смѣйся и себѣ сколько хочешь. Ты не понимаешь, что значитъ въ человѣкѣ вознамѣреніе, твердое вознамѣреніе. Находи смѣшнымъ то, что находишся въ насъ сторона, которая, бывъ настроена, издаетъ отъ себя звоны, и съ того времени уже не умолкаетъ. Сія любовь болѣе не умолкаетъ; она должна, необходимо должна услышать вопль во мнѣ къ ней вопіющій: люби меня, потому что и я люблю тебя.

Понто. По малой мѣрѣ, когда бѣшенства остановить не можно, то шествуй осторожно, и не из-

порнь своевольно пылкостію того, до чего ты тихими, умѣренными шагами можешь быть и достигнешь.

Пансалвинъ. Мои шаги шествуютъ прямо. Я не могу ходить улиточною линіею. Мое чувствованіе таково, что должно быть удовольствовано — скоро — или погибель мнѣ угрожаетъ. Въ такомъ положеніи находится обстоятельство, *Понто.* Я совсѣмъ иной человѣкъ, нежели былъ. Любовь въ немъ возбудила все, что спало. Не появляйся ко мнѣ съ лѣнивымъ своимъ ходомъ.

Понто. Но все имѣешь ты нужду въ помощи.

Пансалвинъ. Имѣю, и объ ней прошу тебя. Не уже ли ты откажешь, ты, который никогда не шелъ противъ меня? Но долженъ ты подавать мнѣ оную по мыслямъ моимъ, а не по твоимъ собственнымъ.

ГЛАВА X.

Оправданіе Государыни.

Время уже посудить намъ о наружности *Пансалвиновой*, дабы можно было судить, могъ ли онъ и съ сей стороны обѣщать надежду своему смѣлому предпріятію, первому, но конечно и труднѣйшему въ теченіи его жизни, изъ всѣхъ въ послѣдствѣ предпринятыхъ и произведенныхъ.

Самый выборъ его въ высокую школу заставляетъ ожидать, что имѣлъ онъ тѣлесныя преимущества, на кои всегда взираютъ; ибо не безъ справедливости заключаютъ, что тѣлесное образованіе имѣетъ вліяніе въ душу, и что недостаточное тѣло, тѣмъ или инымъ образомъ, производитъ пятно на образъ мыслей и дѣйствованій, хотя правило сіе впрочемъ имѣетъ изъятіе.

Пансалвинъ имѣлъ отличный ростъ, болѣе нежели обыкновенный

вышина онаго, сообщала ему самовитость, съ особливою правильностію частей соединенную. Видимыя части тѣла доводили заключать и о сокровенныхъ, и кто утверждалъ, что отъ сего видимаго ничего ожидать не можно, надлежало тому о чемъ либо имѣть тайное свѣденіе. Между тѣмъ послѣдствіе докажетъ, что тѣ не ошиблись, кои присвояли ему совершенство.

Не нахожу я излишнимъ позадержать читателя нѣсколько при сей наружности; ибо то оправдываетъ любовь, возбужденную въ сей Монархинѣ.

Въ лицѣ его было много марсіяльнаго, но оное сопровождалось плѣняющимъ. Взоръ его обѣщалъ много, а паче, когда любовь сообщила оному примѣтнымъ образомъ явственное выраженіе. Голосъ его былъ мужественно пріятенъ, поступокъ не нагль, и притомъ со времени его предпріятія, удостоиться высокой любви, содѣлался не-

сравненно выше, и нѣчто великое предвозвѣщающимъ, нежели прежде.

Дѣйствительно, когда увидѣлъ онъ *Мираманду* въ первые, душею его овладѣлъ огнь, разпространившійся вкупѣ и по его тѣлу, и каждому, знавшему его прежде, далъ замѣтить, что *Пансалвинъ* сталъ совсѣмъ инымъ, нежели былъ прежде.

Тогда достигъ уже онъ нѣкоего рода въ военномъ состояніи, почетнаго и соединеннаго съ преимуществами, предъ прочими находившимися въ столицѣ; о чемъ еще нѣчто говорено будетъ въ послѣдствѣ, и чрезъ что не было ему недосягаема видать свою Государыню.

Пансалвинъ умѣлъ своему, и безъ того привлекательному наряду по складности тѣла, болѣе придавать пріятности чрезъ бросающуюся въ глаза забавливость, такъ что и въ семъ случаѣ онъ отличался, и болѣе другихъ былъ замѣтенъ. Цвѣтъ лица его, которато онъ не сберегалъ, и которой

онъ того довольно позагорѣлъ, въ столицѣ, гдѣ не столько онъ подвергался суровостямъ воздуха, или можетъ быть съ помощію искуства, воспрiялъ красивую тѣнь, и кровь, которая при взглядѣ на ту, чьей искалъ онъ благосклонности, волнуясь сугубыми толчками въ ея щёлъ, сообщала щекамъ его здоровый сокъ и силу, обѣщающiе румянецъ, изображающiй цвѣтущую молодость любви достойнымъ предметомъ.

Красивые волосы свои умѣлъ такъ убирать, и сiе не избѣгало замѣчанiя, и въ воинскихъ оборотахъ, для оказанiя пользы, находилось нѣчто такое, что задерживало на немъ взоры даже самой Монархини, когда она удостоивала его милостиваго воззрѣнiя, и какъ скоро онъ сiе замѣчалъ, тогда нѣкое одушевленiе возвышало каждое его движенiе.

Не льзя сказать, чтобъ Государыня не замѣчала сего и въ другихъ, особливо отборнѣйшая молодёжь

находилась въ ея гвардіи; однакожь, когда слѣдствія, о которыхъ читатель услышитъ, и когда присовокупить къ нимъ особливое, которое здѣсь вообще касалось до многихъ, когда слѣдствія сіи совокупить со всеобщими: то кажется, что сіе нѣсколько оправдываетъ первую склонность *Миранды*, о чемъ читатель услышитъ въ слѣдующемъ второмъ десяткѣ.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ДЕСЯТОКЪ ВТОРОЙ,

объясняющій любовныя похожденія его Князя.

ГЛАВА I.

Выступаетъ новая Особа.

Другъ Пансальвиновъ, *Понто*, составлялъ съ Госпожею *Шладилью* одно сердце и одну душу, и супругъ ея, Г. *Шладиль*, отъ сего не морщился. Въ союзахъ вельможескихъ господствуетъ, отсутствіе отъ принужденія, которое употребляется въ ихъ обхожденіи. По сему приводятъ они себя въ безопасность отъ того, чтобъ въ домѣ у себя подверженными быть упрекамъ и перебранкамъ. Они устроютъ себѣ спокойную систему, ибо поставляютъ себя свыше чувствованій естественныхъ. Сіи содѣлались слишкомъ обыкновенными, нежели бы можно было принимать въ нихъ участіе. Состояніе ихъ требуетъ чего-то особливаго, и, сіе особливое состоитъ въ связяхъ, кои въ другихъ состояніяхъ не могутъ быть терпимы.

Госпожа сія много значила у Государыни, и для того Барону *Понту* посчастливилось внушить ей выгодное мнѣніе о *Панталонѣ*, безъ чего не удалось бы ему, можетъ статься, ввести его въ бесѣды ея.

Къ ней поспѣшилъ онъ, и теперь, когда увидѣлъ друга своего въ смятенномъ состояніи, увѣдомилъ ее, до чего дошло съ *Панталономъ*, и заклиналъ ее приложить руки къ дѣлу сему теперь, или никогда о семъ не помышлять, чтобъ ввести онаго въ любимцы и чтобъ вытѣснить, хотя впрочемъ прекраснаго, но неспособнаго послѣдователя за Монархинею Баронета *Пикина*. Сей избранъ былъ за недостаткомъ другаго; ибо собственный любимецъ Монархини, большею частью послужившій къ ея возвышенію, находился въ отсутствіи, потому что дозволилъ себѣ выказать склонность свою къ нѣкоей дѣвицѣ *Трефовой*, которая была ему сродница, чрезмѣрно пре-

красна и приномъ весьма крѣпкаго сердца.

Не удивительно, что сіе для Государыни не могло быть равнодушно, оставляетъ ли ее любимецъ ея, и входитъ ли въ другое обязательство, которое можетъ истребить даже напоминовеніе объ ней; сіе подобно было нѣкоторому роду презрѣнія. Она охотно сносила волокитства, когда безъ того не льзя было обойтиться; но намѣренія нешуточныя тѣхъ, кои единожды были въ ней счастливы, казались ей противными. Не должно-симъ было допускать собою овладѣть женскому созданію, послѣ участія, въ великомъ счастіи, обладать великою изъ женъ.

Ни одинъ любимецъ не выходилъ изъ ея рукъ, не быв снабженъ столько, чтобъ могъ пожаловаться на Ея тихое обхожденіе съ нимъ счастія; и могъ онъ тѣмъ, что въ союзѣ съ другимъ поломъ называется тѣснѣйшею связью, съ поломъ, который считаютъ самымъ

дешевымъ, наслаждаться и съ самою дражайшею, не возлагая бремени на свое состояніе. Она требовала только сего одного условія, хотя довольно властна была оное и предписать каждому, кто бы онъ ни былъ, ежели бы ему вздумалось поступить напротивъ сего условія.

Однако же при всемъ ея могуществѣ во многомъ зависѣла она отъ окружающихъ ее; и поелику близко къ ней состоящая, обыкновенно бывала и повѣренною ея тайностей; ибо она имѣла надобность не въ одной физической любви, но требовала кое-чего для своего сердца и разума: что обыкновенно случалось, ежели сего съ прочими свойствами въ любимцѣ ея соединено не было, что поприще его бывало кратковременно, сама она въ теченіи сего оказывалась скучною, и слѣдствія сего дѣйствовали и на собесѣдниковъ ея столько, что они весьма желали перемѣны предмета.

Способнѣйшаго вида для всего таковаго, чего въ подобномъ предметѣ желали, никто столько не обѣщалъ, какъ *Пансальвинъ*. Выборъ сдѣланъ былъ преизящный; но въ разсужденіи самаго его позабыли о предосторожности испытать, не находится ли въ *Пансальвинѣ* величайшаго запаса требуемыхъ свойствъ, дабы расположить себя по машшабу, котораго, вразсужденіи округа его дѣйствованія, держаться надлежитъ. Желали, чтобъ любимецъ обладалъ Государынею, но желали и самимъ имъ обладать.

Лесшвица человѣческихъ желаній, которую находимъ мы въ каждомъ состояніи, и которая выказываетъ закоренѣлый предразсудокъ о собственной силѣ и слабости другихъ. Считали *Пансальвина* довольно мудрымъ, проницливымъ для сосшавленія у Государыни своего счасшія; но себя считали и еще мудрѣе, и въ состояніи то и другое обозрѣть.

Госпожа *Шладиль* не могла Барону *Понту* ни въ чемъ отказать, потому что и самъ онъ ни въ чемъ ей не отказывалъ. Взаимныя обѣщанія и клятвы были возобновлены, планъ начерченъ и начатъ; но за успѣхъ, какъ то въ послѣдствѣ увидимъ, обязаны они были только самому *Пансальвину*.

Въ слѣдующее уже утро Госпожа *Шладиль* приступила къ дѣлу и напомянула Государынѣ со впечатлѣніемъ о странномъ вчерашнемъ поведеніи *Пансальвиновомъ*, что онъ оказалъ себя какъ бы безумнымъ, и что любовь его такого рода, которая угрожаетъ ему сумасшествіемъ.

О! сказала Государыня важнымъ тономъ и необыкновеннымъ, мнѣ очень жаль будетъ, ежели то онъ меня случился. Но и много еще безразсуднѣе, когда желаютъ меня употребить для произведенія надъ симъ человѣкомъ шутки. Онъ кажется мнѣ весьма достой-

нымъ молодцомъ, въ которомъ теряю я столько же, сколько теряю и въ каждомъ добромъ гражданинѣ моего Государства.

Таковое объясненіе, произнесенное Государынею съ полнымъ чистосердечіемъ, котораго не могла она произнесть намѣками; ибо смыслъ состоялъ не въ томъ, въ чемъ Гжа. *Шладиль* оной себѣ воображала, которая подобно другимъ мыслила, что Государынѣ нравится каждой красивой мущина; молву, которую навлекла она на себя легкомысленною повѣренностію Гжи. *Шладиль* сочла за благосклонность, хотя и не смѣла разгласить сего образа мыслей своей Государыни.

Она удовольствовалась, увѣря *Миранду*, что въ семъ случаѣ рѣчь идетъ отнюдь не о шуткѣ, которой предметомъ дѣлали бы *Пансалвина*, что ни одинъ человѣкъ ему не подавалъ поощренія къ произведенію сдѣланнаго имъ плага; напротивъ старались вразумить

его, какую дѣлаетъ онъ глупость, питая любовь къ своей Государынѣ.

Ну, сказала Миранда съ усмѣшкою, пусть такъ будетъ, когда ты называешь глупостію любить меня; однакожъ извѣстно мнѣ, что для нѣкоторыхъ нашихъ дамъ было бы очень лестно, когда бы *Пансалвинъ* ихъ полюбилъ.

Шладиль. Въ семъ я давно уже не сумнѣваюсь, даже знаю, сколько многія стараются его подловить; но конечно простишь *Пансалвину* не льзя того, что онъ, пренебрегая полевые цвѣтки, стремится за розою, стремится съ такимъ рвеніемъ, которое можетъ быть для него опасно.

Миранда. Оставь ему самому попеченіе о своей опасности. Между тѣмъ буду я осторожнѣе, и лучше лишусь удовольствія, нежели дамъ власть вамъ употреблять оную во вредъ другихъ. Наши бесѣды на сей разъ пресѣкутся.

Великая разность въ характерѣ, которыя *Миранда* выказала

раза два въ продолженїи сего р
говора, хотя возбудила въ Г
Шладиль сомнѣнїе, не отнюдь
желала она довести сего до уш
Г. *Понта*, и въ послѣдовавше
холодномъ съ нимъ по сему пр
мету разговорѣ, сказала ему: ч
нѣтъ ничего достовѣрнѣйшаго, ка
но, что *Миранда* подобное *На*
сальвинову чувствованїе питае
въ груди своей, и только опасае
ся оное обнаружить и даже м
жетъ быть по самому тому, ч
она оказала скромность. Сердце
нѣсколько глубоко уязвлено; она
же говорила объ отмѣнѣ малы
собранїй, поелику, по видимому,
смѣетъ исключить изъ оны
Пансальвина, а при томъ что
не подавъ случая замѣтить ея сл
бость.

Съ одной стороны *Миран*
имѣла причину не выказывать
себѣ чувствуемаго отъ сего прикл
ченїя; ибо сколько ни было ей лес
нымъ почитанїе ея пола отъ ка
дого, однакожъ не обстоятельств

сего основанїя не льзя было ей допустить любить себя такому человѣку, которому для сей любви надлежало быть совсѣмъ инаковымъ, нежели онъ былъ, и хотя бы чувствовала она взаимную любовь или сожалѣнїе къ нему, но онъ поступилъ въ дѣлѣ семъ столько пылко, что слѣдовало остерегаться нарушить благопристойность.

На сей разъ она еще сама себя не понимала ли, и надлежитъ ли ее оправдывать, что она не рѣшилась лучше *Пансалвина* изъ собранїй своихъ удалить, нежели совсѣмъ оныя отмѣнить, или, какъ случилось, на нѣкоторое время оныя отложить — въ изслѣдованїе сего я не вхожу.

Поелику мнѣнїе Гж. *Шладили* было выгодно, то и Г. *Понто* удобно ей повѣрилъ, и въ первомъ переворѣ, который произшелъ у него съ *Пансалвиномъ*, между прочимъ заняло обстоятельство сїе не послѣднее мѣсто, при чемъ мысли были довольно странныя.

ГЛАВА II.

Первая черта Пансалвинова хроиска, и первый доводъ его гордолибаго желанія одному дѣйствовать.

Пансалвинъ предъ симъ объясненіемъ своимъ далъ очень явственно уразумѣть Г. *Понту*, что онъ самъ одинъ дѣйствовать вознамѣрился и ни отъ кого не требуетъ совѣта, кромѣ пособія для произведенія въ дѣйствіе. Однакожъ, оставшись наединѣ, разсуждалъ, не благоразумнѣе ли, не выгоднѣе ли будетъ и дѣйствовать самому, ни одному человѣку себя не ввѣряя, даже избѣгая и въ разсужденіи побочностей входить съ кѣмъ либо въ связи.

Онъ находился углубленъ въ мымыслы по сему обстоятельству; ибо неутѣшный духъ его не давалъ ему ни на минуту покоя, когда

Понто вошедъ къ нему, поздравилъ его съ счастливымъ окрышѣемъ, сдѣланнымъ имъ съ пособѣемъ своей пріятельницы. *Пансалвинъ* слушалъ его въ молчаніи, опершись головою на руку, равно какъ бы не принималъ никакого въ томъ участія, оказалъ признаки удивленія, опчасти и удовольствія, но тѣмъ больше внутренно переворачивалъ все сіе въ головѣ своей, и вѣрилъ ли онъ сему или не вѣрилъ; какимъ образомъ то узнать? не проникнувъ въ мозгъ его, который до сего времени у человѣка закрытъ.

Довольно сказать, *Пансалвинъ* былъ и остался важнымъ и мрачнымъ, и когда наконецъ другъ его далъ ему разумѣть, что онъ поведенія его не понимаетъ, когда вчерась былъ онъ весь огонь и живость, говорилъ объ обладаніи Государынею, какъ о долженствующемъ непремѣнно совершиться; а нынѣ оказываетъ себя такъ, какъ бы извѣстія сіи до него не касались, являетъ себя находящимся въ дре-

жонъ и умершій, и отъ того пожара, который замѣтилъ онъ въ немъ вчерась, не примѣтно даже ни одной раскаленной искры.

Твоя правда, *Понто*, сказалъ на сіе *Пансалвинъ*; послѣ сильнаго напряженія слѣдуетъ усыпленіе; сіе случилось со мною. Я вчерась не только уповалъ, даже былъ удостовѣренъ, а нынѣ совсѣмъ не надѣюсь; мнѣ кажется, что я все утратилъ. Все сказанное тобою, *Понто*, развеселить меня не въ состояніи. Теперь я слѣдую путемъ, изображеннымъ во мнѣ моимъ мечтаніемъ; я оставляю путь, на которомъ нахожуся. Я иду въ монахи.

Понто (съ громкимъ смѣхомъ) Ты съ ума сошелъ.

Пансалвинъ. Ежели бы я сошелъ съ ума, любезной мой *Понто*, не воспріялъ бы такого намѣренія. Нѣтъ, я въ полномъ разумѣ. Ты видишь, что она великая изъ женъ; я не могу ее достигнуть. *Миранда* и *Пансалвинъ*! какое отстоя-

нѣе! не видишь ли ты сего, другъ мой?

Понто. Но для всего на свѣтѣ, *Пансалвинъ*, не дѣлай себя и меня смѣшными. Мы уже столько много наговорили о сей любви твоей. *Миранда* объ оной знаетъ. Сердце ея къ тебѣ не безъ благосклонности. Прогнѣвалась ли она за сіе? оскорбилась ли она явнымъ твоимъ обнаруженіемъ, какъ ты сего ожидалъ?

Пансалвинъ. Оскорбилась ли? нѣтъ, сего не случилось. Можетъ ли червь оскорбить великую изъ женъ? она имѣла даже сожалѣніе. Вѣдай, ежели не ошибаюсь, она изъ сожалѣнія пожала мнѣ руку. О! я спокрадцно бы поцѣловалъ ея пальчикъ! она дѣйствительно великая въ женахъ, когда столько много имѣла ко мнѣ снисхожденія. Сего много уже отъ особы столько великой. За сіе не престану ее вѣчно почитать. И гдѣ можетъ быть сіе лучше, какъ не въ тихомъ уединеніи? въ такомъ домѣ, гдѣ люди

общежительствуютъ какъ пустынники. Тамъ можно размышлять во всю жизнь свою о таковомъ предметѣ. Даже, естьли бы я столько же великъ былъ, какъ Графъ *Керкиръ*. —

Понто. Чѣмъ ты еще не есть, *Пансалвинъ*, тѣмъ можешь еще быть. Подумай о томъ, какъ многіе вознеслись изъ праха.

Пансалвинъ. Такъ; но какъ они возникли? Пронырливыми путями, возлюбленный *Понто*, которыми они шли, я шествовать отнюдь не могу. Меня должна возвысить любовь; но какъ она можетъ полюбить меня? Завтра чѣмъ свѣтъ отправлюсь я въ Кутору, отрощу себѣ бороду, научусь молиться, предамся набожности и буду очень набоженъ, объ ней помышляя. Мнѣ извѣстно, что у ней не будетъ уже особливыхъ собраній. На сей разъ то жалко, но послѣ меня не тронетъ.

Понто. Она тебя боится, *Пансалвинъ*; покажись только.

Пансалвинъ. Нѣтъ, я не покажусь уже ей больше; сіи глаза не взглянутъ уже на нее такъ, какъ взирали въ собраніи. Впечатлѣніе слишкомъ драгоцѣнно, я возьму оное съ собою. Ежели мнѣ опять ее увидѣть, можетъ во мнѣ иное вкорениться, и тогда должно будетъ мнѣ съ ума сойши, когда она окажется ко мнѣ иною.

Понто. Бѣдной человѣкъ! ты очной уже упрашилъ, не осталось въ тебѣ онаго ни крошечки.

Пансалвинъ. Ты мечтаешь, малой человѣкъ! ты не влюбленъ! иначе мыслилъ бы столько же благоразумно, какъ и я. Дай себя пощупать за пульсъ; въ тебѣ жаръ, великой жаръ. Поди, прохладись, иначе ты умрешь.

Понто оставилъ *Пансалвина*, совершенно удостовѣря себя, что онъ рѣхнулся. Справедливо или несправедливо, но онъ имѣлъ причину сему повѣрить. Онъ поспѣшилъ видѣть свою обыкновенную ушѣши-

шельницу, которая съ изумленіемъ услышала страшную сію новость.

Такъ, такъ, сказала она равнодушнѣе, нежели отъ перваго ея изумленія ожидать надлежало, есть примѣры, что отъ любви съ ума сходятъ.

Дѣйствительно ли голова *Пансалвинова* на сей разъ состояла въ исправности, того не утверждаю; ибо поступки его непрестанно отставали отъ здраваго разума. Однакожъ сіе сумасшествіе составляло пришворство, хотя намѣреніе, сообщенное отъ него *Понту*, было нешуточное. Дѣйствительно на другой день поутру переселился онъ въ обитель пустынниковъ и началъ обучаться ихъ моленію и обрядамъ.

ГЛАВА III.

Много чувства для невлюбленной.

Баронъ *Понто* и *Гжа. Шпадиль* услышали съ удивленіемъ и ужасомъ, что *Пансальвинъ* угрозы свои произвелъ въ дѣйствіе, и удалился къ духовнымъ, дабы тамъ ненарушимо имѣть образъ *Миранды* предъ своими очами, и не быть возмущаемымъ непріятными объ ней представленіями, вѣчно удержать ее съ прежнимъ понятіемъ въ своей памяти.

О, ежели бы ты остался тамъ, куда удалился, участь твоя не была бы толико блистательною, но не столько черною вышла бы участь многихъ тысячъ!

Баронъ и его красавица во основаніи были чета такихъ вседневныхъ душъ, что не могли пособить себѣ, взошедъ на перекрестокъ, и не понимали, которою дорогою имъ идти.

Слѣдствіемъ переговора ихъ было то, чтобъ *Мирандѣ* открыть,

о сей новости, и услышавъ, что она на сіе скажетъ, по тому взять новыя мѣры. Госпожа *Шладиль* не считала за потерянное, подобно Барону, который жалѣлъ уже о трудѣ, употребленномъ для испытанія Графа *Кервита*, дабы узнать, сдѣлаетъ ли онъ возраженія противу *Пансальвина*: всеконечно важная предосторожность, поелику *Кервитъ*, не взирая на свое отдаленіе, все имѣлъ еще великое вліяніе во всѣ дѣла, равно какъ и въ сердце и поступки *Мирандины*; онъ по свойству робкаго придворнаго, который отъ немилости всегда худшаго опасается, а притомъ имѣетъ и выгоду, что одинъ милостивый взглядъ можетъ переселить его въ рай, трепеталъ уже отъ того, чтобъ Графъ *Кервитъ* не направилъ въ него удара своей ярости за то, что *Пансальвину* вздумалось взбѣситься.

Гжа. *Шладиль* смѣялась всѣмъ такимъ опасеніямъ. Она не могла видѣть ничего по вышеприведенной

объ ней характеристикѣ; но сколько ни была она безпечна, уповала еще убѣдить *Миранду* къ поданію бѣдняку руки сострадангія, пожать ему еще палецъ, и тѣмъ доставить разуму обратное направленіе.

Наблюдать приличіе въ такихъ происшествіяхъ, также было не ее дѣло. Почему, какъ скоро *Миранда* возвратилась изъ поѣздки въ деревню, что предпринимала она, по мнѣнію ея, съ намѣреніемъ, дабы избѣжать нѣкоторыхъ вздоровъ; немедленно пошла она къ ней, и смѣючись увѣдомила, что нѣтъ уже надобности отмѣнять собранія, потому что *Пансальвинъ* военное состояніе и придворную жизнь промѣнялъ на духовную, и удалился къ отшельникамъ, у которыхъ учится моленію и обрядамъ.

Измѣнить себѣ не было обыкновеніемъ у *Миранды*. Она довольно замѣтила, что своей ежедневной пытливѣ въ обстоятельствахъ, относящихся до ея сердца,

дала нѣсколько надъ собою власти, и чтобъ остановить сіе, сказала ей, что она и безъ того съ завтрешняго дня начала бы собранія, и избѣгла бы каждаго вида несправедливости потому, чтобы другіе не потерпѣли отъ того, въ чемъ она, Гжа. *Шпадиль* и Баронъ *Понто* проступились.

Миранда сказала сіе для того, чтобы привести Гжу. *Шпадиль* въ замѣшательство, и въ намѣреніи своемъ успѣла совершенно; ибо Гжа. *Шпадиль* побледнѣла, подумавъ, что разговоры ея съ Барономъ подслушаны, старалась сколько можно благопристойнѣе удалиться, и пока появился *Понто*, которому также не предстояло прелестнаго вечера, жаловалась стѣнамъ своего дома на несчастіе, придши у Государыни своей въ немилость.

Возносясь при малѣйшемъ блескѣ благоволенія, робѣя отъ маловажнаго вида неудовольствія, по обыкновенію придворныхъ людей,

считала, что упрашила вліяніе и съ нимъ все свое счастіе, и когда появился сотоварищъ ея страданія, предалась она предъ нимъ въ плачѣ до глубины души трогающія жалобы, отъ которыхъ бы и камень сдѣлался воскомъ, а притомъ слезами своими до основанія разорила новое, пишное, нарядное платье своего любовника.

Можно предусмотрѣть, чрезъ что облегчили они печаль свою; ибо величайшимъ счастіемъ для *Понта* было то, что онъ могъ притворяться печальнымъ, когда хотѣлъ, и чтобъ укротить огорченіе ихъ мыслей, къ тому конечно потребно было больше времени, нежели сколько надобно въ случаѣ произшедшей ссоры между супружеской четы, крайне раздраженной, когда приходитъ часъ, въ который слѣдуетъ ложиться въ постель.

Кормило Государственное, кромѣ того, чемъ управляли *Миранда* и Графъ *Керевитъ*, находилось большею частію въ рукахъ Князя *Ка-*

рода, мужа, имѣвшаго всевозможныя знанія въ дѣлахъ Государственныхъ, равномѣрно степень человѣколюбія и доброхотства, что содѣлывало его въ особливости способнымъ къ служенію, которому онъ предстоялъ. Можно было объ немъ сказать, что онъ трудится для всеобщаго блага Государственнаго, и поелику Государыня снисходительно выслушивала все, о чемъ онъ не представлялъ ей, и съ не меньшимъ благоволеніемъ соглашалась на все что находила полезнымъ: то конечно при немъ еще больше бы совершилось добро, нежели сколько къ концу доведено, ежели бы иногда не вмѣшивался въ сіе любимецъ, и не умѣлъ волю Государыни съ усиліемъ отклонять отъ того, что сей предпринималъ.

Удаленіе Графа *Кервита*, почти неограниченнаго обладателя сею Государынею, было большею частію работа Князя *Карода* и хотя имѣло то видъ, что произошло оное отъ любовныхъ и сер-

дечныхъ обстоятельствъ; однакожъ политическая струна, которую Князь *Кародо* умѣлъ настроить, по крайней мѣрѣ рѣшимость Государыни утвердила и ускорила.

Сей Князь ни въ какое время, какъ нынѣ, не находился въ обстоятельствахъ столько счастливыхъ, и ежели бы онъ зналъ на вѣрное, что всѣ предбудущіе любимцы *Миранданы* будутъ въ дарованіяхъ подобны Баронету *Пинину*, поручился бы онъ за вѣчную прочность покоя въ ея державѣ, и за всеобщее блаженство ея подданныхъ.

Несравненно веселѣе, нежели когда-либо, вошелъ Князь *Кародо* въ комнаты своей Государыни; при чемъ доходила иногда рѣчь о дѣлахъ постороннихъ, чего не случалось въ тѣ времена, когда онъ находилъ Графа *Керевита*, непрестанно сидящаго у ней съ боку; но Баронетъ *Пининъ* сдѣлалъ возможностію частыя его отсутствія.

Точно въ самый тотъ день услышалъ онъ и о судьбѣ *Пансала-*

книгой, съ разными прибавками, и не мало досадовалъ, что одна изъ оныхъ касалась и до Государыни; ибо начали даже утверждать, что она сама подала ему случай любовь къ ней возчувствовать и писать.

Онъ давно уже имѣлъ небольшое, хотя впрочемъ крайне несправедливое подозрѣніе на ограниченныя дружескія собранія, кои посѣщать ему хотя и было дозволено, но въ оныхъ никогда онъ не бывалъ по той причинѣ, что отчасти не позволяли ему дѣла, частью же старался онъ избѣгать тѣсныхъ знакомствъ.

Слѣдовалъ онъ правилу: что Министру хотя должно о всемъ вѣдать, но не чрезъ посредство довѣренности, для того, чтобы сія не пріобрѣла надъ нимъ власти. Способъ получить свѣденія за деньги, казался ему дозволеннымъ въ такомъ случаѣ, въ которомъ дружеское испытываніе было не у мѣста, да употребить сіе средство знамъ, гдѣ Государыня имѣла мо-

жетъ быть тайны, казалось, ему несправедливостію.

Когда же произшествіе, *Пансалвинова* въ умъ помѣшательства, выводили изъ сего собранія, то предпринялъ онъ обратить на сіе вниманіе *Мирандино*, и переговоря о дѣлахъ Государственныхъ, упомянулъ онъ за особливую новость объ удаленіи *Пансалвиновомъ* въ отшельникамъ и присовокупилъ къ тому, что причиною его помѣшательства полагаютъ возчувствованную любовь къ Ея Величеству.

Помилуй, Князь *Кародо*, сказала она; я не упрекаю, чтобъ въ самомъ дѣлѣ я сдѣлалась причиною молвы въ городѣ?

Однакожъ сіе случилось, отвѣчалъ *Кародо*. Въ собраніяхъ вашихъ должны участвовать особы не слишкомъ молчаливыя, кои противу всякой тонкости дозволяютъ себѣ разсказы о происходящемъ во оныхъ.

О происходящемъ? сказала *Миранда* съ небольшою досадою. До-

шло къ тому, что говорятъ даже о происходящемъ въ сихъ бесѣдахъ. Князь! вы очень меня обяжете, ежели можете узнать о семъ пообстоятельнѣе. Изъ всего того, что люди сіи болтаютъ, по истинѣ не знаю я заключить, не обиженъ ли тѣмъ бѣдной *Пансалвинъ* болѣе, нежели я. Мнѣ очень жаль, что свѣтъ теряетъ такого многообѣщающаго молодаго человѣка, а и того больше будетъ мнѣ жаль, ежели я, какимъ бы то образомъ ни было, сдѣлалась сего причиною.

Князю *Кароду* объясненіе сіе показалось слишкомъ нѣжно. Изъ политическихъ основаній произошла въ немъ догадка, что случилось сіе по ложнымъ расчетамъ отъ Гжи. *Шладили*, и можетъ быть находилось нѣчто сокровенное въ душѣ его, предвидящее въ будущность, въ которой помѣшанный *Пансалвинъ* нѣкогда можетъ его самаго сдѣлать почти помѣшаннымъ.

ГЛАВА IV.

Пансалвинова болѣзнь усиливается. Объ немъ сожалѣютъ, и разговариваютъ о средствахъ къ излѣченію.

Князю *Кародо* конечно было неизвѣстно, что *Пансалвинъ* самъ у отшельниковъ прилагалъ всевозможной прудъ о причинѣ болѣзни своей разславить, и какъ оные имѣли входъ во многіе домы, посѣщающіе дворъ почти непрестанно, то разнеслось о семъ долѣе, и въ нѣсколько дней какъ бы пожаръ распространилось.

Пансалвинъ отъ Государыни съ ума сошелъ, перешептывали въ собраніяхъ, на гуляньяхъ, въ частныхъ домашнихъ бесѣдахъ, шептали на ухо при дворѣ, и наконецъ зашептали столько громко, что *Миранда* изъ многихъ угловъ о семъ услышала. Между тѣмъ больной игралъ роль свою очень

искусно, либо по собственному своему механизму, или по благосклонности способствовавшей ему природы. Онъ часто подвергался изступленїю, и въ припадкахъ вышняго мечтательства имя *Миранды* составляло непрестанное его восклицанїе. Въ своемъ любовномъ сумасбродствѣ произносилъ онъ похвальныя ей рѣчи, кои достойно было записать, и отчасти оныя доходили въ уши *Миранды*, которая отчасу болѣе и болѣе усматривала, что шумъ, производимой симъ произшествїемъ, можетъ обратиться ей во вредъ; отчасу болѣе усматривала, что человѣкъ сей либо тончайшїй обманщикъ, или дѣйствительно несчастливъ. Что въ семъ мнѣнїи находилась тогда *Миранда*, подтверждаютъ слова многихъ, близко къ ней находившихся. Но какъ сїе изслѣдовать, къ какому классу изслѣдованїе такое надлежитъ?

Теперь, когда дѣло обнаружилось, заботились о разысканїи прежняго *Пансальвинова* поведенїя,

И

нашли оное непорочнымъ, нашли въ немъ человѣка, который могъ быть для Государства полезнымъ, и полезнаго согражданина, удобнаго къ спасенію Государства, и что Государыня можетъ себѣ особливый шагъ позволить и быть его ушъ-шительницею.

Такъ объяснялись по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сіе дошло до ушей *Миранды*. Между тѣмъ Баронъ *Понто* и Тжа. *Шладиль* сидѣли очень тихо и ни слова о *Пансалвинѣ* не упоминали, не для того, чтобы объ немъ не помышляли, когда онъ, по мнѣнію ихъ, навлекъ на нихъ не милость Государыни; но потому, что считали себя находящимися въ немилости, въ которой отнюдь не были, а умножить оную не желали.

Однажожь *Понто* временемъ навѣщалъ *Пансалвина*, и каждый разъ, съ свиданія до свиданія, чаялъ выходить отъ него умнѣе, нежели приходилъ; но онъ-то всѣхъ

больше опасался *Пансалвина*, ибо сей могъ извести *Миранду* на путь, въ разсужденіи того, что онъ носитъ маску, и тогда онъ пропалъ.

Знакомыхъ и повѣренныхъ конечно имѣлъ онъ въ своемъ предпріятіи; но кто таковы были, одѣянные столько честнымъ характеромъ, опредѣлить не можно. Не произошло въ огласку, хотя многіе, можетъ статься, и справедливо имѣли подозрѣніе на отшельниковъ, кои отъ сего въ послѣдствѣ обѣщали себѣ преимущество.

Ежели *Пансалвинъ* открылся имъ, испрашивая помощи, должно сему было произойти въ тайнѣ и съ великою осторожностію. Однакожъ они тѣ были, кои умѣли расположить въ должность самой Государынѣ, помочь сему человѣку. *Миранда*, которая, прохаживаясь по улицамъ своей столицы, ни одному ребенку не отказывала лобзать ея руку, которая и простолюдиму за поклонъ платила поклономъ, и входила съ нимъ въ

разговоры, когда онъ сего требовалъ, могла ли пожелать, чтобъ кто ни есть отъ ней на всю жизнь содѣлался несчасливымъ?

Произшествіе сіе произвело уже въ *Миранде* глубокое впечатленіе, когда замѣтила она, что Гжа. *Шладиль* не такъ весела, какъ бывала прежде, то спросила у ней: отъ чего? — припомянуто было и объ прежнемъ разговорѣ о *Пангалвинѣ*.

Какъ во всемъ обо мнѣ толкуютъ криво! сказала она. За сіе-то ты сердишься на меня, и для того не говоришь уже о томъ человѣкѣ, о которомъ съ того времени можетъ бы я охотно желала слышать многое.

Не льзя больше быть изумлену, нежели случилось тогда съ Гж. *Шладилью;* но она постаралась не показать сего. Колико могла она преступить мѣру радости столько же, сколько преступила мѣру печали. Она была настоящій вѣтреной флюгеръ, и какъ вѣтръ не дулъ еще въ настоящую средину,

между добра и худа, то и она не заняла полной стороны ни веселія, ни смутности, и остановилась на подвижномъ мѣстѣ, чтобъ ловко было впередъ податься и назадъ отступить, какъ потребуютъ обстоятельства.

Но когда *Миранда* повторила, что не будетъ ей неблагоугодно, ежели разскажутъ ей нѣчто о *Пансалвинѣ*, то начала она говорить о чрезвычайной его страсти. Не можетъ быть человѣка, сказала она, который былъ бы проникнутъ столькимъ восхищеніемъ къ Ея Величеству, что никогда не случилось ей замѣтить любовь въ степени столико изступительномъ, какъ въ немъ; что нѣтъ возможности совратить его отъ идей единственнаго блаженства въ сей любви, или чтобъ самъ онъ отъ нее отсталъ.

Степень склонности, мнила она, никогда не уменьшается, и *Пансалвинъ* столько необычаенъ въ сей страсти, что долженъ содѣлаться оныя жертвою.

Что *Миранда* имѣла склонность къ мущинамъ, сіе извѣстно. Что сія склонность могла превратишься въ страсть, доказалось тѣ нѣсколькими опытами. Графъ *Кервитъ* былъ примѣчанія достойнѣйшимъ сего доводомъ. Съ того времени, когда началъ онъ оказывать въ себѣ меньше къ ней вниманія, вмѣщался въ игру другой, о которомъ упомянемъ мы послѣ; и когда бывали примѣры, на чтобъ не могла она отважиться, когда вмѣшивалась въ сіе настоящая любовь!

Таковому изображенію о *Памеланѣ* долженствовало способствовать намѣренію, и хотя *Миранда* въ то самое мгновеніе скрывала еще, сколько въ ней искра разгорѣлась, и что вскорѣ воспылаетъ пламенемъ; но казалось, что ищетъ она войти съ Гжею. *Шпадилью* въ совѣтъ, какимъ образомъ бѣдствію сему помочь можно?

Призванною быть на совѣтъ, составляло нѣчто такое, чего Госпожа сія не воображала, и поелику

она чаемую невозможность видѣла предъ собою въ самомъ дѣйствіи, то вся ея осторожность изчезла, флюгеръ ея повернулся смѣло на ясную погоду, равно какъ бы давно уже на оной стоялъ, и счастье дозволило ему въ сей разъ повернуться въ благополучной часъ.

Теперь начались похвалы, начавъ отъ страсти *Пансалиновой* до прочаго его отличнаго поведенія, отъ сего до тѣлесныхъ его преимуществъ, а оттуда до особливостей, которыя, ежели бы объ оныхъ обнаружить, не отнеслись бы къ славѣ Гжи. *Шпадили*, да и подали бы случай о слабости *Миранди-ной* воспріять строгое понятіе, и думать, что она охотно выслушивала то, что только, находясь въ связи съ другимъ, надлежитъ слушать, дабы узнать нужное.

Послѣдство сихъ совѣщаній, во время которыхъ *Миранда* казалась ни холодною, ни горячею, и однакожъ пылала, какъ то было замѣчено, склонилось къ тому,

чтобъ *Шпадили* потрудиться сыскать доступъ къ *Пансальвину* для обнадеженія онаго со стороны *Мирандиной*, что она весьма жалѣетъ о его болѣзни, желаетъ ему облегченія, и проситъ его открыться въ томъ, что можетъ послужить къ его исцѣленію.

ГЛАВА V.

Посѣщеніе.

Очень сообразно было съ дѣломъ и характеромъ, что Гжа. *Шпадиль*, прежде поѣздки къ *Пансальвину*, отправилась къ Г. *Понту*; столько же сообразно было и то, что она ему, которой и безъ того цѣловалъ ея шуфли, вздернувъ носъ, возвѣстила, что она есть спасительница ихъ обѣихъ, и гибкой, въ присудствіи ея *Понто*, выслушавъ все, нашелъ исполненною, ею разсказанное.

Второе дѣйствіе составляли великія обѣщанія, кои она еще сдѣлаетъ и совершитъ предпріятія, когда *Панкальвинъ* у ногъ ея будетъ изгибаться и благодарить; она осталась благонадежною въ семъ дѣлѣ, хотя *Понто* дерзнулъ оказать нѣкоторыя всенижайшія свои сомнѣнія, кои отвергла она съ миною, явственно показывающею, сколько далеко ниже онъ предъ нею состоитъ.

Но на сей разъ Баронъ *Понто* былъ нѣсколько правъ. Увѣдомили *Панкальвина* о пріѣздѣ сей Госпожи; онъ не медля велѣлъ ей отказать, по тому что никого изъ придворныхъ видѣть и слышать не можетъ; что она не первая, и что многихъ отправилъ онъ отъ себя съ симъ отказомъ.

Какъ бы то ни было, но Гжа. *Шладиль*, которая до сего времени одна желала воспользоваться славою счастія своего, принуждена была открыть сполна препорученное ей, и съ вышней ступени, на

которую вскочила она предъ Барономъ *Понтомъ*, долой спрыгнуть; оставалось ей еще второе, чего не уповала она такъ скоро утратить.

Конечно уста докладчиковъ перенесли обстоятельство совсѣмъ въ другомъ видѣ: именно сказано было, что она прибыла отъ Государыни съ особливыми препорученіями къ *Пансальвину*.

Сумасшедшему, пришла охота и послѣ сего ей отказать; но утверждаютъ, что нѣкто изъ отшельниковъ шепнулъ ему на ухо, сколько онъ чрезъ сіе испортитъ всѣ дѣло, что надобно желѣзо ковать, пока оно горячо, струну натягивать не слишкомъ много и тому подобное, что только могло впасть ему въ такомъ духовномъ ужасѣ, въ разсужденіи шеряемыхъ видовъ.

Вскорѣ воспріялъ *Пансальвинъ* новую мысль, которая показалась ему слишкомъ драгоцѣнною, и немедленно приказалъ Гжу. *Шкадилю* къ себѣ впустить. Отнюдь не было въ немъ и вида болѣзни; онъ

сидѣлъ въ полной своей любезности, даже въ наружной, которую всегда наблюдалъ со вкусомъ и прелестью.

Г-жа. *Шладиль* возрѣла на сіе, яко на предвѣстіе своего счастія; какъ можно было дѣйствительно помѣшенному человѣку казаться столько здоровымъ и прекраснымъ? сему не льзя статься, и слѣдовало заключаться въ семъ притворству. Съ твердымъ удостовѣреніемъ о семъ начала она ему говорить, какъ скоро осталась съ нимъ наединѣ, и разочла по пальцамъ эпоху будущаго его счастія, на которое онъ по благоусмотрѣнію ея восходитъ; сдѣлала притомъ замѣчаніе, что она въ состояніи его опять низринуть, ежели захочетъ.

Что благонадежность, съ которою она говорила, происходила не безъ повода, усматривалъ онъ то довольно, а по тому тѣмъ сильнѣе сдѣлалъ заключеніе, что лукавство, которое онъ единожды забралъ себѣ въ голову, въ семъ

случаѣ для него полезно и служитъ болѣе къ его выгодамъ, нежели онъ чаялъ.

Почему не говорилъ ни слова; когда же она все пересказала, и по нѣкоторомъ молчаніи у него спросила: какой будетъ на сіе отвѣтъ его? сказалъ онъ довольно сухо: никакого!

Гжа. *Шладиль* разсмаприваля его съ удивленіемъ. Никакого отвѣта? — „А чтобы мнѣ отвѣчать, когда вы изобразили въ глазахъ моихъ прелестной образъ Государыни? что мнѣ отвѣчать, когда я вижу одну только *Миранду*, и ни что другое глазамъ моимъ не предстоитъ? Правда, что я не видалъ еще иного предмета, кромѣ ее; но не должно ли мнѣ, когда предстоитъ мнѣ особа, которая присудствовала — не правда ли? вы были въ тотъ вечеръ свидѣтельницею? Но молчать, ни слово больше о томъ, что составляетъ мое счасмїе, мой покой, мое блаженство. Такъ, я очень теперь дово-

лень, что допустилъ васъ къ себ
ибо возобновляется образъ ея пре
мною."

Сказавъ сїе, онъ вскочилъ,
началъ, какъ бы восхищенный,
дить по комнатѣ, посылать
воздуху поцѣлуй и смотрѣлъ
небо страстными глазами.

Такъ, точно такъ, вскрича
онъ, было со мною въ то мгно
нїе, когда она до меня приосн
лась, и теперь то чувствую!
то было блаженство неизрѣченно
которымъ я въ ней участвовал
участвовалъ въ доводѣ любви
О ты счасливая, когда всегда
нею быть можешь! Ахъ! я жела
убить тебя за то, что ты си
счастїемъ наслаждаешься.

Едва только произнесъ онъ с
во убить, какъ Гжа. *Шладиль*
громкимъ крикомъ выскочила
дверь и встрѣтившимся съ н
отшельникамъ кричала: онъ взб
сился, онъ хотѣлъ меня убит
Между тѣмъ выбѣжала со двор
и велѣла себя везти къ Баро

Понту, куда прибыла почти безъ дыханною; о совершенномъ безумiи *Пансальвиновомъ* подтвердила, и *Понто* едва могъ ее уговорить, чтобы она подождала, пока онъ самъ освѣдомится въ сей страшной новости.

Самъ ли *Понто* ѣздилъ къ отшельникамъ, имѣлъ ли друга, съ которымъ хотѣлъ посовѣтоваться, о томъ не вѣдаю, кромѣ того, что Гжа. *Шладуль* во время его отсутствiя нѣсколько опомнилась.

ГЛАВА VI.

Пансальвиновы умозаключенiя.

О каждомъ дѣлѣ можно судить разнообразно. Находятся тысячи оборотовъ, кои можетъ оное воспрiять, и столько же способовъ можно взять противу сихъ оборотовъ, такъ что обыкновенность человѣческая составляетъ то, что мы

дый выводитъ разныя системы изъ одного произшествія.

Другіе въ обстоятельствѣ *Пансалвиновомъ* можетъ быть схватились бы за оное обѣими руками, когда бы случай столько чрезвычайный приближалъ оныхъ къ желанію ихъ сердецъ. Я не говорю, чтобъ они не были осчастливлены, не утверждаю, чтобы не достигли своей мечты, зависти достойной, и каковою многіе прежде *Пансалвина* воспользовались.

Однакожъ все сіе не то было, чего желалъ *Пансалвинъ*. Онъ былъ человѣкъ совсѣмъ особливой. Онъ желалъ взойти выше, нежели взошли прочіе: малѣйшее, чтобъ кто могъ вступить ему на дорогу, и сказать: я пособствовалъ къ его возвышенію, было для него непріятно, а всего больше, чтобъ то была женщина, при чемъ бы сама Государыня могла его упрекнуть, что чрезъ такую-то вошелъ онъ въ ея благосклонность.

По видимому, думалъ онъ, съ *Мирандою* дошло уже очень далеко, когда сей Госпожѣ сдѣлано препорученіе о доставленіи мнѣ сего извѣстія; ежели же она препорученія такого не имѣла, значитъ, что очень издалека стараются меня для ней настроить. Когда же сама она сдѣлала препорученіе, показываетъ то, что сама она простирается далѣе. Естьли же препорученія отъ ней не дѣлано, то видимо, что другіе хотятъ довести къ тому, чтобъ сама она ко мнѣ обратилась.

Послѣ таковыхъ умозаключеній не можетъ оставаться болѣе загадкою, что *Пансалвинъ* не имѣлъ уже помѣшательства въ умѣ, хотя бы страсть довела его къ тому, что сначала дѣйствительно имѣлъ онъ сіи припадки. Онъ овладѣлъ своею страстью чрезъ мудрыя и на предначертаніяхъ основанныя размышленія. Она могла быть и оставаться всегда великою; но онъ обладалъ уже ею, имѣлъ великое

преуспѣяніе, умѣлъ оное довести къ тому, чтобъ *Миранда* сама сдѣлала ему въ томъ признаніе: тогда могъ онъ большими шагами шествовать сей страсти ея на встрѣчу и основать на оной ненасытимое свое желаніе.

Въ темницѣ, добровольно имъ избранной, ни что не безпокоило его столько, какъ неизвѣстность, какой путь избрать ему слѣдуетъ; не заботился онъ о томъ, чтобъ тѣмъ или другимъ путемъ не вышли ему на встрѣчу, прежде нежели о семъ надлежащимъ образомъ будетъ онъ извѣщенъ: за сіе ручалось присутствіе его духа, также воспріятое имъ отсутствіе разума. Теперь было для него равно, какимъ бы образомъ кто ни пришелъ, и какое послѣдствіе произведетъ сіе дѣло; ибо сама она сдѣлала начало, и зашла такъ далеко, что не льзя уже возвратиться.

Взирая съ высоты, на которую онъ себя посадилъ, кружилась у него голова; но онъ съ

особливою предосторожностію берегся оступиться и упасть.

Такимъ образомъ вооруженный, ожидалъ онъ нападенія, представляющагося съ разныхъ сторонъ, противу котораго могъ стать, какимъ бы образомъ оное ни появилось, маскированное ли, или безъ маски.

ГЛАВА VII.

Баронъ и его возлюбленная.

Ничего, совсѣмъ ничего не значитъ; это лучшій путь къ тому, чтобъ все поправить. Успокойтесь, мой Ангелъ! ободритесь, мое сокровище! ни что на свѣтѣ намъ не препятствуетъ, мы выиграемъ, — мы выиграемъ и побѣдимъ.

Такъ говорилъ Баронъ *Понто*, возвратясь, и прыгая по комнатѣ, какъ бы зайчикъ, при первомъ осіяніи солнечномъ прекраснѣйшей

весны, бросилъ шляпу свою въ уголъ, шпагу въ другой, мгновенно очутился на колѣняхъ предъ *Шладилью*, цѣловалъ ея руки, и просилъ, чтобъ она, поспѣша къ Государынѣ, разсказала ей все, что съ нею ни случилось.

Гжа. *Шладиль* до сего времени едва шевелилась. Разгорячение отъ проклятаго произшествія, въ которомъ чаяла себя быть столько близкою къ смерти, едва ее не умертвило. Она принимала одинъ за другимъ осаждающіе порошки, въ спиртъ оленьяго рога почти кувалась, такъ что и Баронъ, при цѣлованіи ея рукъ, упалъ въ обморокъ.

Помогите! помогите! кричала Гжа. *Шладиль*, которой представилось, что сумасшествіе есть болѣзнь прилипчивая, и при семъ случаѣ обнаружилась падучею болѣзнью; — когда же Бароновы люди вошли и его подняли, бѣжала она вонъ; но дворецкой Барона, грубіанъ первой статьи, схватилъ

ее не очень плавно за руку, и сказалъ, чтобъ она осталась, потому что видъ ея сходствуетъ къ Фуріи, и что не извѣстно еще ему, не умертвила ль она его Господина.

Изумленная и безмолвною сдѣлавшись отъ такого съ нею обхожденія, сѣла она въ кресла, и едва могла понять, что съ нею случилось.

Вскорѣ изчезъ ея ужасъ; ибо Баронъ опомнился въ рукахъ служителей своихъ, какъ скоро поотдалили его нѣсколько отъ сильнаго запаха, и едва увидѣлъ развалившуюся свою возлюбленную, бросился къ ней, тысячекратно извинялся, открылъ причину, отъ которой упалъ въ обморокъ, и по крайней мѣрѣ очистилъ себя отъ подозрѣнія въ сумасбродствѣ.

Но тѣмъ ужаснѣйшая громовая туча нашла на дворецкаго, которой названъ былъ грубымъ иностранцемъ, и сосланъ со двора. Фурія не могла объ немъ позабышь, и не было надежды, чтобъ

изъ ея тогдашняго усиливающагося фурїоза можно было вывести адажїо, пока она по своей волѣ успокоится. И такъ дворецкой былъ сосланъ, но на другой день опять принятъ, потому что съ наружности имѣлъ видъ честной кожи, признакъ, за которой на нашей планетѣ можно дать столько же золота, сколько она пошянетъ.

Послѣ возстановленїя тишины, Баронъ *Понто* объяснилъ своей возлюбленной причину, для которой должно *Миранду* о всемъ донесть; но какъ случилось исполненїе по сему не въ той комнатѣ, въ которой мы ихъ оставили, то надлежитъ намъ перенестись во дворецъ, чтобы услышать о послѣдствїяхъ.

ГЛАВА VIII.

Пансалвинъ правъ.

Ежели бы Гжа. *Шпадиль* разсказала и съ меньшимъ чистосердечіемъ о произшедшемъ съ нею, нежели то сдѣлала, то и тогда бы *Миранда* по наружности ея замѣтила, что ей либо привидѣніе показалося, или претерпѣла она нападеніе отъ разбойниковъ, столько она измѣнившеюся ей предстала.

Но *Миранду* не меньше привелъ въ смятеніе видъ ея, и волненіе, отъ того въ ней произшедшее, едва дозволило прерывчиво произнесши слѣдующія слова: не умеръ ли онъ? не умеръ ли *Пансалвинъ*?

Нѣтъ, Государыня, сказала *Шпадиль*, но все равно, что и умеръ.

По сему болѣнъ, очень болѣнъ, безъ надежды? — скорѣе отвѣчай! безъ надежды?

Шпадиль. Безъ надежды, ежели любовь его не спасетъ. Знаетъ

человѣкъ образцовой въ своемъ сумасбродствѣ; его можно назвать лично бѣшенымъ. Представьте себѣ, Государыня, онъ хотѣлъ меня умертвить.

Миранда Умертвить! по этому онъ помѣшанъ?

Шпадиль. Только отъ любви. Онъ хотѣлъ меня убить за то только, что я васъ вижу, бываю съ вами, а для него сіе не возможно. Онъ напоминаетъ о вечеринкѣ, и что прикоснулся къ вашей рукѣ. Онъ видитъ только васъ, Государыня, слышитъ только васъ, и никого, кромѣ васъ, не хочетъ ни видѣть, ни слышать — ему должно скоро умереть.

Гжа *Шпадиль*, не взирая на убѣжденія *Понтовы*, поелику оныя не обнадежили ее, не могла повѣрить, чтобъ *Миранда* не перестала думать о *Пансалавѣ*, какъ скоро она донесетъ ей таковое извѣстіе.

Вновь слѣдовало ей увѣриться съ опыта, сколько мало искусна была она въ познаніи человѣковъ,

ибо по маломъ молчанїи *Миранда* сказала:

Вразсужденїи сего надлежитъ мнѣ самой надъ бѣднымъ человѣкомъ сжалиться, поелику оставить его безъ помощи, было бы очень жестоко. Можетъ быть одинъ взглядъ, одно слово поможетъ ему больше, нежели въ сопротивленїи какой-либо врагъ и какое либо средство.

Шпадиль. Нѣтъ, Государыня, на сїе я не согласна. Вы подвергнете себя опасности той же, отъ какой я выдержала смертельной ужасъ! сего быть не можетъ!

Миранда. Не тебя онъ любитъ, а меня, и грозить мнѣ не будетъ.

Гжа. *Шпадиль* замолчала; объясненїе *Миранднно* было слишкомъ рѣшительно.

Молва о бѣдномъ *Пансалвинѣ* еще не умолкла, но содѣлалась всеобщею. Шопотъ, что Государыня можетъ помѣшенному подать руку помощи, въ особливости же чрезъ

пособное внушеніе отшельниковъ, сильно заразилъ многія головы, и вельможи имѣвшіе доступъ, шутками объясняли, что Ея Величеству должно быть лѣкаремъ, и ежели можно любви достойному человѣку жизнь спасти, надлежитъ сіе считать обязанностію.

Утверждаютъ, что многіе изъ сихъ вельможъ послѣ раскаивались о томъ, что сіе говорили, и помогли сему шагу. Можетъ быть сонадлежали они въ число тѣхъ, кои представились намъ уничиженными отъ *Пансалвина*.

Словомъ сказать: Государыня рѣшилась, и подъ предлогомъ весьма благоприличнымъ, осмотрѣть успѣхи воспитываемыхъ въ обители отшельниковъ, посѣтила оныхъ, и пошла одна въ келью *Пансалвинову*.

Что *Пансалвинъ* представился ей не меньше прелестнымъ и любви достойнымъ, какъ и Гжѣ. *Шладили*, обстоятельство, въ которомъ нѣтъ сомнѣнія; она вошла

къ нему нечаянно, но онъ ожидалъ уже сего непремѣнно. Но что онъ, увидѣвъ ее, прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, разсуждалъ, махая руками, и разными тѣлодвиженіями выказывалъ въ себѣ помѣшаннаго, сего случайности приписать не можно. Два средства могли ему пособствовать: онъ могъ въ окно усмотрѣть ея прибытіе, могъ также самымъ маленькимъ и непримѣтнымъ знакомъ опъ ошшельниковъ быть предувѣдомленъ. Довольно, онъ вдругъ повернулся и увидѣлъ *Миранду*, стоящую предъ собою.

Государыня! вскричалъ онъ, и упалъ на колѣна, вы ли это, или мечта, желающая утѣшить меня въ моихъ неизрѣченныхъ страданіяхъ? Нѣтъ — это мечта всегда мнѣ предстоящая, никогда меня не оставляющая. Но столько явственно никогда я оной не видывалъ, никогда! О Государыня! о сладостное, чудесное мечтаніе! призракъ, блаженство мое сосна-

вляющій, не отходи, не покинь меня!

Онъ произнесъ сіе такимъ голосомъ, съ такимъ млѣющимъ благозвучіемъ, которое каждому бы проникло до внутренности души, а тѣмъ больше у *Миранды* столько чувствительной, которая къ сей встрѣчѣ была предуготовлена, чтобъ увидѣть его столько любви достойнымъ, столько несчастливымъ.

Это не тѣнь моя, *Пансалвинъ*, возьмите мою руку, вы удостовѣритесь. Я слышала о вашемъ несчастіи и прихожу оное облегчить.

Не тѣнь, сказалъ *Пансалвинъ*, и съ робостію, какъ бы сумнѣвался, схватилъ ея руку, и когда оной коснулся, ощутилъ, что то ея рука, впечатлѣлъ на оной пламенный поцѣлуй, и немедленно опустилъ ее.

Простите моей дерзости, сказалъ онъ, я сего не зналъ, не могъ вѣрить. Но великая Государыня говоритъ о несчастіи послѣ того, когда пришла меня утѣшить?

Нѣтъ, теперь я охотно умру, готовъ умереть позорною смертью, достигнувъ сей счастливой мѣты.

Пансалвинъ имѣлъ теперь болѣе огня въ глазахъ. Оные повертывались нѣсколько, но не вселяя ужаса. Существо его оказывало въ немъ мужа сильнаго, человѣка влюбленнаго. Государыню покрылъ прелестнѣйшій румянецъ; она взирала на него страстно, весь видъ ея былъ говорящимъ, она не сводила глазъ съ него.

Ахъ! она сожалѣетъ обо мнѣ, продолжалъ онъ; осталось умереть, охотно умереть!

Да кто говоритъ о смерти? сказала *Миранда* съ небольшимъ негодованіемъ; живи *Пансалвинъ*, живи для счастія.

Счастливымъ быть могу! но жить? возможно ли то? жить, чтобъ чувствовать сердце мое помгновенно раздираемымъ; ибо люблю ту, которую любить осмѣлиться не должно.

Миранда нѣсколько изумилась— но вдругъ отвѣчала ему: для чего же нѣтъ, *Пансалвинъ*? я даю тебѣ позволенїе. Возвратись ко двору; ты долженъ меня видѣть, любить. Мнѣ не пріятно, чтобъ кто-нибудь былъ несчасливъ, а всего меньше изъ тѣхъ, кои меня любятъ, а ты — —

О! вскричалъ *Пансалвинъ*, такъ ни кто не можетъ любить, какъ я люблю *Миранду*. Простите меня, но за чемъ скрывать, что здѣсь горитъ любовь, несказанная любовь къ вамъ, Государыня? Короны цѣлаго мїра ни что въ сравненїи съ оною, ни что не въ состоянїи заплатить за сїе мгновенїе, въ которое слышалъ я утѣшенїе изъ устъ прекраснѣйшихъ.

Успокойся же *Пансалвинъ*, оставь всѣ заботы и возвратись ко мнѣ. Ты найдешь благосклонную Государыню; сердце мое не холодное. — А мое, *Миранда*, пламень. Чудно, что оной меня не спаляетъ, потому что я разгова-

риваю сѣ божествомъ. Ахъ, позвольте мнѣ вѣчное созерцанїе! О Государыня! когда вы отъ меня удалитесь, когда меня оставите столько великодушно утѣшивъ меня, то оставьте мнѣ тѣнь свою. Она останется со мною навѣрное; ни на магновенїе не отлучится отъ меня сей драгоцѣнный образъ. И вотъ . . я ощущаю. . . опять я размышляю здраво. Буду помнить сію милость, помнить объ васъ буду непрестанно, безъ подмѣси малѣйшей искры нечистаго огня сей пламень будетъ меня сопровождать. Божественная! ты спасла мой разумъ, ежели притомъ и не жизнь мою.

Миранда не могла далѣе видѣть его предъ собою на колѣнахъ. Она сама подняла его и симъ мгновенїемъ *Пансалвинъ* воспользовался. Однимъ взглядомъ была она очарована.

ГЛАВА IX.

Безстыдный любовникъ. Онъ желаетъ еще болѣе.

Они разстались. Какъ — что еще произошло? осмѣлился ли *Пансальвинъ* напечатлѣть поцѣлуй на устахъ ея, разлiявшiй по ней пламень? занимался ли Богъ любви дѣломъ своимъ? впустилъ ли стрѣлу въ ея сердце?

Сего я не знаю. Довольно того, что *Миранда* вышла обратно не безъ смятенiя, и возвратилась въ свой дворецъ уже не тою, какова была.

Она узнала много — узнала, что не должно выставлять себя на вылазку страсти, естьли не хотѣть быть отъ оной одолѣнною, узнать, что она хотя любила и была любима, но есть еще любовь превосходящая все то, что было доколѣ ей извѣстнымъ.

Когда она прибыла туда, когда взоры *Пансальвиновы* соединились

съ идеею, сдѣланною о его страсти, тогда была она приторгнута, тогда ощутила возбужденное чувствованїе, проявилась въ ней душевная роскошь, что наконецъ могъ, подобно ей, ощущать пламень, излетавшїй изъ устъ его, ударилъ въ сердце ея подобно молнїи, и оное возжегъ.

Гжу. *Шпадиль* не можно было довести къ тому, чтобъ она сопроводила туда *Миранду;* ибо угроженїе смертью всѣ еще живо изображалось въ душѣ ея, и то, что она опять къ нему появится, будетъ схвачена, и шея ея свернута какъ у голубенка; хотя у ней окружность шейная была и гораздо потолще, *Пансалвинъ* былъ нервистъ. Почему отъ *Миранды* приказано ей было остаться дома, и съ своими странными расчетами посовѣтоваться во уединенїи, должно ли сомнѣваться, или ожидать счастливаго возвращенїя *Мирандина.*

Поелику размышленїя ея вообще происходили не слишкомъ

островаше, то не успѣла она еще вывести заключенія, какъ *Миранда* уже возвратилась и къ ней вошла; она чаяла увидѣть ее въ замѣшательствѣ и почти въ томъ же состояніи, въ какомъ сама находилась; а потому считала, что и съ нею случилось нѣчто подобное.

Не правда ли, всемилостивѣйшая Государыня? сказала *Шладиль*, онъ страшенъ.

„Страшенъ своею любовью, другъ мой, это правда. Ты не ошиблась: я никого еще не видывала, кто бы такъ любилъ. Не помню я ни одного человѣка, который говорилъ со мною подобно ему, когда онъ изображалъ любовь свою. *Пансалвинъ*, моя миленькая, первый человѣкъ на свѣтѣ.“

О, ежелибъ вы, Государыня, замѣшили сіе попрежде, станется, что можноб было человѣку сему помочь. Не много сожалѣнія спасло бы его.

„Развѣ онъ не спасенъ? — поѣзжай къ нему!“

Мнѣ къ нему? избавь Небо! никогда. Даже, хотя бы онъ опять выздоровѣлъ, и я встрѣлась бы съ нимъ нечаянно, я уйду за сто верстъ. Онъ все будетъ мнѣ представляться такимъ, когда онъ хотѣлъ меня умертвить.

„Онъ опять въ полномъ разумѣ, повѣрь сему.“

Такъ онъ выздоровѣлъ? ему должно благодарить Небо. Онъ конечно не сказалъ вамъ ничего такого, что могло привесть въ ужасъ?

„Ничего такого, чтобы могло меня привесть въ ужасъ; но въ любовь, онъ въ любовь повергъ меня. Признаюсь тебѣ, я люблю его. Кто можетъ быть столько любимъ, и не платить любовію? Должно его любить!

Тогда Гжа. *Шладиль* вопросила радостно, въ самомъ ли дѣлѣ онъ столько выздоровѣлъ, что можно ему довѣряться! Она обнадежилась словами Государыни, и могла самое себя успокоить отъ смертельнаго ужаса. Когда услы-

шала она, что онъ явится ко двору, заключила не показать ему того, сколько она его боится, но рѣшилась однако быть осторожною.

Когда услышала она отъ *Миранды*, повѣрила дѣйствительно, что онъ ко двору явится, но сего уповала тщетно. *Пансалвинъ* былъ безстыдной любовникъ. Полученныхъ доводовъ было для него еще мало.

Онъ не отпирался, что пришелъ въ полный разумъ; но на другой день обнадеживалъ, когда достигъ онъ сего желанія, то немедленно посвятить себя духовному состоянію. Онъ пришелъ къ отшельникамъ, надѣлъ на себя ихъ одѣяніе, и удалился во уединенную келью.

Извѣстіе о семъ дошло до *Миранды*. Она считала сіе за невѣроятное. Она столько въ любви его [illegible] удостовѣрена, и онъ могъ ее забыть.

Она дожидалась его нѣсколько дней. Находилась въ робѣющемъ

упованїи. Произшествїе сдѣлалось довольно знакомо. Никто не понималъ, чтобы подумать о новомъ произшествїи. Гжа. *Шладиль* и Баронъ *Понто* отъ думанїя одурѣли, а нѣкоторые смѣялись сами не вѣдая чему.

Одинъ только *Пансалвинъ* не смѣялся и не робѣлъ. Любовь къ *Мирандѣ* пылала въ немъ сильнѣе, нежели бы можно было ей угаснуть. Онъ видѣлъ ее въ полномъ чувствованїи страсти, видѣлъ ее прелестнѣйшею, нежели она казалась ему прежде, и себя властелиномъ надъ нею. Въ то время, когда поднимала она его, стоящаго на колѣняхъ, онъ обнялъ ее, и имѣлъ въ своей власти. Онъ чувствовалъ первое впечатлѣнїе того, что можно ею обладать, и онъ желалъ ею обладать.

Дерзкїй человѣкъ! не ужь[illegible] вѣрилъ ты, что въ семъ состоитъ искуство? Не уже ли хотѣлъ ты во зло употребить любовь прена-

пряженную? злоупотребить при самомъ ея возгорѣніи?

Но любилъ ли онъ ее? О! конечно, онъ любилъ; но гордость съ любовію находилась въ сильномъ борѣніи, при чемъ послѣдняя побѣждена.

Дозвольте, читатели, изобразить вамъ сердца любящихся, для доказательства, что *Миранда* ощущала мученіе, чтобы могло его отъ ней удерживать? Она отправляла къ нему посланниковъ. Тщетно! ни одинъ не былъ допущенъ. Надлежало взять прибѣжище къ опашельникамъ, и сіи утверждали, что высокое мнѣніе *Пансальвиново* о своей Государынѣ было единою причиною, для которой не осмѣливается онъ появиться. Онъ довольствуется доводами ея благоволенія, поданными ему въ тайнѣ. Поелику взоры ея къ каждому обращаются съ снисхожденіемъ, то легко можетъ онъ впасть въ подозрѣніе, что взираетъ она милостивѣе на другихъ, нежели

на него, и сїе удобно вновь лишитъ его разума.

Извѣстїе отшельниково *Миранду* не успокоило; чемъ болѣе находила она препятствїя, тѣмъ жесточае воспламенялась любовь ея. Все перемѣнилось. Ежели прежде онъ воздыхалъ, то теперь она боялась его утратить; сїе помышленїе мучило ее, что онъ столько упрямъ и нѣжаетъ любовь сего рода.

Всѣ при дворѣ ея уже знали, что она его любитъ. *Миранда* сдѣлалась не тою, какова была прежде. Живость ея изчезла; она ходила въ задумчивости. Никто болѣе не забопился Князя *Кародо*; никто не былъ изумленнѣе Барона *Пикина*; никто не считалъ *Пансолвина* глупѣйшимъ, какъ почтенная чета *Шладиль и Пошто*, потому что онъ еще себя удерживаетъ.

Отшельники сами подали наконецъ совѣтъ *Пансалвину*, допустить къ себѣ нѣкоторыхъ при-

дворныхъ. Онъ согласился. Предложили ему довольно ясно, что Государыня не желаетъ, чтобъ мужъ съ достоинствами отъ двора удалился, и для свѣта содѣлался безполезнымъ. *Пансальвинъ* съ своей стороны обнадеживалъ, что уединеніе нравится ему столько, что онъ оставить онаго не желаетъ. Въ новомъ одѣяніи съ отрощенною бородою находили его отвратительнымъ. Такимъ изображали его предъ *Мирандою*.

Но какимъ его ни рисовали, *Мирандѣ* онъ представлялся таковымъ, каковъ былъ онъ предъ нею на колѣняхъ, и перемѣна не могла изгладить сего изображенія. Наконецъ подумали, что Государыня болѣе любить его не станетъ, какъ скоро предстанетъ онъ ей въ семъ видѣ. Всѣ обратились смотрѣть благочестиваго *Пансальвина*, всѣ смѣялись его наряду. И она захочетъ его посмотрѣть, такъ думали; она въ самомъ дѣлѣ на сіе рѣшилась.

ГЛАВА X.

Союзъ утвержденъ.

Сего-то *Пансальвинъ* и желалъ; сего только шага, отчасти для своего удостовѣренія, частію же, чтобъ сообщить болѣе твердости своему плану, сего только шага, и онъ выигралъ, или потерялъ.

Ежели бы нынѣшній видъ его отвратилъ ее, то изъ любви глубоко вкоренившейся, вышло бы ничто, и воображенія его остались бы только мечтами.

Въ семъ случаѣ лучше было заблаговременно отдаться, нежели подвергнуться тому, чтобъ возвысясь, обратно упасть. Возвращенію Графа *Керилта* не долженствовало ни на мгновеніе убавить его сіянія.

Между тѣмъ онъ не полагался ни на что, изъ чего бы въ послѣдствѣ видѣлъ, что и она управляетъ любовь свою разумомъ, хотя

страсть и была главною ея пр
жиною.

Она прибыла, и съ нею нѣб
сныя прелести существа нѣжн
стію тающаго, кои весьма умн
жены были предшедшимъ ея см
щеніемъ.

Однако она ужаснулась, взгл
нувъ на него. Ни борода, ни н
рядъ были того причиною; скво
все сіе видѣнъ былъ еще тотъ
человѣкъ, который показался
прежде толико презящнымъ. Ва
кость имъ воспріятая, ее испугал

Пансальвинъ! сказала она, ка
можете вы столько противно дъ
ствовать желаніямъ вашей Госуд
рыни? Надлежало-ль мнѣ самой ва
просить — вторично просить?

Пансальвинъ не хотѣлъ медли
въ предисловіи; онъ потщась пр
ступилъ къ главному дѣлу. О
представилъ *Миранду*, хотя о
и столько много мечтали ему, ок
зала, что посѣтила его наедин
но не уповалъ онъ, чтобы то
могло произойти явно. Ш

ченїе его и безъ того надѣлало столько много шуму, что подверг-ся бы онъ осмѣянїю, когда его увидятъ и замѣтятъ, что Государыня не поставляетъ явно никакой ему отличительной цѣны; онъ содѣлался мѣшею насмѣшекъ, и погибель его чрезъ то была бы ускорена.

Онъ сопровождалъ сїе столько многими обнаруженїями любви и возобновленїями своей совершенной страсти; онъ утверждалъ, что въ вышнемъ степени заслуживаетъ сострадане своей Государыни, и столько убѣдилъ ее, что она немедленно вошла въ условїя, обѣщала желанїя его увѣнчать, дать ему мѣсто, ежели не вышшее того, какое занималъ Графъ *Кервитъ*, по краней мѣрѣ равное. Такимъ образомъ онъ при первомъ переговорѣ болѣе успѣлъ для предбудущаго, нежели иной чрезъ десятилѣтнее стараніе.

Когда все сїе приведено было въ порядокъ, когда *Миранда* уви-

дѣла, что нѣтъ возможности ему противиться, и по видимому избѣгъ онъ каждой возможности не благонадежднаго: тогда повергся онъ къ ногамъ ея, и ни одинъ еще любовникъ не насказалъ своей возлюбленной столько лестнаго и успокоивающаго, какъ онъ.

Исполненныя любви взаимной, помышляли они уже о соединенїи, дабы вскорѣ торжествовать обрашное свиданїе въ другомъ мѣстѣ; какъ *Миранда* представила своему возлюбленному, что надлежитъ еще проложить дорогу, каким образомъ слѣдуетъ пройти ему всѣ обѣщанныя степени шагъ, чтобъ не возбудить въ комъ-либо неудовольствїя, и не навлечь ему, *Пансалвину*, опасныхъ зависшниковъ.

Сїе составляло то, о чемъ *Пансалвинъ* еще не помышлялъ. Онъ уповалъ, что послѣдуетъ съ нимъ мгновенное возвышенїе. Теперь самому ему показалось невозможностїю, и казалось для него выгоднѣе идши шагомъ, по обыкно-

венному, необычайнымъ, по малой мѣрѣ имѣть видъ тотъ, и о семъ-то читатель услышитъ въ слѣдующемъ десятикѣ.

Тогда любящіеся изъ важныхъ разсужденій перешли на сторону сердецъ своихъ. Теперь разстались они съ тѣмъ, чтобъ на другой день дѣйствительно показаться въ присутствіи всѣхъ. Вѣроятно, что *Пансалвинъ* извѣстилъ отшельниковъ, что роль его у нихъ кончилась; ибо въ тотъ же вечеръ оставилъ онъ ихъ обитель, и переѣхалъ въ прежнее обыкновенное свое жилище, въ которомъ употребилъ рачительныя распоряженія въ завтрешнему блистательному появленію, которое хотя основано было на благоприличіи, но соединялось съ великими замыслами.

Миранда всѣмъ, кои въ тотъ вечеръ у ней были, оказывала на лицѣ своемъ веселость, но ни кто не осмѣливался сдѣлать ей вопроса. Желали знать, довольна ли, не довольна ли была она *Пансалви-*

номъ, поелику въ обоихъ случаяхъ могла она остаться веселою, въ каждомъ случаѣ огорченіе ея могло кончиться.

Одинъ только Баронъ *Понто* пролазилъ, что *Пансальвинъ* оставилъ обитель отшельниковъ, и смѣялся надъ своимъ собственнымъ остроумїемъ, съ которымъ онъ, чрезъ помощь другихъ, отгадалъ загадку.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ДЕСЯТОКЪ ТРЕТІЙ.

Лѣстница едва не до небесъ.

ГЛАВА I.

Первое явленіе. Первый разговоръ. Фельдмаршалъ Басто.

На другой день во всемъ Дворцѣ возшелъ свѣтъ, и темнота на всѣ стороны разсѣялась; ибо *Пансалвинъ* появился блистательнѣе, нежели когда-либо бывалъ. Съ видомъ, низвергшимъ всѣхъ враговъ его, и испугавшимъ всѣхъ друзей его, онъ выступилъ.

На лбу его какъ бы значило, что онъ желаетъ быть отдѣленнымъ отъ всѣхъ, кромѣ Государыни; и поелику *Миранда* встрѣтила его съ отличнымъ уваженіемъ, що усмотрѣли довольно скоро, что онъ одержалъ надъ нею побѣду, и сама она во срѣтеніе его торжество изготовила.

Пансалвинъ состоялъ еще въ прежнемъ званіи. Находились шутъ сотни выше его чиномъ, но ниодинъ изъ нихъ, хотя прежде

и взгляда не удостоивалъ, не смѣлъ пройти мимо его, не вскинувъ на него ласковаго взгляда, кромѣ немногихъ, кои никогда не соглашались предъ любимцемъ уклоняться; но и сіи измѣривали онаго взглядомъ, дабы изчислить будущее по его положенію.

Изъ равныхъ ему, кои предъ прочими довольно носъ вздергивали, какъ то и самъ онъ прежде дѣлалъ, находилось нѣсколько, кои могли и въ состояніи были надъ нимъ пошутить; но отчасти либо не хотѣли, потому что болѣзнь его считали за истинную, и опасались чрезъ то ввергнуть его въ прежній припадокъ, частью же можетъ быть опасались того, не рѣшилась ли *Миранда* въ его пользу.

Всѣ однако согласны были въ томъ, что *Пансальвинъ* первое свое явленіе умѣлъ представить привлекательнымъ, и ни одинъ не укорялъ *Миранду* въ ея склонности, хотя и сами они на такой

все же требованіе мнили имѣт
право.

О прежнемъ состояніи *Панса*
виновомъ не было ни слова; люб
пытствовали только, какой пут
изберетъ *Миранда* къ его возв
щенію; но что послѣ тонова
явственнаго признака не останет
ся онъ тѣмъ, чѣмъ былъ, въ том
не имѣли ни малаго сомнѣнія.

Сіе обстоятельство въ тот
же еще день въ присутствіи все
двора предпринято, которому к
нечно не было извѣстно, что ут
протекло въ переговорахъ меж
главными дѣйствующими лицами
въ числѣ которыхъ переговоровъ
сей предметъ не былъ пропущен

Сколько ни охотно *Миран*
было разстаться съ *Пансало*
номъ, но на сей разъ принужде
она была уступить необходим
сти, и поелику возлюбленный са
обнаружилъ, что рѣшился онъ
пути чести пройти всѣ сте
ни своими заслугами, и хотъ
Государынѣ доказать, что она

бѣдила человѣка не для одной только любви, но и для мужества и подвиговъ созданнаго: то отдала она тайное повелѣнїе Военному Департаменту очистить для него мѣсто въ войскѣ.

Обширныя области сей Монархини рѣдко обходились безъ войны съ сосѣдственными народами, отчасти дикими, грубыми и необузданными; въ самыхъ отдаленныхъ провинцїяхъ ея державы находились безпокойныя головы, кои просвѣщенному ея Государствву много хлопотъ наносили, а потому много войскъ находилось не только въ готовности, но и въ дѣйствїи.

Фельдмаршаломъ надъ ея обыкновенно побѣждающими войсками былъ тогда нѣкто *Бисто*, мужъ знаменитаго произхожденїя, испытанной храбрости, который, соединяя рѣшительное искусство съ рѣшительнымъ счастїемъ, коего названїе не согласно было съ его дѣйствїями; ибо никогда не дѣлалъ

Васто (остановки), но всегда шелъ впередъ.

Къ сему имѣлъ онъ и ту выгоду, что пользовался довѣренностію своей Государыни, въ такой степени, что она ознакомила его даже съ своими слабостями; довѣренность, которой онъ никогда во зло не употребилъ, а съ величайшею вѣрностію сохранялъ, прикрывалъ, гдѣ только могъ, и помогалъ, въ чемъ только помочь былъ въ состоянiи.

Мановенiя *Миранды* уразумѣвалъ онъ чрезъ величайшее разстоянiе, и при малѣйшихъ, кои она ему подавала, зналъ онъ столько искусно превышать ея желанiя, что она по справедливости могла его назвать подпорою Государства, и оплотомъ противу противниковъ онаго.

Сему хотѣла она препоручить *Пансалвина*, и способъ, которымъ сiе произведено было, не оставлялъ никакого сомнѣнiя, что оной до-

стигнетъ вскорѣ того, куда его довести желаютъ.

Прежде еще отъѣзда *Пансальвинова* отъ Двора, *Миранда* получила уже патентъ на мѣсто для него въ арміи, позвала къ себѣ *Пансальвина* и объявила ему, что ожидаетъ отъ него такого же ревностнаго служенія въ арміи, сколько оказалъ онъ къ ней склонности, и поелику уповаетъ, что перемѣна воздуха и мѣста будетъ пособствовать его здоровью, а потому отпускаетъ его съ усерднѣйшими желаніями съ своей стороны.

Всѣ изумились. Произошли разныя догадки, толкованія. Князь *Карседо* лучше всѣхъ предусмотрѣлъ; онъ увидѣлъ въ немъ опаснаго себѣ совмѣстника, ежели только не содѣлается онъ жертвою своей молодости и пылкости. Онъ предпріялъ настоять твердо, и не уступать ни шага въ томъ, что клонится ко всеобщему благу; и сему прозорливому предусмотрѣнію обязанъ онъ былъ, что въ послѣд-

ствѣ меньше всѣхъ претерпѣвалъ отъ *Пансалвина.*

Баронетъ *Пикинъ*, который все еще ходилъ у *Миранды* по лѣвую сторону, сдѣлался веселѣе. Онъ не имѣлъ достаточнаго проницанія, для возчувствованія предстоящаго ему несчастія Вмѣсто того онъ заключилъ, что Государыня *Пансалвиномъ* не довольна, и для того онаго отдаляетъ.

Гжа. *Шладиль* начала внутренно вѣрить тому, чего она и самой себѣ шепнуть не осмѣливалась, именно: что *Пансалвиновъ* припадокъ сообщался *Мирандѣ*; а Барона *Понта* поразило сіе не меньше, какъ бы проигралъ онъ семпрандръ съ пятью машадорами отъ подложной уловки.

Онъ недавно получилъ извѣстіе отъ Графа *Кервита*, который очень выгодно о *Пансалвинѣ* объяснялся, и только удивлялся, какъ могъ онъ всегда не замѣчаемой Баронъ *Понто* осмѣлиться, всѣхъ въ столько важное Государ-

ственное обстоятельство, и получить въ ономъ счасливый успѣхъ.

Мнѣнія всѣхъ прочихъ были соразмѣрны головѣ каждаго.

Пансалвинъ благодарилъ Государыню за милости такимъ образомъ, что никто въ удовольствіи его предназначеніемъ сомнѣваться не могъ. Послѣ свиданія наединѣ, до нѣжности или важности котораго мы не находимъ за благо коснуться, поелику то не наше дѣло, *Пансалвинъ* откланялся, получилъ препоручительное письмо къ Фельдмаршалу *Бастру*, и отправился къ занятію назначеннаго ему мѣста.

ГЛАВА II.

Небольшое отступленіе въ прошедшія времена Миранды.

Отъѣздъ *Пансалвинов* нѣсколько огорчилъ *Миранду*. Онъ въ самомъ дѣлѣ подалъ ей столько

отличительныхъ доводовъ своей приверженности, что, казалось ей, не только проникла она въ его страсть, но и посредствомъ нѣсколькихъ сдѣланныхъ взглядовъ усмотрѣла въ немъ государственнаго человѣка, и увидѣла, во сколько многихъ отношеніяхъ можетъ быть ей полезенъ, заключила, что она въ состояніи любовь свою соединить со всеобщею пользою, и что никакой выборъ ею не сдѣланъ еще съ такою выгодою.

Нѣкогда, при вступленіи его во владѣніе обширною своею державою, Графъ *Кервитъ* оказалъ ей знаменитыя услуги. Онъ-то главнѣйше содѣйствовалъ къ ея спокойству, и отвратилъ отъ ней несчастіе, которое утѣснило бы на всю ея жизнь, и можетъ быть лишило бы самой жизни, когда бы невѣроятная рѣшимость не внушена ей отъ него была въ самое гибельное мгновеніе.

Къ сожалѣнію находимъ мы справедливымъ то правило заклю-

ченїе, что несчастїе и безпокойство составляютъ непремѣнныхъ сопровождателей человѣческой жизни, что онымъ надлежитъ возстановлять равновѣсїе между происходящимъ впротемъ совершенствомъ, которое, по предназначенному единожды, кажется, что не есть жребїемъ человѣчества; а таковымъ образомъ встрѣчались случаи и съ *Мирандою*, въ которыхъ дѣйствовала она, конечно не какъ внушали ей образъ мыслей и сердце, по малой мѣрѣ иногда, но сообразно тому, чего она перемѣнить не могла, ежели только не хотѣла подвергнуть гибели себя самую, и несчетное множество тѣхъ, кои на нее уповали.

Подобно какъ кормчїй корабля съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, когда управлять болѣе уже не можетъ, бросается въ воду, и только одинъ изъ нихъ отважнымъ пловцомъ спасенъ быть можетъ, который, не нарушая своей обязанности, хватается за кормчаго, безъ

котораго прочіе люди на кораблѣ должны погибнуть: такъ и *Кервилъ* схватилъ за руку готовую *Миранду*, и чрезъ то спасъ судьбу милліоновъ, кои безъ рѣшимости *Мирандиной* вѣроятнымъ образомъ послѣдовали бы за нею въ несчастіе. Онъ не заботился о томъ кто близъ ее погибаетъ, и каждаго внутреннее удостовѣреніе молчало, слышавъ осужденіе, упадавшее за то на *Миранду*; одни злоязычники осмѣливались оную за сіе порочить.

По сему сожалѣли только о спутникѣ, который близъ нея погибъ, и оказался слабъ управлять кормиломъ, предоставленнымъ ему ближайшимъ правомъ.

Въ душѣ *Мирандиной* происходило сраженіе отъ того, что она такъ дѣйствовать принуждена была, великое сраженіе, въ которомъ она можетъ быть пала бы, безъ помощи *Кервилловой*. Онъ ободрилъ ее, и остается еще въ будущихъ счасливыхъ временахъ

ей благодарность, что она такъ поступила, и рукамъ помогающимъ съ своей стороны содѣйствовала.

Вопроси, ежели можешь, таинство времени будущаго: спутникъ *Миранднинъ* счастливѣе ли былъ ея, когда бы *Миранда* содѣлалась жертвою своей страсти? Слышите и знайте, что сбереженіе самого себя есть первая на свѣтѣ должность, законъ свыше; ты онымъ располагаешь, смертный! не дерзай сей законъ опровергать, ослаблять: сила его вложена во всѣхъ человѣковъ.

Но позволь намъ, *Миранда*, вопросить твою душу, твою совѣсть: не сдѣлало ли сіе прикосченіе глубокаго въ тебѣ впечатлѣнія, не довело ли тебя къ тому, чтобъ послѣ сего, толико надобнаго поступка, избѣгать каждаго ненужнаго?

И хотя ты признаешь себя невинною, хотя не сдѣлала болѣе ни одного шага для ускоренія по-

гибелью человѣческою, когда твоя рука дрожала, бывъ принужденною сіе совершить: не было ли до крайности легкомысленно препоручить столько власти другимъ, кои могли оную во зло употребить и тебя выставить предъ всѣмъ свѣтомъ въ томъ видѣ, что не токмо все сіе сама ты совершала, но и непосредственно понести обвиненіе въ томъ, что ты въ раздаяніи столько опасной власти была щедрою?

Въ самомъ ли дѣлѣ была ты увѣрена, что ни одинъ изъ тѣхъ, которымъ ты оную давала, не употребитъ ее во зло? Не часто ли ты видѣла то, и для чего не осмѣлилась сіе воспретить?

Не льзя отвергнуть, что многое изъ выше-объявленнаго относилось до *Пансалвина*; послѣдство вразумитъ насъ. Мы идемъ обыкновеннымъ нашимъ шагомъ, и увидимъ, сколько удовлетворило *Миранде* ожидаемое отъ Фельдмаршала *Васта*.

ГЛАВА III.

Наша слава, которую мы сами пріобрѣтаемъ, имѣетъ много достоинства.

Честь надлежитъ чести, и хотя мы дѣйствительно не имѣемъ намѣренія нашего Князя Тьмы претворить въ Ангела свѣта, но не хочемъ и отнять ничего изъ собственной доброты, которую онъ имѣлъ, и сдѣлать его темнѣе, нежели онъ былъ.

Не извѣстно также, находилось ли уже тогда еще великое зло, которое послѣ обнаружилось въ возможности его воли. Онъ шествовалъ конечно не въ томъ удостовѣреніи, что имѣетъ жизнь безсмертную; напротивъ онъ увѣренъ былъ въ шествіи своемъ къ смерти, но въ настоящей жизни содержалось понятіе всего его блаженства, въ ней находился горячій источникъ всѣхъ его радостей. Бездыхан-

ными и охолодѣвшими увидѣться не уповалъ ни онъ, ни *Миранда*; и однако никакая необходимость не принуждала ихъ къ разлукѣ. Власть *Миранды* была довольно велика, чтобъ не разлучаясь сдѣлать то, чему слѣдовало произойти чрезъ разлуку; она имѣла къ себѣ довольно подобострастія для удержанія каждаго оклеветывающаго, каждаго порочащаго, каждаго ругающаго языка; могла повелѣть, и все бы исполнилось.

Благородно было такое пожертвованіе, благородно съ обѣихъ сторонъ, чтобъ имѣть на своей сторонѣ всеобщее одобреніе. Столько же благородно со стороны сердца *Миранднна*, чувствующаго сугубое страданіе, сколько похвально со стороны его, который отправлялся съ полнымъ намѣреніемъ отличиться, и не заставить о себѣ говорить, что намѣреніе сіе имѣло одинъ только видъ.

Прекрасно для него, что хотѣлъ онъ тамъ, гдѣ жалъ, и съ-

ять, не быть праздным, но дѣятельным членом въ большой цѣпи, къ которой теперь примкнулся; прекрасно для него, что онъ желалъ считаемым быть заслуженным отъ той, которую любилъ.

Пансальвинъ достигъ назначеннаго мѣста, и нѣмые его, но совсѣмъ тѣмъ очень явственно говорящіе проводники, доставили ему отличнѣйшее пріятіе.

Фельдмаршалъ *Басто* разсматривалъ его строго. Онъ избѣгъ его замѣчанія во время пребыванія Фельдмаршалова въ столицѣ, потому что было тамъ много ему подобныхъ, и дѣла *Бастовы* не позволяли заниматься слишкомъ мѣлочами; естьли же и случалось, что онъ помышлялъ иногда объ отличіи того или другаго, происходило сіе только по виду, вразсужденіи тѣхъ, коихъ дожидалъ онъ къ себѣ въ армію; до чего подобнымъ *Пансальвину* потребно еще было нѣсколько степеней.

Но какъ онъ и кромѣ руки *Мирандиной* имѣлъ руки, кои за него въ столицѣ работали, также глаза, вмѣсто его самъ наблюдавшіе: то о прибытіи *Пансалвиновомъ* узналъ онъ еще прежде его пріѣзда, узналъ не безъ прибавленія о томъ, что случилось, въ разсужденіи кого чего нибудь ожидаютъ, и по обыкновенному своему образу дѣйствованія хотя такія извѣстія были ему всегда пріятны, не вѣрилъ ни чему, пока справедливость какого-нибудь слуха въ точности подтверждалась.

При строгихъ взглядахъ на него, *Басто* по крайней мѣрѣ съ самаго начала узналъ столько, что *Пансалвинъ* сонадлежитъ не къ обыкновеннымъ людямъ, каковыхъ присылали къ нему съ одобреніями: его видъ, поведеніе и твердость произвели то, что *Басто* его полюбилъ и принялъ съ отличеніемъ, прежде нежели подалъ онъ ему препоручительныя письма,

нежели прочелъ письмо *Миранди́но*, вразумившее его еще болѣе.

Пансальвинъ нашелъ себя отличнo уваженнымъ, чрезъ сей знакъ личнаго благоволенія, и въ сердцѣ его возросла склонность къ Фельдмаршалу *Васту*, которая въ послѣдствѣ дошла до тѣснаго дружества, и только по случаю, о которомъ читатель узнаетъ въ свое время, нѣсколько поослабѣла, но совсѣмъ не угасла.

Сіе уваженіе отъ Фельдмаршала, которому въ арміи поклонялись, доставило *Пансальвину* много дружественныхъ лицъ прежде еще, нежели узнали, что *Миранда* въ особливости покровительствуетъ сего младаго героя, и сей незначущею представляющейся малости, которая кажется намъ имѣющею только на мгновеніе дѣйствіе свое, обязанъ онъ былъ угнѣтеніямъ зависти, которая упала бы на него въ величайшей мѣрѣ, ежели бы отличія сего не предшествовало.

Едва только Фельдмарша
Васто прочелъ письмо, какъ
узналъ уже, что выдетъ изъ пр
стоящаго предъ нимъ; однако
Васто имѣлъ больше благоразум
нежели бы пустить сіе въ огласк
и *Пансальвинъ*, который въ
время, пока еще не пріобрѣлъ
слугъ, желалъ того не меньш
благодарилъ *Васта* въ сердцѣ с
емъ за сей новый доводъ со спор
ны Фельдмаршала, что онъ не
лаетъ быть ему противникомъ.

Такихъ-то мужей *Пансальви*
и желалось имѣть на сторонѣ с
ей; онъ имѣлъ въ себѣ довольн
ума для понятія того, что учас
его, ежели не совсѣмъ, то бол
шею частію находилась въ ружа
того, которому онъ на сей ра
былъ подчиненъ, хотя и не рабс
ошъ него зависѣлъ.

Пансальвинъ удивлялся том
что и пошепномъ не разнесло
ничего о привезенномъ имъ
собою отъ *Миранды*. По мал
мѣрѣ подало то ему предлогъ

размышленіямъ, что онъ не имѣлъ еще переговора наединѣ; однакожъ сіе его и не разстроивало.

Вмѣсто того былъ онъ очень доволенъ тѣмъ, что Фельдмаршалъ на другой день уже опредѣлилъ его къ мѣсту, говорилъ о предпріемлемой экспедиціи; и когда онъ попросилъ съ условіемъ, ежели не опытность его позволяетъ, экспедицію сію произвесть въ дѣйствіе, то получилъ немедленно на это позволеніе.

Басло сего желалъ. Онъ дозволилъ новоприбывшему предъ всѣмъ войскомъ показать первый опытъ храбрости; и *Пансалвинъ* произвелъ дѣло съ отмѣннымъ счастіемъ, и къ великому удовольствію Фельдмаршала.

Можетъ быть скажутъ, что сопровожденіе его состояло изъ отборныхъ заслуженныхъ рашниковъ; но то не меньше дѣлаетъ чести *Пансалвину*, когда оные съ нимъ были согласны, и онъ предводи-

тельствовалъ ими съ неустраш
мымъ мужествомъ.

Когда послѣ сего *Басто* о
крылъ нѣкоторымъ образомъ воен
чальникамъ волю Государыни,
произошло ни малаго роптанія
за то, что нѣкоторые изъ ни
отданы были ему подъ начальст
ни на произвожденіе, которое
слѣдовало за сію экспедицію.

Сверьхъ того *Пансалвинъ* п
обрѣлъ выгоду, имѣвшую въ пред
идущемъ важныя послѣдствія. Ст
рые ратники его полюбили.

ГЛАВА IV.

О, есть ли бы Пансалвинъ сем послѣдовалъ!

Фельдмаршалъ *Басто* считал
послѣ того, когда онъ проявим
образомъ содѣлавшись благоскло
нымъ къ сему человѣку, по пе
вому виду, въ наковомъ предъ не

предсталъ, по одобренію *Мирандину*, и доказанное имъ мужество, что время уже ознакомитъ его съ тѣмъ мнѣніемъ, какое имѣлъ онъ вразсужденіи пути, которымъ *Пансалвину* шествовать надлежало.

Онъ просилъ его придти ночью тайно въ его шатеръ, ибо днемъ занятъ онъ былъ непрестанными трудами, поелику находился тогда среди самыхъ завоеваній и побѣдъ, которыхъ шествія остановить не хотѣлъ. Хотя время для отдохновенія и сна и безъ того было у него короткое, но и изъ сего удѣлялъ онъ по нѣскольку для размышленія о другихъ предметахъ. *Пансалвинъ* также вскорѣ ощутилъ, что для освѣженія силъ тѣлесныхъ немного сна потребно, къ тому же примѣръ *Васстовъ* подѣйствовалъ въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, столько сильно, что впослѣдствіи пожалъ онъ изобильные плоды отъ такого позднаго воспитанія.

Когда вошелъ онъ къ Фельдмаршалу, назвалъ его сей возлюбленнымъ другомъ, открылъ ему, какія причины побудили его не дать ничего замѣтить до сего времени о порученіяхъ, объ немъ сдѣланныхъ *Мирандою*, кои мудрый *Панкальинъ* отчасти уже угадалъ, и потомъ началъ съ нимъ разговаривать о предъидущемъ.

Ты, другъ мой, сказалъ онъ ему голосомъ довѣренности, который употреблялъ съ каждымъ, близкимъ къ сердцу его, ты изъ рѣдкихъ сыновъ счастія, коихъ оное въ особливости отличаетъ.

Не потому, что имѣлъ ты счастіе понравиться Государынѣ, оное имѣли многіе прежде тебя; не хочу прямо сказать, что многіе имѣть будутъ и послѣ тебя, но краней мѣрѣ оные быть могутъ, чему ты воспрепятствовать не можешь, хотя бы и очень надолго удержалъ свои личныя преимущества. И такъ сіе есть нѣчто, чѣмъ ты собственно гордиться не

можешь, но долженъ относить къ судьбѣ, тебѣ оное доставившей.

Счастіе же твое состоитъ собственно въ томъ, что ты рановременно получить можешь свѣденіи относящіяся до того, чѣмъ ты никогда будешь, что къ сему можешь пріуготовиться, дабы содѣлаться тѣмъ съ ревностію и пользою, что ты, преимущества тебѣ отъ него доставленныя, дашь и другимъ возчувствовать можешь.

Ты будешь состоять въ милости у моей Государыни, имѣющей весьма доброе сердце, проницательный духъ, но которая, воспріявъ къ кому нибудь довѣренность, даетъ своему проницательному духу войти въ усыпленіе, и съ полною безпечностію надѣется на дѣйствія того, кому единожды довѣрила.

Одобренія, съ тобою посланныя, такого рода, что доставляютъ мнѣ чаяніе великихъ вещей, предположенныхъ чрезъ тебя въ дѣйствіе. Ты содѣлаешься мужемъ, на

котораго весь свѣтъ будетъ взирать, который большей части свѣта счастїе или несчастїе навлечь можетъ. Время, въ которое ты будешь таковымъ, очень не продолжительно; она хочетъ тебя быстро возвысить, и когда ты единожды достигнешь такъ далеко, сколько я тебя могу возвысить, то она возведетъ тебя еще скорѣе. Вразсужденїи быстроты едва успѣютъ помыслить о преимуществахъ, которыми она тебя осыплетъ.

По сему, любезный другъ, время ученїя твоего очень короткое; тебѣ надлежитъ совершить очень многое, когда желаешь ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что слѣдуетъ узнать тебѣ, дабы сноснымъ образомъ пройти сїе поприще.

Сїе сносное разумѣю я вразсужденїи твоего сердца; ибо дѣянїя твои, каковы бы ни были, добры или злы, должны быть велики и великими названы.

Но представь себѣ: не сожалительно ли, когда въ округѣ дѣйствія, въ которомъ ты находишься, не будешь ты добрымъ, когда дѣянія твои не будутъ соотвѣтствовать пространно обѣемлющей пользѣ, кою ты установить можешь?

Вопервыхъ о томъ, гдѣ ты теперь находишься, и что теперь производишь. Военное состояніе тебѣ по видимому нравится. Не одни только лавры въ ономъ собирать слѣдуетъ, имѣетъ оное и свою пріятную перемѣну, и въ особливости неограниченную власть, приходящую съ саномъ Фельдмаршала, и пока сей продолжится, будешь ты оною пользоваться. Я властвую здѣсь болѣе, нежели сама Государыня властвовать можетъ. Она принуждена волю свою располагать по обстоятельствамъ, съ нѣкоторыми совѣтоваться, и намѣреніе ея немедленно въ дѣйствіе не производится; ибо слѣдуетъ ей

наблюдать время, удобность и предметы.

Я, какъ Фельдмаршалъ, могу дѣлать, что хочу. Каждое вспаденіе мыслей, которое желаю въ дѣйствіе произвесть, зависитъ только отъ повелѣнія моей власти, и ежели не захочу совѣщаться съ нѣкоторою страною, съ нѣкоторыми людьми, могу я удовлетворить тысячѣ пристрастій.

Составляетъ сіе прекрасную внѣшность. Однакожъ не довѣряй ей Оная горька, дѣйствительно горька въ своей внутренности, ежели удовлетворять другимъ чувствованіямъ человѣчества, кои мы принуждены въ себѣ носить.

Не думаешь ли ты, что очень прелестно проходить поля, которыя мы усѣяли трупами? Не думаешь ли, что стопы умирающихъ составляютъ музыку пріятную? Нѣтъ, *Пансалвинъ*, ужасно взирать на сдѣланное, чувствовать то, что совершить принуждено было, адское то мученіе,

видѣть и чувствовать, чего бы избѣжать было можно. Въ подобномъ случаѣ я еще не находился, и дойти до онаго не уповаю. Вмѣсто того я щажу, гдѣ только могу, и сколько можно меньше пищу смерти доставлять пищу. Однакожь очень много, къ сожалѣнію, очень много ею пожираемыхъ, и когда помышлю, что каждый изъ лежащихъ тамъ былъ то же, что и я, равныя со мною права имѣлъ, тогда безмолвію отъ моихъ завоеваній.

Ты будешь находиться не такъ часто въ случаяхъ, въ какихъ состою я, умерщвлять долженствуя; но ты будешь находиться въ случаяхъ, располагать цѣлою войною, поелику да, или нѣтъ, у тысячъ отнимешь жизнь, или оную даруешь.

Пансалвинъ! для всего, что есть для тебя на свѣтѣ драгоцѣннаго, для твоего счастія, душевнаго спокойствія, для совѣсти твоей, не начинай войны не нуж-

ной. Тамъ, гдѣ войну опредѣляютъ, тягости ея не чувствуютъ, ни ея угнѣтающаго бремени, страданїя, губительства, умерщвленїя человѣчества и душевнаго благородства, испребленїя всѣхъ добрыхъ, брашскихъ намѣренїй. Тамо единаго своенравнаго помысла довольно, чтобъ жертвовать людьми какъ скотами.

Здѣсь ознакомливаю я тебя съ бѣдствїями войны, и прошу, да обѣщаешь мнѣ торжественно, когда ты, находясь близъ Монаршаго престола, нѣкогда рѣшить можешь, когда усмотришь ты очи *Миранды* воспламеняющїяся огнемъ гнѣва, прїемлющею перо для подписанїя опредѣленїя о войнѣ, чтобы вступалъ ты въ посредство между ею, и ея страстью, умолялъ о снисхожденїи, и ежели можно, испрашивалъ мира.

Усердїе уматерѣвшаго ратника долженствовало тронуть *Пансолвина*. Онъ бросился ему на шею, и обѣщалъ поступать сооб-

разно его желанiямъ, помнишь его наставленiя. Среди побоищъ, послѣ пріобрѣтаемыхъ ежедненно побѣдъ, слышашь такъ говорящаго Фельдмаршала, сему долженствовало поселиться въ сердцѣ.

Боже! благослови такого мужа, выступающаго съ такими намѣренiями противу врага своего!

ГЛАВА V.

Нравоученiя продолжаются.

Почти не можно сомнѣваться въ утверждаемомъ нѣкоторыми, что у почтеннаго рашника, при изреченiи сихъ словъ, навернулись въ глазахъ слезы. Были то слезы радости, отъ того, что видѣлъ онъ прекрасную будущность, и сiи слезы долженствовали въ лучшемъ свѣтѣ отплачены ему быть блаженствомъ, поелику изображена была

на оныхъ печать особливаго благоволенія великаго Творца.

Онъ воспріялъ нѣкоторую передышку отъ одного услажденія, съ каковымъ говорилъ, для перехода въ другое, возбуждающее въ немъ крошчайшія чувствованія.

Миръ! возлюбленный миръ! — [illegible] ратнику совсѣмъ не принадлежащимъ, естьли бы ты вѣчно могъ крылами своими осенять землю! о естьли бы по одному человѣку не было надобности въ крови другихъ сочеловѣковъ для защищенія правъ человѣчества! о когда бы оныя защищали сами себя въ душѣ человѣковъ!

Хотя суть то желанія пустыя, мой возлюбленный, кои можно питать только въ воображеніи, а не въ самомъ дѣйствіи, однакожъ находится столько возможностей доставлять миръ и среди самой войны. И въ сію возможность, *Пансалвинъ*, будешь ты постановленъ.

Таковъ великъ будетъ округъ твоей воли и дѣйствія!

Миръ есть благословенное изліяніе Творческихъ щедротъ на міры. Великимъ, всемогущимъ Существомъ бывъ удостовѣрены, восторжены къ чувствованію будущей жизни, не можетъ быть для насъ ничего радостнѣе того, чтобъ поспѣшествовать всему благословляющему изліянію. Кто вѣритъ, что жизнь наша на семъ свѣтѣ раждаетъ совершенство для жизни будущей, не можетъ желать инаго, кромѣ достиженія каждой степени сего совершенства, и ты пресѣкаешь оное на срединѣ пути къ совершенству, естьли оное умерщвляешь.

Но за чемъ входить такъ далеко въ царство духовъ? Воззри окрестъ себя, вопроси, и разсмотри, что миръ производитъ, какія созданія совершаетъ!

Ты видишь ясность на лицѣ каждаго. Тамо стремится человѣкъ, гдѣ бы ни находилъ его, радостно

тебѣ во срѣтенїе. Онъ несетъ плоды своего прилѣжанїя, въ здоровомъ состоянїи своемъ, тебѣ въ привѣтствїе, хотя бы не имѣлъ ничего въ кошелькѣ своемъ. Тамо осматриваетъ онъ свою ниву, которая должна его съ смѣющимися полнощокими дѣтьми цѣлый годъ [illegible], — тамо не слышишь ты сѣтованїя на недостатокъ средствъ къ разбогащенїю — богатыми быть желаютъ немногїе.

Тамо только, среди мира, услышишь ты благословенїя твоей Государыни, и не пріятно ли для тебя будетъ предстать къ ней съ донесенїемъ: Все благословляетъ тебя, *Миранда;* инако долженъ будешь сказать: все воздыхаетъ, потому что не миръ, потому что война. — О! изображенїе войны столько для меня огорчительно! — она содержитъ въ себѣ много пагубнаго — я не стану болѣе объ ней упоминать.

Миръ! *Пансалевтъ*, миръ да будетъ твой лозунгъ, когда ста-

нешь близь *Миранды*, и миромъ разполагать можешь. Ежели она нѣкогда вопроситъ тебя: что мнѣ дѣлать? — Когда дѣло идетъ до великаго жребія цѣлыхъ народовъ — тогда, *Пансальвинъ*, шепни ей: миръ! тогда изобрази ей прелести мира, кои я и посреди войны признаю, въ душѣ прошу, охотно доставляю, и доставить не могу.

Когда ты нѣкогда воззовешь меня обратно съ побѣдоноснымъ войскомъ, охотно радъ я положить всѣ лавры мои къ ногамъ твоимъ, принять пальмовую вѣтвь въ руку мою, и носить въ тѣхъ мѣстахъ, кои спасительнымъ миромъ осчастливлены!

Для введенія.

Отложимъ, любезный читатель, на мгновеніе продолженіе повѣсти Князя Тьмы, и послушай, какое явленіе служило сердцу нашему вмѣсто благодѣянія.

„Все ли вы предложили Г. Президенту? —“

Все, Ваше Величество, все, что только можетъ имѣть отношенїе къ вашимъ интересамъ. —

„И ни о чемъ для моего сердца? Нѣтъ ли какихъ миролюбивыхъ разположенїй, въ сїи смутныя времена, исполненныя войны и кровопролитїя?“

А! такъ, Ваше Величество, я и позабылъ было. Произошло сраженїе. Малое число нашихъ войскъ оказало себя съ отличною храбростїю. Правда, легло и нашихъ нѣсколько на мѣстѣ, но за то и непрїятелямъ досталось исправно. Оныхъ побито въ трое больше, нежели нашихъ, и мы идемъ прямо въ ихъ владѣнїя.

„И вы разсказываете мнѣ такимъ радостнымъ голосомъ, какъ бы находили дѣйствительное удовольствїе отъ бѣдствїя, чрезъ то приключаемаго? Поставьте себя на мѣсто тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ мы теперь наступаемъ;

представьте себѣ имѣнїе ваше врагами окруженное, похищенное, и себя съ женою и дѣтьми доведеннаго до нищеты: радостное ли то помышленїе?“

Конечно, радостнымъ оному быть не можетъ. Однакожъ есть то зло необходимое; когда я сего отвратить не могу, такъ съ терпѣнїемъ долженъ сносить до меня касающееся.

„Необходимое зло! Обдумали ль вы то, что сказали? Въ то время, когда бы безъ переговоровъ толпами ворвались въ непрїятельскую землю и оную опустошали., тогда война была бы необходимое зло; значила бы необходимую оборону, каковое обстоятельство отчасти находится и нынѣ, которое можно назвать необходимою обороною. — Наши же обыкновенныя войны не суть болѣе зло необходимое. Есть то самонравїе не всегда великихъ Государей, но чаще всего ихъ Министровъ, кои войну находятъ полезною либо для своихъ прихотей,

или для своего кошелька, или для своей Государственной обязанности; а потому войну начать совѣтуютъ, не рѣдко не вѣдая, что совѣтуютъ. Послѣ того случается, что Секретарь, которой уже тысячею промыслвъ дѣйствовалъ противно своему сану, и имѣетъ еще тысячу другихъ гоповыхъ происковъ для дѣйствованія напротивъ вышнимъ чиновникамъ, для того только, чтобъ своимъ повѣреннымъ друзьямъ сказать за тайну: я также содѣйствовалъ къ войнѣ, ибо Государь нашъ никогда бы въ оную не замѣшался, ежели бы нашъ Военный Совѣтникъ того ему не присовѣтывалъ; а Военный Совѣтникъ никогда бы того не совѣтывалъ, ежели бы мой начальникъ оному не представилъ, сему должно быть необходимо; и никогда бы начальникъ мой совѣта сего не далъ, и такого представленія не сдѣлалъ, ежели бы чрезъ войну казна наша явнымъ образомъ не была возстановлена.“ —

Какъ, Ваше Величество, можетъ ли сіе быть?

„Точно можетъ, и меньше сильный Государь, нежели я, извѣдываетъ то иногда собственнымъ своимъ опытомъ. Вы удивляетесь сему? я вѣрю, потому что вы еще довольно честный человѣкъ между придворныхъ, и для того сіе представляется вамъ нѣсколько непонятнымъ.“

Но, Ваше Величество, изволили сказать довольно — —

„Другъ мой! довольно честнымъ человѣкомъ, я всегда останусь доволенъ. Ежели бы поступать по строгости законовъ, то думаю, что, кромѣ крестьянъ, мало людей избѣгло бы смирительнаго дома. — Конечно было бы хорошо, когда бы Государь могъ чрезъ окошечко глядѣть въ человѣческое сердце, и о х о т н ѣ е бросилъ бы Начальнику двадцать, а Секретарю его пять тысячъ рейхсталеровъ, нежели — — но какая намъ нужда до подробностей.“

Въ самомъ дѣлѣ я удивляюсь сему совсѣмъ новому роду содѣйствованія въ войнѣ.

„Оставьте это; новости сіе не составляетъ. Я хотѣлъ вамъ только вообще доказать, что война нынѣ не есть уже необходимое зло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали заводить кабинеты и предопредѣлять равновѣсіе. О каждомъ пунктѣ заранѣе переговариваютъ столько, что не можно ни мало сомнѣваться, кто правъ или не правъ. И когда Министры между нами разсуждаютъ, то Министръ неправой стороны можетъ прямо идти къ Монарху своему и сказать: Вашему Величеству должно уступить, ибо мы неправы; по истинѣ въ войнѣ нѣтъ надобности.“

Однакожъ вообще утверждаютъ: война необходима для уменьшенія людей и для лучшаго круговращенія денегъ.

„Но поистинѣ вы представляете себя такимъ, который только въ первые идетъ въ школу.

Когда же хочешь слышать отъ меня повиновеніе того, въ чемъ ты безъ сомнѣнія твердо удостовѣренъ, вотъ оно: мы вообще желаемъ умноженія народа; никто людей изъ Государства своего не выпускаетъ, но еще и приглашаетъ чужестранныхъ. Слѣдственно изобиліе народа не можетъ войнѣ служить основаніемъ. Изчислите поверхность земную, сколько можетъ оная людей пропитать. Изчислите голодныя времена, часто ли оныя случаются, и напротивъ плоды естественные, въ коликой мѣрѣ оныя расточаются. Заставьте людей бережно съ дарами ея обходиться, и усмотрите, что оными столь же братіи ихъ, сколько есть на лицо, пропитано быть можетъ.“

„Деньги — къ сожалѣнію — металлъ сей содѣлался печальною необходимостію. Но круговращеніе сего возлюбленнаго сокровища въ частныхъ рукахъ? Оное еще крѣпче удерживается въ частныхъ ру-

какъ во время войны, нежели мира. А Государственная казна! Оную легко можно съ рукъ сбыть, и сбыть такимъ образомъ, что оная обратно въ казну потечетъ. — Раздайте оную земледѣльцамъ. По мнѣнію вашему не принесетъ то пользы? Нѣтъ, средство сіе не токмо поворотитъ деньги, но и принесетъ множество сѣстныхъ припасовъ, безъ которыхъ со всѣмъ золотомъ они сыти быть не могутъ. Сіе приноситъ благословеніе, богатое благословеніе, и спокойство совѣсти. — Не правда ли, Г. Президентъ, ваша новость о войнѣ не слишкомъ лежала у васъ на сердцѣ, потому вы объ ней и забыли? Мнѣ кажется, вы всегда казались мнѣ довольно миролюбивымъ."

Такъ, такъ, Ваше Величество, я ничего столько не желалъ, какъ мира, несвѣдущь былъ въ приключеніяхъ, предвѣщающихъ намъ столько плачевную будущность. Что можетъ, чему должно изъ ней быдти? не чему, кро-

мѣ бѣдности. Ваше Величество Государь столько человѣколюбивый, и слово ваше у сосѣдовъ конечно нѣсколько значитъ, ежели бы поговорили, чтобы людей не столько выводили на бойню, и въ собственныхъ земляхъ своихъ не производили бѣдства.

„Забочусь, Президентъ, о вторгнувшемся злѣ.“ — —

Оно не вторгается въ страны, которыми обладаютъ Государи, подобные вамъ. Повѣрьте, Ваше Величество, опасенія нѣтъ. Государямъ опасаться нечего, развѣ Министрамъ, у которыхъ совѣсть не очень чиста. — —

„Тише, тише! о семъ говорить не должно, это дѣло опасное. Каждый человѣкъ имѣетъ свои слабости. Но я съ моей стороны обѣщаю торжественно, что все, чѣмъ могу содѣйствовать къ мирнымъ разположеніямъ, я сдѣлаю.“

Король сдержалъ свое слово. О ежели бы въ наши времена, въ которыхъ находится столько много добрыхъ Государей, вспало кому-нибудь внушить миролюбїе въ сердца своихъ собратїи, и бѣдственную войну кончить, которая дѣйствительно не можетъ принесши ничего добраго! Аминь!

ГЛАВА VI.

У Фельдмаршала есть еще кое-что на сердцѣ.

Не по однимъ только розовымъ стезямъ будешь ты шествовать, возлюбленный мой *Пансалвинъ.* Путь, на который ты вступаешь, усѣянъ тернїемъ. Терны первой величины суть враги и завистники, кои всюду будутъ тебя подстерегать, пока выведутъ тебя изъ обладанїя любовью твоей Государыни. Сїе можешь ты отвра-

шить, ежели укротишь свою гордость, которую замѣтилъ я по нѣкоторымъ малымъ слѣдамъ, и которая не мало занимаетъ мѣста въ твоей системѣ.

Когда ты оную не преодолѣешь, и будешь ея придерживаться, то опасаюсь, что принужденъ будешь совершить много несправедливостей. Ибо не рѣдко понесешь оскорбленіе отъ тѣхъ, кои гордости твоей не будутъ покланяться; тогда ты за оскорбленія свои начнешь мстить, и сіе мщеніе, поелику они преданы той же страсти, которой и ты предался, причислено будетъ къ неприличіямъ; ибо власть, которую ты надъ ними совершать можешь, и что они тебѣ не могутъ сопротивляться, доставлена тебѣ судьбою, а не заслугами.

Отъ такихъ рѣчей Фельдмаршала *Баста Пансальвинъ* нѣсколько изумился. Онъ не охотно терпѣлъ, чтобъ происходило съ нимъ нѣчто не чрезъ заслугу; онъ

представлялъ себѣ, что заслугами только снискалъ благосклонность *Мирандину*, не имѣлъ однако духа доказать Фельдмаршалу *Басту* родъ сея заслуги, и удостовѣрить его, что онъ въ семъ случаѣ неправъ.

Пансáльвинъ однакожь принужденъ былъ внутренно почувствовать, что заслуга происковъ не есть настоящая, и что Фельдмаршаловы откровенныя, чистосердечныя слова показывали въ немъ мужа, каковъ онъ былъ; почему важно для него было удержать его дружество, для того, что онъ могъ также чистосердечно говорить Государынѣ, и чрезъ то ослабить имъ сдѣланное въ ней впечатлѣнїе.

Онъ умолкъ, но сїе самое молчанїе не очень нравилось Фельдмаршалу; ибо то показывало въ немъ вкоренившуюся гордость; однако чрезъ то не лишился онъ его благосклонности, ибо пороки сего рода, Фельдмаршалъ довольно зналъ, что не льзя оныхъ выдергивать какъ

плевелы на нивѣ, и что всегда послѣ оныхъ остаются коренья.

Второго рода меньшіе, но тѣмъ больше колючіе терны, продолжалъ *Басто*, суть жалобы тѣхъ, надъ которыми ты властвуешь. Блаженъ ты будешь, ежели сіи станутъ колоть тебя не обвиняя, ибо совсѣмъ свободнымъ отъ ихъ уязвленія тебѣ остаться не льзя. Обвиняя же тебя, пребудутъ они въ совѣсти твоей вѣчными скарпіями.

Вразсужденіи чего старайся разпространять вокругъ себя справедливость, даже до малѣйшаго. Строго наблюдай, чтобъ несправедливости никому сдѣлано не было. Сожалѣй, ежели оная произошла. Гдѣ выгоды твоей Государыни угнѣтаютъ простолюдимовъ, бѣдныхъ, отмѣни; доставишь ей чрезъ то неизречейную любовь къ ней ея народа, которая несравненно драгоцѣннѣе небольшой суммы денегъ; хотя бы казна ея того и требовала, могутъ то взнесть другіе, у которыхъ отъ

шого глаза и щеки не впадутъ, и которыхъ потомки не умрутъ отъ сего голодною смертію.

Ты можетъ быть удивляешься, что я говорю тебѣ о вещахъ столько многихъ; но ты будешь многое, и потому долженъ о многомъ вѣдать.

Поди теперь, мой другъ, на сей разъ довольно. Не забывай сего, и ежели найдешь оное полезнымъ, вопрошай меня о множайшемъ: я всегда готовъ отвѣтствовать.

ГЛАВА VII.

Восхожденіе начинается.

День, вскорѣ потомъ наступившій, возбудилъ къ брани, сраженію и отягощеніямъ. Между тѣмъ *Пансалвинъ* довольно позабылъ доброе, сказанное ему Фельдмаршаломъ *Вастомъ*, но не о томъ, что шло до его подвиговъ. Онъ самъ пред-

ставлялъ ихъ себѣ великими, но не столько великими, какъ изображалъ ему оные Фельдмаршалъ. Онъ нашелъ, что естьли оные такъ велики, то слѣдуетъ ему учиться еще многому; онъ и предпріялъ сколько возможно быть наблюдателемъ, но наблюдателемъ для возстановленія своихъ собственныхъ выгодъ. Его я составляло все, что было у него на сердцѣ, его я былъ кумиръ.

Очень часто спрашивалъ онъ совѣта у Фельдмаршала; ибо сей все то зналъ, что ему знать было надобно, и какъ былъ онъ ученикъ не тожмо понятной, но по видимому и обожатель образа мыслей Фельдмаршальскихъ, поелику оной усмотрѣлъ въ немъ волю къ ученію и доброму употребленію изученнаго: то ввелъ онъ его во многія таинства, кои можетъ быть онъ каждаго другаго остались сокрытыми; но въ немъ уповалъ онъ образовать драгоцѣнный камень для сти[illegible]ны, сердце и довѣренность

для своей Государыни. По сему питомецъ и выслушивалъ отъ него еще наставленія, кои въ одно ухо принималъ, а въ другое выпускалъ, даже изъ самаго сего нравоученія доброе отвергалъ, а всасывалъ полными глотками ядъ, который умѣлъ онъ производить превращеніемъ добрыхъ соковъ. Отъ сего сдѣлался онъ лицемѣромъ, и сіе качество въ послѣдствѣ принесло ему хорошія услуги.

Сверьхъ того былъ онъ храбръ, и при каждомъ случаѣ очень отличался. Фельдмаршалъ при каждомъ случаѣ доставлялъ ему удобность къ тому, и поелику всегда получалъ благодарность, когда велъ его на одинъ шагъ впередъ, также и тѣ, коимъ его такъ часто предпочитали, вѣдая тому причину, для чего на короткое время мѣста у нихъ отнимаютъ, то и не происходило за то роптанія. Знали, что скоро его изъ сферы ихъ возьмутъ, и можно было бы имъ сѣто

вать тогда, ежелибъ не осталось уже мѣстъ для повышенія.

Конечно такому скорому возвышенію надлежало быть соединену съ причинами и основаніями, и посыланные въ семъ намѣреніи въ столицу были столько важно разкрашены, что каждый признавалъ, что Фельдмаршалъ *Басто* поступаетъ справедливо, предпочитая всѣмъ другимъ столько храбраго, исполненнаго заслугъ ратника. Всѣ довольно вѣдали, что совершается то на счетъ *Мирандинъ*, и привыкли видѣть любимцовъ ея возвышаемыхъ, такъ что не произвело сіе ни малаго шума. Между тѣмъ *Пансальвинъ* пріобрѣлъ многое во всеобщемъ уваженіи, поелику приватныя извѣстія о его храбрости и непрестанныхъ напряженіяхъ то подтверждали, и не можно было совершенно отрѣчь его заслугъ; чего предшественникамъ его и въ мысль не входило.

Въ другихъ странахъ, гдѣ совсѣмъ не знали о связяхъ его, въ

семъ участвующихъ, пріобрѣлъ *Пансальвинъ* имя и славу все превосходящую; онъ прослылъ Героемъ своей страны. Въ каждомъ извѣстіи объ немъ упоминали; обожатели воинственныхъ дарованій изумлялись, а свѣдущіе въ политическомъ обозрѣніи чаяли подъ властію Монархини увидѣть въ немъ завоевателя свѣта.

Онъ названъ уже былъ образцомъ своего времени, поставляемъ въ примѣръ ратникамъ. Дѣянія его достигали до безчисленности, по крайней мѣрѣ до невѣроятнаго. Много, очень много было и такихъ, которые, произведенное Фельдмаршаломъ *Бастомъ*, относили на счетъ любимца, и отрицали гордость, хорошо удавшихся плановъ, чтобъ были оные его дѣйствія, относя къ храбрости *Пансальвиновой* и сіе достоинство.

Такимъ образомъ вскорѣ дошелъ въ той степени, на которой сдѣланному имъ доселѣ дѣйствительно совершищься надлежало, и по-

елику Фельдмаршалъ *Басто*, совершая подвигъ трудный и въ непрестанной войнѣ, началъ помышлять объ оставленіи онаго: но *Пансалвинъ* полагалъ, что ему очень легко достигнуть Фельдмаршальства, и когда приложитъ стараніе, никакой шагъ не можетъ остановить его возрастанія, поелику считалъ себя къ тому ближайшимъ послѣ *Баста*.

Теперь не оставалось ему инаго, какъ описать къ своей Государынѣ, что *Пансалвинъ* сдѣлался уже тѣмъ, чѣмъ ему у него сдѣлаться было можно, и что не остается ему что болѣе съ нимъ предпринять, кромѣ того, развѣ отъ Ея Величества приказано будетъ, уступить ему собственное свое мѣсто, а самому возвратиться въ столицу.

Можетъ быть *Миранда* приняла слова сіи за истинну, ежели бы была иная, а не такова какою была въ самомъ дѣлѣ, ежели бы

меньше любила Фельдмаршала *Баста*, и меньше была ему обязана.

Она удовольствовалась только тѣмъ, что пожелала возвращенія *Пансальвинова* въ столицу.

ГЛАВА VIII.

Были при томъ и междудѣйствія.

Время, которымъ занятъ былъ читатель въ предшедшей главѣ, нѣсколько длинно, и должно признаться, что были между тѣмъ промежки, которые для удержанія истинны надлежитъ наполнить.

Трудно повѣрить, чтобъ любовь, столько горячая и пламенная, какова была между *Мирандою* и *Пансальвиномъ*, могла такову разлуку, столько опасное разлученіе, сносить съ хладнокровіемъ и безъ отрады.

Не рѣдко въ пространствѣ восхожденія были случаи, при которыхъ Фельдмаршалъ *Васто* увѣдомлялъ свою Государыню чрезъ довѣренную особу изустно о томъ, чего бумагѣ вѣрить было не можно, и кто бы — кто пріятнѣе могъ ее извѣщать, кромѣ самаго *Пансалвина*, изъ чьихъ бы устъ желала она слышать о побѣгѣ и чести, какъ не изъ его!

Отъ такихъ посольствъ *Пансалвинъ*, чадо счастія, получалъ сугубую радость, честь и любовь. Конечно честь не дошла еще той высоты, на которой онъ быть желалъ, или непрестанно случались съ нимъ вещи, какихъ онъ еще не испыталъ, но всегда ласкали его внутреннему ощущенію.

И какъ награждала его теперь любовь! О *Пансалвинъ!* когдабъ ты въ успѣхахъ любви шелъ одинакими шагами, всегда бы къ ней спремился такъ, какъ спремился честью, ежели бы благодарность не умножилась въ той степени,

какъ-то сдѣлала твоя гордость, можетъ статься не былъ бы ты сыномъ тьмы, и не наслѣдовалъ бы всѣхъ свойствъ ея.

Естьли бы Государыня награждала тебя меньшими шагами, ежели бы она въ любви и воздаяніяхъ была нѣсколько поскупѣе, нежели то дѣлала, то можетъ быть удержала бы тебя отъ пути къ погибели, или по малой мѣрѣ медленнѣе злу споспѣшествовала, и количество, содѣяннаго тобою, уменьшила бы.

Но она съ отверстыми объятіями принимала тебя каждый разъ, когда ты появлялся, каждую полноту страсти, отнесла къ тебѣ единственно, дозволила тебѣ вкусить совершенство, котораго тебѣ алкать допустила, поднесла тебѣ изъ чаши блаженства, которая тебя упоила въ достаточной мѣрѣ, и гордо дерзнулъ ты видѣть себя властелиномъ надъ нею.

Будущее черньѣе, нежели настоящее, можетъ быть нѣсколько

отдаляло твою точку зрѣнїя, и изобразило ту ясность, которую оно оживляло.

Яко одаренное благословенїями любви чадо оныя, *Пансалвинъ* оставилъ свою Государыню, таковымъ представъ онъ ей въ первый разъ, таковымъ не рѣдко она опять его желала, и никогда ей инымъ онъ не представлялся. Какое же чудо, что восхищенїе ея умножалось каждый разъ, когда она его видѣла и столько, что каждое его желанїе, сколько бы оное ни было излишественно, не удобоисполнительнымъ ей не казалось. Однимъ знакомъ отличїя за другимъ жаловала его столько, что вскорѣ и жаловать чѣмъ не осталось.

Самое же драгоцѣннѣйшее, что онъ у ней похитилъ, была ея вольность. Сей она уже не имѣла. Когда *Пансалвинъ* къ ней приходилъ, она вопрошала его: чего ему хочется? а не онъ у ней; потомъ она открывала ему, что въ дѣлахъ ея Государства она думать и за-

ключить осмѣлилась, и когда онъ оказывалъ вразсужденіи сего свое неудовольствіе, тогда уклонялась она отъ своихъ правилъ, требовала его мнѣнія и по оному поступала.

Когда сладостная очаровательница любовь ею овладѣла, и *Пансалвинъ* увидѣлъ ее совсѣмъ въ страсть погруженною, осмѣлился дѣлать ей предложенія, что самымъ важнымъ дѣламъ надлежитъ перемѣниться — и оныя перемѣнились. Часто, очень часто случалось, чему самъ онъ не смѣлъ вѣрить, что сказывалъ ей наудачу и легкомысленно то, о чемъ при здравомъ разсужденіи надлежало бы ему сказать: сіе составляло только вспаденіе мыслей, въ самомъ же дѣлѣ быть тому было не можно; но случалось противу его ожиданія.

Когда же такъ случалось, не возбуждало ли то въ немъ желанія къ множайшему? Можно ль было не думать, чтобъ сего, только удобно дѣйствующія слова безъ

настоятельности, не отнеслись до множайшаго?

Однакожь *Пансальвина* любила она неизрѣченно! Слова его имѣли силу краснорѣчія, которое не требовало основаній. Онъ казался ей мудрѣйшимъ изъ самыхъ отличнѣйшихъ. Свидѣтельство Фельдмаршала *Баста* говорило за него слишкомъ. Онъ хвалилъ его непрестанно, всегда говорилъ о его успѣхахъ до послѣдняго времени, въ которомъ появились нѣкоторыя сумнѣнія.

Могли то быть небольшіе припадка ревности. Сказалъ ли *Пансальвинъ* что-либо, которое не было бы изъ лучшаго на умѣ? Находилось ли что-нибудь въ поведеніи его, которое показывало желаніе повредить другимъ? Онъ не искалъ никого низвергнуть, но только замѣщалъ мѣста для всеобщаго блага. Сіе оставляло его должность. Когда она исполняла что-либо изъ того, что онъ ей совѣтовалъ — о! сколько былъ онъ

могда радостенъ, сколько выхвалялъ ревность ея къ своему Государству, сколько счасливымъ называлъ народъ ея! не его въ томъ были пользы, но ея собственныя!

И колико сугуба была тогда его нѣжность къ ней! и сія нѣжность не относилась къ желанію владычествовать. Она была своемысленна, она сонадлежала къ человѣкамъ. О! *Миранда* ощущала, что обладатели и награждаемы быть могли.

Какимъ же образомъ и ей не можно было заслужить мзду сію? Имѣть его нѣжность, и не соотвѣтствовать оной, чтобы не слѣдовать добрымъ ея совѣтамъ?

Пансалвинъ умѣлъ представить Государынѣ изображеніемъ счастія то, когда оба они въ тѣсномъ соединеніи будутъ. Трудиться каждое добро разпространить, когда они общими силами содѣлаютъ великое Государство обиталищемъ человѣческихъ совершенствъ.

Тогда упадалъ онъ къ ней въ ноги; тогда съ благодарностїю лобзалъ ея руки за то, что возвысила его въ ту сферу, въ которой онъ могъ сему содѣйствовать; тогда пылалъ жаръ его до самыхъ устенъ ея. Едва ли не можно было ему завидовать и Существу свыше-земному.

Сама она усматривала, что вскорѣ надлежитъ мужа, съ такимъ усердїемъ о благѣ Государства ея пекущагося, возвести на то мѣсто, гдѣ ему быть слѣдуетъ, на которомъ охотно его видѣть желаетъ.

Отъ сего произшелъ отзывъ его изъ армїи скорѣе, нежели онъ думалъ сначала. Письма его во многихъ случаяхъ были пространны, чтобы удобно было понять его мнѣнїя; многихъ вещей не льзя было оплагать, пока съ нимъ посовѣтуется, и однакожъ казалось ей то столько надобнымъ, столько необходимымъ, что все предста-

лялось ей худымъ, о чемъ она съ нимъ не совѣщалась.

Къ сему приспѣло напоминаніе Фельдмаршала *Баста*, и рѣшилось несчастное заключеніе съ *Пансальвиномъ* болѣе не разлучаться.

ГЛАВА IX.

Были еще люди и кромѣ ихъ двоихъ.

Что послѣ различныхъ явленій *Пансальвинъ* разрѣшилъ догадку, которую мы прежде слышали, и для нѣкоторыхъ ясно было, что предопредѣленіе *Пансальвиново* не есть уже тайно. — Что отъ мала до велика въ столицѣ вѣдали, сколько велика была склонность Государынина къ *Пансальвину*, — что писали о семъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, и говорили какъ о небольшой перемѣнѣ въ Государствѣ: слѣдовало по естественнымъ

образомъ одно за другимъ, такъ что не стали бы мы безпокоить читателя дальними разсказами, естьли бы еще не оставалось нѣчто въ запутанности, которое дозволяетъ намъ нѣсколько строжайшаго обозрѣнія.

Графъ *Кервитъ*, которой Гжу. *Шладиль* и Барона *Понто* не совсѣмъ несправедливо, считалъ за тѣхъ, кои дѣла къ концу привели: онъ и въ отдаленіи продолжалъ еще переписку и употреблялъ оныхъ, по прибытіи въ столицу, для развѣдыванія о разныхъ вещахъ, которыхъ онъ, послѣ произшедшей перемѣны, отъ *Миранды* узнать не могъ.

Ибо Гжа. *Шладиль* все еще состояла тайно въ хорошей милости. Она знала, что *Пансалвинъ* (которому уже можно было приложить нѣкоторыя высокія титла, ежели бы не предпріяли мы, до возвышенія его въ Князя, называть простымъ его именемъ) есть возлюбленникъ *Мирандинъ*; а Баронъ

Понто столько былъ въ семъ увѣренъ, что втрое ниже кланялся предъ прежнимъ, и дѣйствительно втрое выше сталъ въ милости у *Миранды*.

Графъ *Кервитъ* не безъ удовольствія видѣлъ совмѣстника своего возрастающимъ. Сіе поспѣшествовало его плану; онъ приставалъ къ *Мирандѣ* съ прозьбою, что когда она не однажды дѣлала уже выборъ, а теперь по видимому сдѣлала выборъ по сердцу, то чтобы и ему выборъ сдѣлать было позволено. Противу всякаго ожиданія выборъ его былъ подтвержденъ, поелику *Пансалвинъ* вразсужденіи сего призванъ былъ на совѣтъ, и умѣлъ пріобрѣсть себѣ друга, котораго имѣвъ врагомъ, всегда бы долженъ былъ опасаться.

Вѣроятно, что Графъ *Кервитъ* узналъ, сколько много участвовалъ *Пансалвинъ* въ доставленіи ему спокойствія, и за то остался ему навсегда благосклоннымъ, особливо же въ каждомъ кругу, и во всемъ,

надъ чѣмъ ни имѣлъ онъ надзиранїе, оставилъ его въ совершенномъ покоѣ, которое составляло вещи, вразсужденїи коихъ *Пансальвинъ* ни мало не заботился, и которымъ не надлежало бы входить въ его планъ. Графъ *Керюитъ* едва достигъ, чего ему собственно хотѣлось, удалился отъ всѣхъ интригъ придворныхъ, и желалъ насладиться тихою жизнїю въ недрахъ домашнихъ радостей.

Но тѣмъ страшнѣе содѣлывался *Пансальвинъ* со дня на день Князю *Каролу*, который все еще управлялъ кормиломъ Государственнымъ, и довольно замѣчалъ, что иногда, прежде нежели онъ что усматривалъ, на пути его нѣчто препятствовало, которое заставляло его идти совсѣмъ иною дорогою, нежели которою онъ идти желалъ.

Когда онъ Государынѣ по своему обыкновенїю о чемъ-либо докладывалъ и показывалъ причины, служащїя въ защищенїе и опроверженїе того: рѣдко случалось,

чтобъ не слѣдовала она мнѣнію, которое онъ, яко лучшее, имѣлъ въ запасѣ, а еще и того рѣже, чтобъ она тотъ же часъ не сообщила ему своего мнѣнія. Ея удивительное остроуміе, быстрый взоръ, которымъ обозрѣвала она обстоятельства, и ея совершенно здравое сужденіе, столько облегчали ему ходъ дѣлъ, что надлежало удивляться, сколько сей кабинетъ предъ всѣми другими былъ рѣшителенъ во всѣхъ своихъ переговорахъ, и дѣла Государственныя текли безъ остановки.

Теперь Князь *Кародъ* очень часто принужденъ былъ дожидаться, и еще чаще мнѣнія *Миранды* бывали съ его мнѣніями несогласны, а нерѣдко совершившееся уже дѣло было уничтожаемо, и властнымъ изрѣченіемъ останавляемо то, что начало уже ходъ свой.

Сему надлежало со стороны Князя производить представленія, очень сходствующія на упреки, и которыхъ справедливость не всегда можно было *Миранду* опровергнуть.

Сіе умножило желаніе ея имѣть при себѣ *Пансалвина* безопаснѣе, дабы такимъ укоренѣямъ болѣе не подвергаться, и не доставить причины къ разсматриванію себя двузначущими взорами.

Однако Князь *Кародо* довольно замѣтилъ, откуда такая перемѣна происходила, и внутренно въ душѣ своей желалъ иногда, чтобъ любовь такую провалъ взялъ, потому она ему мѣшала, и цѣлому Государству могла сдѣлаться вредною.

Князя сего непрестанно обвиняли. Говорили: не любовь сего причиною, но возросшая довѣренность и удостовѣреніе въ томъ, что другой будетъ лучше, нежели онъ. И когда сія довѣренность единожды получила у ней перевѣсъ, кто можетъ сему сопротивляться, и точно ли Князь *Кародо* благонадежно вѣдаетъ, что она не права, что онъ въ каждомъ случаѣ значитъ больше, и Государствомъ

управлять умѣетъ лучше, нежели *Пансалвинъ*?

Конечно, *Кародо* долговременнѣе занимался сею должностію; но сіе обстоятельству мѣшаетъ ли?

Онъ радовался, услышавъ, что *Пансалвинъ* прибудетъ и навсегда останется въ столицѣ; поелику по крайней мѣрѣ не могъ уже онъ опасаться, чтобъ трудамъ его происходила остановка отъ переписки; онъ твердо предпринялъ, чтобъ всегда удерживать свое право тамъ, гдѣ оное по мнѣнію его было справедливо.

Баронетъ *Пикинъ* — но кто уже помышлялъ о Баронетѣ *Пикинѣ*? Онъ сталъ забытъ, потому что его удалили, и когда онъ не жалѣлъ о томъ, что исторгаютъ его изъ сферы, въ которую вошелъ онъ столько невинно, и столько же невиннымъ выходитъ; онъ могъ быть весьма счасливымъ. Однакожъ въ душѣ своей онъ сѣтовалъ о своемъ бывшемъ и утраченномъ счастіи, и едва могъ при-

ти въ себя. Можетъ статься, что опомнится онъ со временемъ, когда онъ обладаетъ тысячами людей, кои его любятъ за то, что онъ добръ, и высвободится изъ мздоимныхъ рукъ наемниковъ, кои до того времени кровь изъ него высасывали.

ГЛАВА X.

Отъѣздъ и прибытіе.

Фельдмаршалъ *Кастро* возвѣстилъ *Пансалвину* отъѣздъ его въ столицу, который о семъ уже зналъ и притомъ не безъ внутренняго огорченія. Въ дальнѣйшемъ слѣдствіи своего обхожденія съ такимъ мужемъ, который изъ опекуна сдѣлался дѣйствительнымъ его другомъ; ибо въ важныхъ дѣлахъ *Пансалвинъ* все еще притворялся, и не давалъ замѣтить, что его

гордость безпредѣльна, и есть наклонность къ мстительности, которая для *Баста* была всегда непріятнѣе, и въ особливости препятствовала тому, что о многомъ, которое охотно бы ему сказалъ, онъ ему не открылъ. Ежели бы онъ *Пансалвина* заставилъ смотрѣться въ зеркало, вразсужденіи нѣкоторыхъ его поступковъ; ежели бы прилѣжно далъ разсматривать слѣдствія оныхъ, что отъ того могутъ произойти еще худшія, можетъ быть чистосердечнымъ совѣтомъ и произвелъ бы нѣчто къ его пользѣ. Однакожь удержала его опасность, подать случай другимъ о томъ говорить, что *Пансалвинъ* конечно бы тотчасъ замѣтилъ, отъ кого такія извѣстія происходятъ, и не замедлилъ бы виновника оныхъ низвергнуть; а сіе составляло важный предметъ, нежели бы онымъ можно было пожертвовать.

Почему удовольствовался онъ еще ему сказать, что онъ ше-

ствуетъ къ великой ролѣ, и часто долженъ о томъ напоминать, что онъ о семъ ему предсказалъ, и когда останется еще нѣсколько любви къ нему въ груди его, напоминалъ бы, что онъ предостерегалъ его непрестанно разсматривать роль сію, и послѣ того судить о другихъ людяхъ.

„Припомни, говорилъ онъ, что тебѣ ни въ комъ болѣе нѣтъ надобности, и что множество людей имѣютъ надобность, въ тебѣ и требуютъ твоей помощи. — Но они для тебя, но ты для нихъ. Люби всѣхъ подданныхъ твоей Государыни, не дай никому почувствовать, что ты ближе всѣхъ къ престолу. Чти тѣхъ, кои трудились въ дѣлахъ прежде твоего! Люби тѣхъ, кои и доднесь оными занимаются! Уважай тѣхъ, безъ которыхъ тебѣ обойтися не можно, дабы и отъ нихъ пріобрѣсть глубокое почтеніе. — Будь моимъ другомъ! не думай, чтобъ я говорилъ такъ по пристрастію; го-

ритъ сіе любовь ко всеобщему, и склонность моя къ тебѣ. Когда я можетъ быть пріѣду, покажись мнѣ шаковымъ, чтобъ я порадовался, и братски могъ тебя обнять."

Пансалвинъ простился съ нимъ съ искреннею нѣжностію. — Никогда не замѣшалъ онъ въ семъ мужъ стороны ложной, всегда былъ онъ къ нему приверженнымъ. Онъ свободенъ былъ отъ зависти. Онъ не вѣрилъ, чтобъ въ семъ увѣщаніи заключалось укореніе, даже внималъ оное съ чувствительностію. О ежели бы онъ сему послѣдовалъ!

Часто послѣ отъѣзда его былъ цѣлой день въ задумчивости; приписывали по ихъ дружеству, но сіе происходило отъ робости въ разсужденіи предбудущаго. Между тѣмъ ясность его оказалась скорѣе, когда явились къ нему подчиненные ему военачальники. *Пансалвинъ* любимъ былъ всѣми, и не охотно разлучились съ добрымъ

сотоварищемъ въ трудахъ и опасностяхъ.

Вооруженный уже обладанїемъ столько различныхъ свойствъ, съ одной стороны любовью къ нему войска, съ другой уклоненїемъ предъ нимъ съ различныхъ сторонъ ползающимъ униженїемъ предъ нимъ здѣсь, твердымъ прилепленїемъ къ нему благороднѣйшаго рода, удостовѣренный въ полной любви къ нему *Мирандиной*, въ приторгнутомъ обладанїи всею къ нему довѣренностїю ея, освобожденный отъ совмѣстника, котораго еще продолжающагося влїянїя онъ опасался, обладая почти неограниченною властью во столько многихъ частяхъ Государственныхъ, прибылъ онъ въ столицу, въ которой ожидали его съ нетерпѣливостїю.

Любовь, которыя власть онъ распространить умѣлъ такъ, какъ можетъ быть еще никто оною не пользовался, содѣйствовала у Государыни желанїе покоя отъ дѣлъ дипломатическихъ, славу въ чужихъ

странахъ, гордость на празднествахъ у Вельможъ, уваженіе къ нему тамошнихъ ратниковъ, любопытство въ людяхъ средняго состоянія, и молву въ простомъ народѣ.

Такимъ образомъ явился онъ съ родомъ торжества, и съ желаніемъ въ сердцѣ вскорѣ достигнуть самаго верьха. Забыто стало все говоренное Фельдмаршаломъ *Бастомъ*; зеркало его представляло ему только будущее величіе. Для споспѣшествованія оному, никакое средство не казалось ему малымъ, никакое великимъ, не было затрудненія въ избраніи, онъ желалъ взяться за всѣ оныя.

Графъ *Керкитъ* сочетался съ своею возлюбленною *Трефіею*. Счастіе его казалось основаннымъ. Хотя произошло сіе съ дозволенія *Миранднна*, но произвело нѣкоторыя небольшія перемѣны. Жилище, которое имѣлъ онъ во дворцѣ, было оставлено, и пребываніе избрано между дворянствомъ. Не

безъ чувствительности однако согласилась Государыня на его убѣжденія. Теперь *Пансальвинъ* занялъ его комнаты и сталъ къ Государынѣ своей столько близокъ, какъ не возможно ближе.

Желанія, съ нетерпѣливостію сего ожидавшихъ, исполнились. Никто не остался не удовольствованнымъ. Было тогдашнее время сходственнымъ къ райскому. Праздники слѣдовали за праздниками. Радости любовныя были припрагалены бесѣдами. Вся столица находилась какъ бы въ восторгѣ. *Пансальвиновы* подвиги доставляли довольный къ тому предлогъ. Благопристойность не была оскорблена, ниже тонкость нарушена.

Старались предмету всѣхъ сихъ родостей отъ всѣхъ любовь привлечь, и поелику довольно предъ нимъ гнули спины, то и онъ былъ весьма дружелюбенъ. Видъ его очень нравился, не взирая на смежность свою съ нѣсколькою гордостію. Не было еще жалующихся, кои бы

содѣлали то подозрительнымъ; не было еще противниковъ, которые бы то подкапывали.

Пансалвинъ не потерялся въ семъ шумствѣ; онъ еще и воспользовался. Находясь неотлучно при своей возлюбленной, умѣлъ онъ содѣлать себя необходимѣйшимъ. Ходъ всѣхъ дѣлъ пошелъ живѣе; но онъ во всѣхъ дѣлахъ былъ уже замѣтнымъ. Вскорѣ увидѣли его дѣйствительно таковымъ. Онъ былъ уже главноначальствующимъ того и другаго, прежде нежели успѣли о томъ провѣдать. Видѣли быстро возросшій плодъ, вѣтви свои на все разпространяющимъ. Онъ осѣнялъ; но замѣтили, что сія тѣнь была слишкомъ густа.

Ясные лучи солнца содѣлались заслонены. Свѣтилы отступили вспять. Деспотство его начало разцвѣтать. Любовь все еще пребывала слѣпою. Послѣдовавъ слѣпо его желанїямъ, увѣнчала она всѣ его замыслы. Все еще не было то

замѣчено шамъ, гдѣ сему замѣчену быть слѣдовало.

Онъ умѣлъ придать всему лучшій видъ. Противниковъ, крѣпко сопротивлявшихся, считали завистниками, частое ихъ противуборство своенравіемъ. Иногда отдастси и самъ онъ уступалъ. но и то при другихъ случаяхъ шѣмъ тяжеле чувствовали его руку. Многое стало другимъ, нежели было прежде, и *Миранда*, когда ей сказывали, что прежде происходило инако, дѣйствительно признавалась, что сдѣлала ошибку, опвергала шѣ вещи, кои прежде сама учредила, называла хорошими послѣднія; и тогда замѣчали, что лучше бы ей молчать.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ДЕСЯТОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Придѣлываются къ лѣстницѣ ступеньки и съ наружности.

ГЛАВА I.

Освѣщенїе столицы.

Утверждаютъ, чего однако не выдаемъ мы за историческую истинну, что въ вечеру того дня, въ который *Пансалвинъ* пріѣхалъ въ столицу, оная вся была освѣщена, и что видѣли тогда многое, чего прежде не видывали. Между тѣмъ ежели бы выдавшїе сіе за истинну дѣйствительно сказали неправду, то въ разсужденїи сего освѣщенїя остался у насъ документъ, котораго отъ читателей нашихъ не скроемъ.

Столица *Мирандина* была изъ тѣхъ рѣдкихъ городовъ, который въ коротное время достигъ великаго рода, въ которомъ не мало по малу, какъ въ другихъ великихъ городахъ, красота и великолѣпїе появились, но онъ какъ бы возсталъ изъ ничего.

Здѣсь сіе сравненіе случилось въ строжайшемъ смыслѣ; ибо точно было ничто мѣсто, изъ котораго возникло самое великолѣпіе. Неудобное для каждаго, незамѣченное ни кѣмъ, увидѣло оное око остраго зрителя, и заключило, по основаніямъ ли мѣсту свойственнымъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, или потому, чтобы великое представить въ такомъ контрастѣ, и увѣковѣчить — заключило, да возрастетъ здѣсь маленькій міръ.

И оной возросъ. Оной стоитъ, никому изъ братій своихъ не уступая въ пышности и величіи — никому, и предъ всѣми преимуществуя въ томъ, что кому потребно было для сего много времени, оной едва ли имѣлъ надобность во времени, и *Миранда* была большею частію создательницею всего. Она усовершила то, что *Надиръ* началъ, равномѣрно какъ она и многое, имъ начатое, довела до совершенства.

Слава заслугѣ! она была величайшая Монархиня своего времени.

Огромная окружность сей столицы дѣйствительно обѣемлетъ въ себѣ малый мiръ. Кишѣли въ ней жители; ниодного мѣстечка не было незаселеннаго; кишѣли чужеземцы, прибывшiе отчасти обозрѣть ея великолѣпiе, частью же подъ защиту *Миранды*, чтобы сыскать пропитанiе и счастiе.

При всемъ такомъ величiи и столикомъ великолѣпiи находился еще въ столицѣ сей даръ, котораго тщетно ищутъ въ другихъ великихъ городахъ; обиталo еще въ ней чувствованiе простой натуры, владычествовали въ ней невинность и добрые нравы.

Такъ, любезный читатель, не взирая на развращенiе двора, не взирая на пороки, которыми заражены были Вельможи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, не взирая на привезенное въ нее со всѣхъ странъ свѣта зло, найдешь ины здѣсь въ бѣдномъ и среднемъ

состоянїи добродѣтели, найдешь несравненно чистѣйшїе неповрежденные нравы, вѣрность въ бракѣ, и нераспутныхъ дѣтей.

Благословенїю Природы надлежало еще болѣе и дѣятельнѣе носиться надъ климатомъ. О! извѣстенъ намъ городъ, также собратъ сему, въ которомъ неистовые пороки владычествуютъ, кои здѣсь едва ли по имени извѣстны, или по крайней мѣрѣ совершаются въ сокровенности, ибо стыдились говорить о томъ явно — преступаютъ предѣлы гражданскихъ законовъ въ побужденїяхъ естественныхъ, но не самое естество. Великое еще блаженство, гдѣ сїе владычествуетъ.

Находится въ семъ маломъ мїрѣ еще болѣе. Находится еще многое истинное богопочитанїе, еще много праведныхъ людей.

О благочестїе, благородный спутникъ человѣчества! ты отъ нихъ не отлучишься, не оставишь ихъ въ добычу неукротимому без-

божію, попирающему ногами, похоти его разрушающему, и осуждающему то, что рано или поздно внутренній судія возчувствовать заставитъ — противу воли его чувствовать научитъ.

Несправедливо было бы утверждать, что Вельможи сего города были свободны отъ всѣхъ страстей; нѣтъ, они имѣли свои страсти, какъ и въ другихъ мѣстахъ, но далеко не въ такой мѣрѣ; такъ на прим. можно было замѣтить гордость въ разномъ видѣ, и сказать за тайну: гордость Князя Тьмы, которой въ послѣдствѣ примѣчанія достойные примѣры видимы будутъ, была здѣсь нѣчто неслыханное, и многіе изъ самыхъ Вельможъ стыдились оной въ душѣ своей.

И потому долговременно будетъ онъ выставляемъ въ несносный примѣръ сей гордости. Однакожъ впрочемъ найдешь ты много благосердія въ низшимъ, даже въ самыхъ Вельможахъ. — О, прекраснѣй-

шее чувствованіе человѣчества, и почти неразлучное съ онымъ гостепріимство каждому, кто только приближается съ благоприличіемъ отверстыя сердце и обѣтія для того, кто можетъ быть ихъ другомъ, и отверстый кошелекъ для нуждающихся! Какая столица можетъ сіе сказать о большой части своихъ жителей?

У нихъ также, чтобы ни говорено было о ихъ развращеніи, не царствуетъ издавна величіе деспотическаго тиранства надъ меньшими сочеловѣками; ибо по одному тирану, по Князю Тьмы, не должно заключать о всѣхъ, да и немногіе, когда обойдешь вокругъ столицу, такимъ поведеніемъ его довольны, и его за оное выхваляютъ.

Напротивъ, сколько ни обыкновенно въ столицахъ ушѣснять самую бѣдную часть жителей, но о здѣшней сего утверждать не можно. Художникъ и искусный рукомесленникъ уважаются, и мало находится совершенно бѣдныхъ. Отъ

чего? Величина поддерживаетъ ихъ, и нужды каждаго круговращаются съ деньгами всѣхъ состоянiи; каждой находитъ то, въ чемъ нуждается. Дворъ не прилежитъ къ бережливости, дабы накоплять сокровища, но снабжаетъ оными своихъ подданныхъ, дабы получить за то вѣрность и преданность со избыткомъ. Поелику то, что имѣетъ подданный, ежели любитъ своего Монарха, готовъ отдать ему благонадежднѣе, нежели сберегать въ сокровищницѣ, въ которой оное похищено быть можетъ.

Однакожъ сiе совсѣмъ не надлежитъ до освѣщенiя столицы. Но какая и нужда при ономъ задерживаться!

Изъ всего вышеписаннаго можно вывести заключенiе, что столица сiя содержитъ въ себѣ большею частiю людей добраго рода. Чувствованiе ея обывателей дозволяетъ имъ наслаждаться жизненными радостями въ такомъ изобилiи, сколько они могутъ, не

бывъ притомъ слишкомъ эгоистами, чтобъ не удѣлять того другимъ. Каждое доброе, на которое обратишь вниманіе, для нихъ пріятно. Много къ образованію ихъ содѣйствовали чужестранцы.

Весьма несправедливо заключаютъ, чтобы чужестранцы, пріѣзжающіе туда для снисканія своего счастія, надлежали къ самому негодному классу людей. Нѣтъ, оные бываютъ большею частью добрые, любезные люди, кои въ отчизнѣ своей были угнѣтены, ищущіе прибѣжища въ своемъ несчастіи, и снискавъ себѣ счастіе, содѣлались лучшими людьми, изправляющими другихъ, ибо снискали отъ нихъ любовь.

Сія любовь къ добру простирается, начавъ съ великихъ до малыхъ, и сіе далеко прикрываетъ всѣ прочіе ихъ пороки. Благословеніе да снидетъ на сей городъ и его жителей! да не осмѣлится никакой зубъ оклеветанія до нихъ

коснуться, и кто угрожаетъ и
враждою, отвратись отъ нихъ,
оставь ихъ въ покоѣ, потому ч
нѣсколькіе члены изъ нихъ д
ствуютъ ко всеобщему благу.

ГЛАВА II.

Пансальвинъ прилѣжитъ къ разн образному.

Мы видѣли уже, какимъ обр
зомъ произвелъ *Пансальвинъ* любо
свою къ *Мирандѣ*, и домогся об
данія ея довѣренностію; како
духа чадо былъ онъ въ происках
такимъ же образомъ производи
онъ и еще нѣкоторое, чему надо
но было сдѣлаться по его желані
Подробныя повѣствованія о сем
были бы только повторенія, и у
личили бы сіе сочиненіе: поче
останемся мы только при главны
чертахъ его прочей жизни, и рав
образно разсмотримъ пути, к

онъ избиралъ для разныхъ намѣреній.

Въ прежней главѣ упомянули мы, что *Миранда* не сонадлежала къ числу тѣхъ владѣтелей, кои собираютъ сокровища, не потому, чтобы ея тайные и ни одному человѣку тогдашняго времени неизвѣстные доходы того не позволяли, но для того, что она и ея прежніе помощники въ правительствѣ имѣли правиломъ, употреблять сіи сокровища съ лучшею пользою, именно пособствуя досужеству своихъ подданныхъ, и оттуда опять возвращалась бы, нежели мертвыми лежали въ казнохранительницѣ.

Находятся, сего не отвергаемъ мы, обстоятельства политическія, при которыхъ сему надлежитъ быть основаніемъ, при которыхъ расходы въ нужномъ случаѣ сего требуютъ, чтобы средствъ сихъ не щадить, когда прочее состояніе Государственное сему удовлетворять не позволяетъ; но не такова

было Государство *Мирандино*, въ которомъ для каждой надобности доходы были готовы; почему не худо было, что она вышеупомянутыхъ расходовъ не отмѣняла.

Миранда хорошо обдумала, что чрезъ тотъ способъ, какимъ она излишекъ доходовъ своихъ употребляла, ежегодной доходъ почти сполна возвращалъ сумму употребленнаго капитала, а потому неизвѣстные политики терялись въ своихъ расчетахъ; отъ чего зло ими названнаго расточенія не распространилось болѣе, благосостоянія Государственнаго не подорвало, ни блистанія столицы не умалило, и даже еще умножило.

Миранда пеклась о семъ очень мудро, чтобъ доходы ея изъ Государства не выходили. Сколько прилѣжно она на все взирала, все позволяла для доведенія въ дѣйствіе оборота денежнаго въ Государствѣ: столько строга была на границѣ, препятствуя выходу богатства Государственнаго. Многіе усматри-

вали въ семъ мало политики, однакожъ въ томъ заключалось многое, и она сдѣлала знаменитое пріобрѣтеніе.

Всѣ жалобы на недостатокъ денегъ въ Государствѣ составляли только несправедливое сужденіе объ ихъ круговращеніи. Поелику не видѣли денегъ въ огромныхъ кучахъ, що не взирали на кучки, изъ которыхъ составлялось множество кучъ.

Панталеонъ замѣтилъ, что не очень хорошо то, когда нѣтъ наличныхъ денегъ. Онъ чаялъ находить въ нихъ силу къ произведенію всего, что угодно; и онъ былъ правъ, какъ тому слѣдствіе научило, что задумываемое имъ всеконечно надлежало произвесть симъ способомъ. Но *Миранда* ничего было задумывать, для чего бы надобенъ ей былъ такой запасъ.

Вразсужденіи случаевъ, о которыхъ онъ ей представлялъ, была она обезпечена доброю волею и вѣрностію своихъ подданныхъ. Но

какъ въ отдаленныхъ ея областяхъ всегда находились безпокойныя головы, и богатство не рѣдко подавало поводъ къ безпокойствамъ: что имѣла она очень мудрую политику, всѣхъ Вельможъ и богачей привлекать либо въ столицу, или въ отдаленіи одарять такими почестями, по которымъ принуждены они были дѣлать великіе разходы, а потому не льзя имъ было накопить наличныхъ денегъ, отъ которыхъ могла бы произойти опасность.

Поелику, не взирая на всѣ основанія, *Пансалвинъ* все еще былъ ей противникомъ, а она сопротивлялась ему отчасти хорошо, частью же слабо: то показалось ей, что есть въ немъ расположеніе къ сребролюбію, и какъ она не думала, что со временемъ можетъ онъ ей сдѣлаться опаснымъ, то дозволила — потому что никакому желанію его отказать не могла, и въ семъ обстоятельствѣ поступишь какъ онъ хочетъ, и и всю-

рѣ престало быть тайною, что онъ казну ея имѣетъ въ своемъ произволѣ, беретъ изъ оной сколько хочетъ, и больше нежели было надобно. Молчали однако; ибо имѣлъ онъ на то полномочіе отъ *Миранды*, и никто не могъ ему въ томъ сдѣлать упрека, когда онъ подавалъ ей надлежащіе счеты, когда былъ ея тайнымъ казначеемъ и она вѣдала, сколько онъ для себя бралъ денегъ.

Однакожъ, конечно, когда Государство отъ того терпѣло; — когда подданные, имѣющіе надобность въ пособіи, должны были нуждаться; — когда добрыя разпоряженія, ею сдѣланныя, разрушились; — когда подданные излишними налогами отягощены сдѣлались, платя прежде небольшую подать, которую легко взносить могли; — когда правда областей, добровольно предавшихся *Мирандѣ* въ покровительство, были нарушены для доставленія Государству многайшихъ доходовъ: то *Миранда* по-

нечно была неправа, что для сребролюбія одного, утѣснила многихъ.

Между тѣмъ перемѣны такія по мнѣнію *Пансалвинову*, по мнѣнію многихъ другихъ, у кормила Государственнаго сидящихъ, имѣли свое основаніе въ обстоятельствахъ политическихъ, въ необходимостяхъ политическихъ; по крайней мѣрѣ онъ приватное свое любостяжаніе разпространилъ до гадкости.

Находясь первымъ послѣ Государыни, онъ чаялъ, что имѣетъ право и можетъ жить даромъ, и что надобности его надлежитъ художникамъ и рукомесленникамъ выполнять безденежно, даже, что заижіточные въ городѣ купцы обязаны ссужать его деньгами, кои возвращать онъ не имѣлъ охоты.

Послѣдній работникъ едва могъ отъ него получать кровавымъ потомъ заслуженное; лице его не оказывало на себѣ досады болѣе, какъ въ случаѣ, когда богатой человѣкъ требовалъ съ него по праву своего обратно. Сіе простиралось

до малостей, и очень унижало цѣну собственнаго его характера, и пріобрѣло ему много враговъ въ числѣ простыхъ людей.

Одинъ только былъ родъ человѣковъ, пользовавшійся его щедростію, — именно солдаты. Онымъ льстилъ онъ при каждой встрѣчѣ; они были его кумиръ, и самъ онъ вскорѣ содѣлался ихъ кумиромъ. Однакожь вообще относилось сіе до рядовыхъ солдатъ, нежели до вышнихъ чиновъ, вразсужденіи коихъ разходы его должныбъ были увеличиться.

Во время его управленія, начали въ столицѣ ощущать недостатокъ въ деньгахъ. Начали жаловаться на ущѣсненіе въ областяхъ ближнихъ и отдаленныхъ. Казна начала изчерпываться; и когда о семъ доходило свѣденіе до *Миранды*, то старался онъ изображать ей обстоятельство сіе маловажнымъ, что лучше жалобамъ таковымъ быть, и имѣть средство прошину

сего въ рукахъ своихъ, нежели не имѣя онаго слышать жалобы.

Когда *Миранда* увѣряла его, что такихъ жалобъ слышано не было, тогда отвѣчалъ: ему извѣстно, что подобное до ушей ея не доходило, какъ нынѣ, отчасти изъ зависти къ нему, частью же для того, что при немъ карманы ихъ тощѣютъ.

За сію недовѣрчивость къ ея возлюбленному награждала она его прекрасными подарками; и поелику слѣпо на него полагалась, то всѣ, окружающіе ее, возъимѣли къ ней недовѣрчивость. Къ пріобрѣтенію сей довѣренности, она просила у него совѣта, а потому вскорѣ сшала окружена шварями, ему преданными, изображавшими ей *Пансалвина* образцемъ всего добраго, мудраго и честнѣйшаго.

Пансалвинъ изъ подъ руки тщательно освѣдомлялся, кто ему такой подрывъ дѣлалъ, и Боже избавь того человѣка, кто оказывался въ

семъ виновнымъ! для такого не было никакого милосердія.

ГЛАВА III.

Представляетъ чужеземныя почести.

Мало по малу узнали не токмо въ столицѣ, но и во всемъ Государствѣ, что теперь *Пансалвинъ* одинъ на сердцѣ у Государыни, съ которымъ раздѣляетъ она столько нѣжную, столько любезную заботу о Государствѣ. Не потому, чтобы она не столько же заботы имѣла о благѣ своихъ подданныхъ: ее любили слишкомъ много, нежели бы хотя мало судили не въ ея пользу. Не было же на нее подозрѣнія, чтобы она заботу объ управленіи возложила на другихъ; ибо вѣдали, что она одна можетъ все обозрѣть, что донынѣ и происходило ко всеобщему удовольствію.

Почему не сїе было основа
емъ, для чего не совѣмъ то од
ряли, чего и дѣйствительно
было, чтобъ имѣла она въ не
неограниченную довѣренность.

Однако же слышали, что *Па*
салвинъ начальствуетъ надъ сто
многими мѣстами, что не
состоянїи оными управлять; о
былъ какъ бы все во всемъ, и
находилось никого во всей Держав
который бы посредственно или н
посредственно отъ него не зав
сѣлъ; онъ одинъ производилъ су
денїя, кои казались двусмысленн
ми вразсужденїи сего выбора.

Ему принуждено было, дл
того, что не могъ всѣмъ управит
другихъ избирать, кои вмѣсто е
работали. Могъ ли онъ то сд
лать? Имѣлъ ли онъ надлежащ
способности къ тому? Слѣдстве
но его дѣйствїя, кои разнообразн
только собственно до него нас
лись, а отъ всеобщаго отвращ
лись, были доводомъ внутренняя
его пристрастїя. Когда же онъ дл

всеобщей пользы распространялся, выборъ его былъ ли всегда хорошъ, и не лучше ли бы могла избрать сама *Миранда*, и каждое мѣсто занять тѣми Особами, кои съ опытовъ были способнѣйшими?

Но къ чему пособствуютъ такіе переговоры, гдѣ воля одного владычествуетъ! Короче сказать, сіе знали, и принуждены были повиноватися. Всѣ, въ которыхъ было хотя не много духа политики, взяли направленіе свое къ неподвижной звѣздѣ, стоявшей съ боку солнца, и обходились съ нимъ такъ, что онъ началъ замѣчать въ себѣ нѣчто подобное сіянію солнечному, и сіе составляло вѣрное, пособное средство къ достиженію его благосклонности и того, чего отъ благосклонности сей ожидали.

Поелику, не взирая на сребролюбіе *Пансалвиново*, многое еще можно было отъ него получать, и многаго отъ него искать надлежало, сіе было достовѣрно. Онъ не могъ всѣхъ имѣнія, всѣхъ чино-

вныхъ мѣстъ, всѣхъ денегъ въ Государствѣ, столько обширномъ, къ себѣ прибрать, и въ себѣ одномъ соединить. Довольно и того, когда умѣлъ онъ столько довести, что большею частїю все отъ него зависѣло. Притомъ же умѣлъ съ осторожностїю караулить доступъ къ Государынѣ, не сдѣлавъ онаго совсѣмъ невозможнымъ; ибо сего она не терпѣла, и сверьхъ того была весьма человѣколюбива; однакожь путь сей расположилъ онъ такъ, чтобъ лежалъ оной сквозь ущелїя, кой для нѣкоторыхъ былъ либо отяготительнымъ, или хотя и пробирались, получали обнадеженїе, но оное не было сдержано; выходило для таковыхъ столько непрїятности, что ни у кого не было охоты имъ подражать.

Когда въ самомъ отечествѣ всѣ согласны были въ томъ пунктѣ, что *Пансалвинъ* едва ли не одинъ правитъ всѣмъ Государствомъ, то вскорѣ пронеслась о томъ молва и до чуждыхъ земель: при Дворахъ

разныхъ Государей, и въ ихъ Кабинетахъ основался на семъ разчетъ, что симъ каналомъ можно будетъ получать все, что надобно.

Миранда, думали такъ, имѣла и прежде много любимцевъ; но обуздывала оныхъ столько, что они не сдѣлались каналами, кои можно было употребить къ снисканію ея благоволенія. Въ семъ не ошиблись. Никому прежде не удалось, чтобъ она употребила его въ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ, особливо же въ иностранныхъ.

Хотя *Пансалвинъ* въ семъ Департаментъ собственно ничего не дѣлалъ, хотя не занималъ мѣста перваго члена въ дѣлахъ Государственныхъ, ибо предоставилъ оное Князю *Кароду*, который его уже занималъ; но онъ управлялъ всѣмъ словомъ Государыни, и слѣдственно дѣлалъ все.

Всѣ иностранныя Государства обратились къ нему, и сіе было кстати, поелику чрезъ то онъ

крылся новой источникъ къ почестямъ, когда у *Миранды* не осталось уже, чтобы ему дать было можно. Мѣста и почетные знаки изчерпались; онъ обладалъ всѣмъ, что только было. Пергаментъ его Патентовъ занималъ огромной поставецъ, а знаками его достоинствъ и почестей набита была цѣлая комната. Но никакая еще чужестранная Держава желаніямъ его не удовлетворяла, и когда появились того знаки, внутреннее удовольствіе его взошло на высшую степень.

Ревностно взялся онъ за тѣ вещи, которыхъ отъ него требовали, и въ семъ-то случаѣ умѣлъ онъ соединить предосторожность и благоразуміе съ своею силою. Ибо *Миранда* имѣла прозорливость въ дѣлахъ политическихъ, которая превосходила и его прозорливость, и нѣкоторое, на что онъ желалъ соглашенія, требовала отмѣнить, для того что предвидѣла слѣдствія, представляющіяся ей въ опасномъ

свѣтѣ. Она по крайней мѣрѣ не хотѣла, чтобъ вышла изъ того Государственная погрѣшность, за которою упрекнули бы ее въ Лѣтописяхъ ея царствованія.

Добрая *Миранда*! мысли твои дѣйствительно были преизящныя; однакожь и твердѣйшія намѣренія подвергаются потрясенію! и ты дозволила собою управлять.

Ежели *Пансалвинъ* въ точности не получалъ, чего требовалъ, и чего и отъ него требовали, происходило сіе отводами, и онъ достигалъ желаемаго, что собственно не было неприличіемъ; но за то достигалъ *Пансалвинъ* до желаемыхъ почестей, и слѣдственно славился вышшими знаками отечественной и чужестранной милости.

ГЛАВА IV.

Достигаетъ верьха, который весьма пріятенъ былъ для гордости.

Отчасу далѣе и далѣе распространялась слава, любимецъ все ещѣ содѣлывался болѣе любимцемъ, бывъ оракуломъ своей Государыни, имѣлъ онъ рѣшительной голосъ во всемъ, что ни происходило; приближиться къ нему, значило жизнь найти, ежели на кого упадалъ благосклонный взоръ его; — смерть, кого преслѣдовала его немилость.

Конечно не все удавалось, чего у него искали, и въ чемъ уповали удачи, даже что онъ обѣщалъ; но вѣрно и то, что шло не чрезъ него, не удавалось; перешептывали другъ другу на ухо, что были случаи, въ которыхъ требовалъ онъ отъ Государыни отмѣны даже обѣщаннаго, и что она, по слабости ли, не желая его огорчить, или по удостовѣренію, что онъ былъ правъ, отмѣняла удачливо.

Извѣстно уже намъ, что *Миранда* обладала великимъ Государствомъ, а потому въ политическомъ равновѣсіи не бездѣлицу составляло то, кто могъ считать ее въ числѣ своихъ союзниковъ; каждый о томъ старался. Держава *Мирандина* собственно не имѣла надобности въ союзникахъ. Она могла состоять сама по себѣ, и быть несравненно въ меньшихъ силахъ, долго сама по себѣ состояла. *Миранда* и ея великій предшественникъ *Надиръ* были зиждителями величія, которое содѣлывало ихъ повсюду страшными, и поелику сію опасную сосѣдку, не рѣдко близко смѣжную, охотнѣе желали имѣть другомъ, нежели непріятельницею; хотя же послѣдняго и не было, то лучше благосклонною, нежели равнодушною: то старалися со всѣхъ сторонъ снискать ея благосклонность, и чаяли пріобрѣсть сіе скорѣе чрезъ предстательство *Пансалвиново*.

Отъ сего стеклись еще недостающіе знаки почести со всей планеты, и отъ сего случилось то, что доставлено ему было достоинство, которое конечно не оставило ему чего болѣе желать, и которое лучше бы поудержать, чтобъ осталось для него еще, чего бы ему искать надлежало.

Ибо чего можно было отъ человѣка его образа мыслей, его внутренняго ощущенія, его пристяжанія на все возможное, его пріобрѣтеннаго уже могущества, имѣющаго несчетно сообщниковъ ожидать инаго, кромѣ того, что когда не осталось для него болѣе законнаго, простретъ онъ руки къ беззаконному, и начнетъ стараться свергнуть съ себя малое иго, которое его еще утѣсняло, а собственно состояло только въ воображеніи.

Пансалвинъ содѣлался Княземъ. Таковымъ представалъ онъ намъ, таковымъ образомъ видѣли мы его восходящаго съ перваго степени

простаго рапника до сей знаменитости. Выше сего взойти было невозможно.

Но сіе составляло его желаніе, исполненія котораго онъ не уповалъ, по крайней мѣрѣ такъ скоро; въ чемъ онъ самъ признавался въ тѣ часы, когда довѣренность иногда одерживала верьхъ надъ своенравіемъ.

Правда, поприще его было достойно зависти. Можно назвать того исполненнымъ чести и уваженія, который умѣлъ оное довести столько высоко. О! ежели бы онъ при всемъ томъ старался снискать болѣе любви, нежели боязни; — ежели бы онъ великую власть употребилъ ко исполненію добраго, къ чему имѣлъ удобность, съ радостію дали бы мы ему иное имя, нежели какое онъ носитъ.

ГЛАВА V.

Первые шаги къ сему имени.

Когда уже выше сказано было, что *Пансальвинъ* имѣлъ расположеніе не токмо къ сребролюбію, но и прилѣжалъ беззаконными разчетами оному удовлетворить: не выходитъ еще изъ того, чтобъ не шло оное съ его гордостію въ равной параллелѣ, чтобъ не любилъ онъ издержекъ и великолѣпія, чтобъ не было ему больно, когда кто нибудь его въ семъ превосходилъ.

Сіе составляло любимое его занятіе, и онъ до сего времени, отчасти безпредѣльно щедростію Монархини, частью же доходами со всѣхъ своихъ мѣстъ, а отчасти чрезъ угнѣтенія, на которыя смотрѣли сквозь пальцовъ, довелъ къ тому, что каждаго богатаго изъ частныхъ людей сего Государства сперва догналъ, а потомъ превзошелъ. Ему пожаловано было много деревень, и слѣдственно уравненъ

онъ сталъ со всѣми равными ему чиномъ.

Сего сана, котораго сама *Миранда* пожаловать ему была не въ состоянїи, еще ему не доставало, и когда содѣлался онъ Княземъ, хотя честолюбїе его сначала насытилось, но послѣ родилась въ немъ страсть пріобрѣтенїя равной почести съ Государынею.

Въ сердцѣ его воспылалъ огонь, который ослѣпилъ его разсужденїи времени предшедшаго, который нынѣшнее время представилъ ему вышшимъ, а будущее самымъ престоломъ. Онъ сдѣлался такимъ, какъ бы вся душа его воспріяла иное направленїе. Онъ видѣлъ себя уже не тѣмъ человѣкомъ, какова былъ. Онъ считалъ себя существомъ вышшимъ, и долженствовали предъ нимъ преклоняться всѣ приближающїеся къ нему, какъ бы подобїю неба, или справедливѣе сказать, ада. Ибо обращенїе его съ каждымъ, кто предъ нимъ не преклонялся, было сколько презира-

щимъ, что не можно было по
слышь, чтобъ былъ то челов
съ человѣкомъ; надлежало счита
себя червемъ, чтобъ видѣть
обращеніе съ собою какъ съ нас
мымъ тому, кого онъ благоволе
емъ своимъ одарить заключилъ.

Объ человѣкѣ низкаго сост
нія сдваль было можно говор
предъ нимъ. Таковыхъ отправл
его служители, и когда они зап
цали ему вновь появляться, хо
бы имълъ онъ у Князя справед
вое требованіе, таковому не д
жно было совѣтовать опять при
дить, поелику гордость въ прису
ствіи его хотя и не могла с
латься заразительною безъ то
чтобъ гнѣвъ его при первомъ за
чевіи сего не угрожалъ раздр
неніемъ, но переходъ отъ него былъ оч
видѣнъ и дѣйствителенъ, даже
съ удаленія отъ него; ибо, ва
предъ нимъ надлежало всему п
зать, то сего ползанія въ посл
ствѣ требовалъ онъ и отъ тѣх
которыхъ считалъ находящими

въ его власти; кто же сего не дѣлалъ, съ таковымъ, по мѣрѣ его содержанія, обходились служители его тѣмъ же образомъ, какъ самъ онъ обходился съ великими достойными мужами.

Поелику тѣ, кои вразсужденіи чина и мѣста были его ниже, но которые выше его состояли по урожденію, и которыхъ заслуги по крайней мѣрѣ не меньше были его заслугъ, должны были по цѣлому часу, даже — стыдно помыслить — по цѣлой половинѣ дня дожидать въ прихожей комнатѣ.

Князь не всегда занятъ былъ дѣлами. Но когдаѣ оныя и препятствовали, то по крайней мѣрѣ надлежало бы не заставлять дожидаться тѣхъ, кои чрезъ то имѣли остановку въ дѣлахъ по своей должности, единственно для того, чтобъ показались его всеподданнѣйшими слугами; или когда сіе гордости его служило необходимою пищею, могъ бы онъ назначить часъ, въ которой бы имъ показывался, и

принималъ отъ нихъ нижайшее почитанїе.

Онъ, человѣкъ Государственный, долженствующїй жить и трудиться для блага Государственнаго, онъ могъ служителей Государственныхъ удерживать отъ добраго дѣла для онаго трудиться, для того только, чтобъ видѣть переднїя комнаты свои набитыми Орденскими лентами и звѣздами, и показать: вотъ что могу я дѣлать! Украшенные вышними знаками почести здѣсь съ робостїю ожидаютъ часа, пока будетъ мнѣ угодно показать имъ милостивое мое лице, и дозволить имъ благосклонное выслушанїе.

О! ужасное зло переднихъ комнатъ Вельможескихъ еще не выставлено въ ясномъ свѣтѣ. Съ какимъ трепетомъ нѣкоторые приближаются! Для чего должно быть въ нихъ въ ужасной тишинѣ, запрещающей даже размышленїе, запрещающей совсѣмъ погрузиться внутрь себя, изъ опасенїя, чтобъ

не впасть въ разсѣяніе, или чтобъ не отдалиться отъ самаго дѣла, о которомъ послѣ докладывать слѣдуетъ? Для чего служитъ позорищемъ умничающимъ домовымъ оффиціянтамъ, и вообще подвергаться принужденію, котораго въ отношеніи человѣка къ человѣку быть не должно? И ежели принято уже содержаніе меньшихъ къ великому, то должно сему содержанію состоять только въ дѣлахъ по должности каждаго, а не въ уклонкахъ. И кто обязанъ должностію, для чего ему дожидаться? Даже кто пришелъ на поклонъ, для чего заставлять его дожидаться?

Никто недолженъ ждать; ибо въ дожиданіи нѣтъ такой надобности, какъ въ крышѣ отъ дождя, естьли не хотѣлъ, чтобъ испортило платье.

Извѣстно мнѣ, что во многихъ переднихъ комнатахъ назначены часы, въ которые хозяина дому видѣть можно. Въ случаѣ только, ежели передняя комната

набиты народомъ, и мнѣ должно ждать, пока пришедшіе прежде меня будутъ отправлены, я обижаться и жаловаться не могу.

Но когда дожидаюсь только я одинъ, и должно мнѣ, чтобы передняя комната не осталась пустою, дожидать до пяти минутъ, когда ударитъ назначенный часъ, и между тѣмъ войдетъ какой-нибудь Господинъ съ такою поспѣшностію, которая заставитъ подумать, что все благо Государственное отъ того зависитъ, и едва удостоитъ меня покивнутіемъ головы, такъ какъ бы не стоилъ я его взгляда, которымъ удостоиваетъ онъ свою собаку: сіе жестоко, несправедливо, и вопіетъ на Небо.

Объ тѣхъ переднихъ комнатахъ, кои никогда не затворяются, въ которыхъ нерѣдко дожидаются съ утра до полудня, послѣ обѣда опять появляются, и можетъ быть удается увидѣть милостиваго Государя уже ночью, я не говорю ни слова. Я считаю оныя

за земной адъ, и кто въ нихъ помучился, можетъ уповать небеснаго царствія, хотя бы житіе его было и не очень праведно.

Такова пріемная комната была у нашего Князя Тьмы, и мужи самые заслуженые, самые тѣ, кои знаніямъ своимъ столько цѣны поставляютъ, что не желалибъ быть унижены, и тѣ принужденными находились его дожидаться.

Но можетъ быть въ послѣдствѣ окажутся примѣры, кои еще лучше сіе объяснятъ. Сверьхъ того и люди средняго состоянія, имѣвшіе до него дѣло, очень чувствовали сіе новое его величіе; ибо не было возможности, въ огромной округѣ для раздачи пищи, что-либо получить, не бывъ до крайняго степени униженнымъ предъ нимъ, что простиралось до рабской подверженности.

ГЛАВА VI.

Одна изъ ближайшихъ причинъ къ сему имени.

Мирандино сердце къ *Пансалвину* было все еще то же, каково сначала, и не льзя вѣрить, чтобъ человѣку, столько постоянною любовїю награжденному, можно было дать что-либо, какъ сему любимцу Великой Государыни. Ежели можно страсть назвать слабостїю, была то безспорно слабость съ ея стороны, когда она непрерывно, не взирая на всѣ доводы, опчасу болѣе къ нему прилѣплялась, не помышляя о томъ, что сїи прилѣпленїя напослѣдокъ возьмутъ надъ нею поверхность.

Никто не оказалъ больше участїя со внутреннею радостїю и удовольствїемъ, какъ *Миранда* при возвышенїи Князя. Мы пройдемъ въ молчанїи, сколько она содѣйствовала къ тому съ своей стороны; но что она содѣйствовала много,

сіе достовѣрно, сколькожъ достовѣрно и то, что самъ *Пансальвинъ* могъ о семъ знать, хотя и притворялся незнающимъ.

Поелику онъ былъ уже теперь все, чѣмъ только быть пожелать могъ, чего ступени, по которымъ онъ входилъ, съ перваго мгновенія не могли обѣщать; когда же исполнилось все, чего онъ желалъ, и даже о чемъ и не помышлялъ, что стало ему досадно, для чего онъ обязанъ другимъ, для чего обязанъ *Миранде*.

Горделивая душа его даже могла ненавидѣть тѣхъ, кои къ сему содѣйствовали. Давшій ему Княжество, не былъ отъ него поощаженъ; ибо считалъ, что онъ не въ довольномъ у него находится почтеніи, для чего не нашелъ довода превосходнѣйшаго, доставленной ему почести.

Онъ дѣйствительно жаловался на то *Миранде*, и думалъ взираютъ на него съ нѣкоторымъ родомъ презрѣнія; *Миранде* было

довольно хлопотъ его въ семъ утѣшить и увѣрить, что считаемое имъ за презрѣніе происходило отъ искренности, которую въ семъ родѣ людей не всегда снискать можно, а потому слѣдуетъ цѣнить и уважать надлежащимъ образомъ.

Сіе напоминаніе вразумило его, что онъ самъ себѣ измѣнилъ, подумавъ, будто бы его презирать можно, когда всѣ другіе думаютъ объ немъ съ почтеніемъ. Онъ сердился за это самъ на себя.

Въ сей разъ призналъ онъ себя столько виноватымъ, что послѣ того стыдился. Онъ въ своемъ придворномъ штатѣ ввелъ обрядъ, превосходившій упругостію своею все на свѣтѣ: взглядомъ своимъ предписывалъ онъ строгое молчаніе, куда только взиралъ, и малѣйшая погрѣшность противу его титуловъ и достоинствъ, малѣйшій родъ пренебреженія, могъ раздражать его до крайности. Ежели же вымѣщалъ сего на томъ же мѣ-

стѣ, то досадовалъ долго, очень долго на того, кто могъ сдѣлать такое упущенїе.

По сему Природа была ему совсѣмъ неизвѣстна, по малой мѣрѣ онъ совсѣмъ отвыкъ отъ ней, вмѣсто того, чтобы оную любить, получать отъ ней пищу вмѣсто принужденїя, которымъ себя непрестанно ограничивалъ.

Со столькимъ же принужденїемъ, какъ и его счастїе, шла и домашняя жизнь его; такимъ же образомъ недостатокъ въ принужденїи себя, считалъ онъ за пренебреженїе.

Послѣ того онъ остерегался жаловаться *Мирандѣ* въ чемъ-нибудь подобномъ сему. Она довела наконецъ до того, что въ столицѣ оказывали ему равныя почести, какъ и ей самой; что считали его всюду ей равнымъ: что всѣми силами старались удовлетворять его необузданной гордости.

Князь *Пансальвинъ* не рѣдко отъѣзжалъ, и на сихъ путяхъ

встрѣчали его тѣмъ же образо
какъ бы и самую *Миранду*. Не
ло никакого различія: всюду
ло о семъ извѣстно, что онъ б
то же, что и она, и что на
житъ съ нимъ обходиться подо
какъ бы съ нею. Гдѣ сего не
исходило, безъ сомнѣнія предп
нималъ онъ варварское мщеніе.

Въ часы безмолвной нѣжно
вымогъ онъ отъ нее все сіе.
престанно онъ давалъ ей разумѣ
что тогда только любовь мо
можетъ быть совершенною, ко
не будетъ она требовать ника
предъ нимъ преимуществъ; ни
оспаняется въ немъ нѣкоторое
добострастіе, полагающее сей
жности предѣлы, и его удер
вающее.

Хотя сего рода выраженія *П*
салониовы тогда уже начали
являться чаще, когда получи
онъ новой санъ; но *Миранда* п
нимала за истинну обнаруже
лицемѣрной нѣжности; она у
вала, что отчасу его оковыва

болѣе, и думала, что естьли на что-нибудь таковое низходитъ, на которое собственно снисходить бы не надлежало, но чрезъ оное приобрѣтаетъ Государству своему подпору, которое никогда не поколеблется, чѣмъ больше она его привлечетъ къ себѣ.

Пансалвинъ былъ ли ей за сіе благодарнымъ? Къ сожалѣнію должно признаться, не былъ. Когда получалъ все требуемое, дѣлался отступчивъ, холоденъ, равно какъ бы *Миранда* была для него ничего, когда уже чего дать не имѣла. Тогда былъ, сказать на языкѣ своекорыстныхъ, изчерпанъ тотъ источникъ, который столько благодѣтельно для него истекалъ. Теперь казалось, что не нравится ему та, которая прежде была для него все, теперь; — но что думала объ немъ *Миранда* послѣ, когда находился онъ въ полномъ развращеніи, въ которое ввергнѣнъ былъ высокомѣріемъ.

ГЛАВА VII.

Мнѣнія, разсужденія, возможности, вѣроятности.

Содержащееся въ сей главѣ да не покажется тебѣ страннымъ, любезный читатель, поелику оное ни съ одной стороны не содержитъ справедливости, и представленныя въ ней вещи съ надписями заглавія шествуютъ столько параллельно, что ты всегда на границѣ которой-нибудь изъ нихъ принужденнымъ найдешься замедлить.

Ибо что могли бы мы проповѣдывать о прошедшемъ, ежели бы прежде насъ не было проповѣдывано; и какъ можно скрыть отъ васъ вещи, столько близкія къ вѣроятности, по малой мѣрѣ показывающія, что замѣчено разсужденіи самой Государыни, и не укрылось ни отъ великихъ, ни отъ малыхъ, сколько много *Миранда* уважала *Пансалвина*.

Сїе инако быть не можетъ, говорили нѣкоторые: она должна протянуть къ нему руку, и возвысить до престола, на которомъ сама сидитъ Другїе обнадеживали, что сїе уже совершилось; иные думали, что то можетъ и не можетъ совершиться; еще другїе совсѣмъ сомнѣвались въ возможности сего; а еще иные находили сїе очень возможнымъ.

Въ такомъ видѣ разносилось сїе повсюду, происходилъ глухой шумъ между великими и малыми; въ такомъ видѣ ожидали нѣкоторые обнаруженїя истинны; другїе о закладъ бились, что истинна сїя совершилась уже тайно: такъ изумлялись нѣкоторые отъ неслыханнаго постоянства; дѣйствительно же вѣрющїе готовы были лопнуть отъ зависти; такъ умствовали политики, изъ коихъ нѣкоторые сїе похваляли, другїе же отвергали; и такъ напослѣдокъ изчезъ весь разговоръ, мнѣнїя, разсужденїя, возможности и вѣроят-

ности, подобно какъ изчезаетъ каждая эпоха на землѣ, и уступаетъ мѣсто другой; подобно какъ новость каждая старѣется, и какъ благосклонность каждая превращается въ неблагосклонность.

Между тѣмъ всѣ согласны были въ томъ, что надлежало неотмѣнно чему-нибудь происходить; всеобщая молва пронеслась не даромъ; надлежало быть источнику, изъ котораго она проистекла, и островидцы давали понимать, что они проникли въ полную связь.

Всеконечно надлежало Князю *Пансальвину* послѣ того, когда онъ во мнѣніи своемъ былъ Государынѣ во всемъ равенъ; послѣ того, когда онъ дѣлалъ все то же, что дѣлала она; послѣ того, когда отдавали ему равную почесть, какъ и ей, имѣть еще маленькую, самую маленькую похоть, чтобъ раздѣлить великое Государство съ нею только по одному названію, быть дѣйствительно признаннымъ соцарствователемъ во всемъ томъ, что

собственно ей одной принадлежало, и которымъ онъ въ собственномъ смыслѣ владѣлъ столько же, какъ и она, ежели токмо не болѣе.

Сказываютъ, случилось точно, чего однако, любезной читатель, за настоящую истинну я не выдаю, но скажу только словечко на замѣчанїе. Сказываютъ, что однажды въ восторгѣ нѣжности ихъ произнесъ онъ: послѣ столько тысячныхъ доводовъ милостей твоихъ, остается мнѣ одно желанїе, чтобъ ты осчастливила меня своею рукою.

Миранда, не взирая на нѣжный кризисъ, въ которомъ находилась, сказываютъ, что въ сїе мгновенїе почувствовала все свое достоинство, вдругъ вошла въ самое себя, что она, коея величество неизмѣримую округу обѣемлетъ, видитъ предъ собою человѣка, который во всемъ величїи своемъ есть только творенїе рукъ ея, котораго она возвысила, которой обязанъ ей округомъ бытїя своего, въ коемъ

нынѣ онъ дѣйствуетъ, и который болѣе желаетъ, нежели желать позволено. Но хотя овладѣла ею мысль сія, что онъ требуетъ многаго, и что явно неприличіе его требованія; но тотчасъ предстала вторая мысль изъ политической предосторожности, именно: кто отважился на сіе, можетъ отважиться и на множайшее; представилась ей возможность того, что *Пансальвинъ* всю роль свою игралъ не по любви къ ней, но только по своекорыстію; вѣроятность, что по крайней мѣрѣ въ послѣднее время случилось то. Все сіе въ ней возродилось, и только отмѣнная твердость помогла ей внутренно вспыхнувшее негодованіе одолѣть, и превратить въ наблюдательное изумленіе.

Чего ты требуешь отъ меня, *Пансальвинъ?* сказала она, извѣстнымъ образомъ свое негодованіе. Ты простерся за предѣлы, самой мнѣ поставленные. Уже ли я столько неограниченна, что ни-

чего выше себя признавать не должна? Но ежели я и такова, то помысли, что и я не больше какъ смертная, что не сама собою овладѣла сею великою Державою, но получила оную отъ Того, Кто свыше насъ. По волѣ Его должна я содѣлать счастливыми тѣхъ, которыхъ Онъ мнѣ далъ. Не уже ли знаешь ты столько мало то, чѣмъ досель обладалъ; не уже ли не вѣдаешь, что роптанїе и негодованїе будетъ плодами сего поступка; не уже ли не чувствуешь, что бунтъ можетъ быть сего слѣдствїемъ?

Не домогайся того, что счастїя твоего не составитъ, и только сдѣлаетъ несчастнымъ. То, къ чему ты стремишься, есть ядъ, приманчивая скорлупа, заключающая въ себѣ горькое ядро. Чего недостаетъ тебѣ, чтобъ быть тѣмъ, что я? только названїя независимаго. Неблагодарный! ненасытный! развѣ ты зависишь? Чувствуешь ли, что тебя таковымъ содѣлываетъ? Дала ли то почув-

ствовать я? — Развѣ тѣмъ хочешь ты вознаградить любовь мою, чтобъ сдѣлать изъ меня ненавистный предметъ для моего дома? Никогда бы я не повѣрила, что сіе войдетъ тебѣ въ голову. И еще, когдабъ была отъ того польза — или намѣренъ ты — — Однакожъ пресѣчемъ, мой возлюбленный. Ты хотѣлъ только меня испытать. Сего ты не думалъ, не можешь думать.

Чрезвычайная рѣшимость, съ которою *Миранда* произнесла слова сіи, должна была *Пансалвина* удостовѣрить, что съ сей стороны дѣлать нечего. Въ разсужденіи чего онъ отступилъ вспять.

Однакожъ онъ не сказалъ, что предложеніе его сдѣлано безъ намѣренія. Разсматривая съ сей стороны, думалъ онъ, въ семъ только она права, и готовъ былъ отречься единственнаго своего желанія. Весьма онъ сожалѣлъ о поступкѣ своемъ; увѣрялъ, что онъ не помышлялъ о другомъ, кромѣ

прочнаго соединенїя, что не было въ томъ своекорыстїя, ни побочнаго намѣренїя.

Согласїе возстановилось, но не могло дойти на прежнюю стать. *Пансалвинъ* скоро удалился отъ *Миранды*, и оба имѣли причину къ размышленїямъ. Съ сего времени началось его отклоненїе, и вышла изъ того холодность.

Однакожъ сїе произошло только между четырехъ глазъ, а мы — о семъ вѣдаемъ? — Такъ, вѣдаемъ ли мы, что *Миранда* по времени сочла за благо открыться въ семъ кому-нибудь? вѣдаемъ ли, что она не могла сего сдѣлать? или, извѣстно ли намъ, что Гжа *Шпадиль* уха своего, которое она часто къ дверямъ прикладывала, не приложила ли и въ сїе время, не попотчивала ли въ сладостные пастушьи часы Барона *Понта*, отъ котораго не было у ней тайности, сею новостїю. Вѣдаемъ ли мы — но для чего о всемъ не вѣдать? По крайней мѣрѣ мы не хо-

нимъ ли о чемъ вѣдать, и отсылаемъ читателя къ заглавію сей главы.

ГЛАВА VIII.

Пансальвинъ выступаетъ не въ чистомъ свѣтѣ.

Неудовольствіе и унынїе овладѣли *Пансальвиномъ* послѣ сего свиданїя. Довольно извѣстно впрочемъ, что сіе случилось съ нимъ произвольно. Первымъ слѣдствіемъ отъ того возчувствовалъ онъ къ немалому своему страху, что нѣкто молодой человѣкъ съ дарованїями и заслугами былъ довольно легкомысленъ, что, увидѣвъ проходящаго *Пансальвина*, сказалъ между своими знакомыми: вотъ идетъ многозначущій!

Пансальвинъ по несчастію вслушался; онъ велѣлъ взять его подъ караулъ, и молодой человѣкъ понесъ наказанїе, равное смертной казни, и навсегда изгнанъ былъ.

Огорченія разнаго рода извѣдывали отъ него съ того дня всѣ приближенные къ нему чрезъ долгое время, вѣроятно чрезъ столькое время, пока у *Пансалвина* поспѣлъ въ головѣ другой планъ, отъ котораго онъ уповалъ здачи, и которой по видимому уничтожилъ планъ прежній — планъ, о которомъ въ слѣдующемъ десяткѣ услышимъ пообстоятельнѣе.

Прежде однако, нежели оной созрѣлъ, только внутри его созрѣлъ, и послѣ того началъ, происходило въ немъ ужасное волненіе; онъ почти самъ не зналъ, что ему дѣлать, чѣмъ укротить волненіе и доставить себѣ нѣкоторымъ образомъ веселость.

Можно сказать, что онъ самъ себѣ былъ въ тягость, и ежели бы не находилъ передышки въ своей гордости и люотости, у него бы желчь лопнула.

О Провидѣніе! коликою благодарностію обязано Тебѣ человѣчество, что сей Князь не былъ Само-

держцемъ! Онъ былъ почти онымъ, и тогда уже происходило несчетно воздыханій, и слезы, извлекаемыя его жестокостію, протекали ручьями.

Онъ, такъ сказать, утопилъ себя въ великолѣпіи, чтобы замѣнить то, чего онъ желалъ, и не достигъ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ *Миранда* способна была въ чемъ-либо не быть противъ него слабою.

Теперь духъ его отчасу восторгалъ его къ множайшимъ изступленіямъ, и первое мщеніе, произведенное отъ него *Мирандѣ*, составляло невѣрность. Въ сіе время произошла его любовная связь съ Графинею *Мавильею*. Однакожъ *Миранда*, хотя и не провѣдала объ особѣ, искавшей овладѣть его сердцемъ, или лучше сказать его страстью: ибо кому бы удалось побѣдить сіе сердце, гордости исполненное; но скоро замѣтила происходящее, и потому при случаѣ постаралась его удостовѣрить въ

томъ, что, когда онъ дерзаетъ явно играть славою *Мирандиною*, то принуждена будетъ и она сдѣлать то, чего онъ не ожидаетъ.

Къ угрозамъ *Мирандинымъ Пансалвинъ* не сдѣлалъ привычки. Первая угроза случилась отъ ней нечаянно, и обстоятельство, до котораго она относилась, заставило вѣрить, что она равнодушно на сіе взирать не будетъ.

Поелику сіе не очень выгодно было и для его гордости, чтобы послѣ Государыни явно любить другую: то хотя и охотно онъ желалъ ее оскорбить, то изъ перваго намѣренія вышло только тайное наслажденіе.

Но не жестоко ли было съ его стороны Государыню свою оскорбить желать — оскорбить умѣть? Не могъ ли онъ, хотя бы не въ силахъ былъ преодолѣть своей страсти, употребить всю тонкость, чтобы ее симъ не оскорбить?

Въ дѣлахъ своихъ былъ онъ иногда не меньше деспотомъ, какъ и во всемъ прочемъ. Не довольно того, что онъ во всемъ подчиненномъ ему поступалъ съ неограниченнымъ своеволіемъ, ни о чемъ не спрашивая, о чемъ конечно бы воспрещать былъ долженъ: нѣтъ, даже въ вещахъ, которыя до него и не относились, и которыя безъ утвержденія его исполнять было можно, онъ требовалъ, чтобы ему докладывали, считалъ гордость свою оскорбленною, ежели сего не дѣлали, и не рѣдко требовалъ отмѣненія того, что уже было исполнено.

Многіе утверждали, что иногда повелѣнія, изданныя самою Государынею, онъ уничтожалъ, и вмѣсто оныхъ выдавалъ свои; но сему едва повѣрить можно, поелику Государыня права свои знала, и могла бы въ семъ его остановить.

Самъ *Пансальвинъ*, не взирая на все, чѣмъ себя отличалъ, мало по малу возчувствовалъ, что пове-

деніе его противъ *Миранды* шло не надлежащимъ путемъ, и лучше бы ему держаться умѣреннаго, на который вступить теперь было уже не возможно, повелику бы то его унизило.

Замѣтно стало всѣмъ приближеннымъ около нихъ, что связь ихъ сдѣлалась иною, нежели была. Головы отъ сего сильно стянуло. Появилось много предсказателей; мечтали о союзѣ и разлученіи. Ни одинъ изъ нихъ не мечталъ справедливо. Охотно желали узнать настоящую истинну. Сіе отъ часу содѣлывалось труднѣе. Учтивость подавала поводъ къ заключенію. О тайныхъ свиданіяхъ сомнѣвались. Государыня была задумчива, но спокойна. *Пансалвинъ* былъ безпокоенъ, и притомъ нѣсколько дерзостенъ.

Гордость его противу другихъ возросла; деспотизмъ его прибавился. Слѣдствія изъ того — всѣ слѣдствія показывали, что онъ не таковъ уже, каковъ былъ.

О паденіи никто не смѣлъ догадываться: сіе было не возможно. Ежели бы кто началъ думать такъ громко, что можноб было понять, тотъ бы погибъ.

Находились еще многіе больше обыкновеннаго близкіе къ *Пансальвину*, что могли бы нѣчто замѣтить, но трудъ ихъ былъ тщетнымъ.

Отчасти былъ онъ слишкомъ остроуменъ, нежели бы выказалъ что ни есть; частью же самъ ощущалъ, что въ семъ случаѣ надлежитъ ему пробиться, и чѣмъ больше догадывались, что онъ упалъ, тѣмъ выше онъ стоялъ.

Онъ довелъ до того, что *Миранда* принуждена была за нимъ посылать, когда имѣла надобность переговорить съ нимъ о дѣлахъ частныхъ. Тѣмъ чаще входилъ онъ въ ея комнату безъ доклада, въ то время, когда во Дворцѣ много было людей; вольность сію имѣлъ онъ одинъ только, и которою пользовался иногда-

столько нагло, что *Миранда* охотно желала сіе отрѣшить; но чтобъ не надѣлать шуму, на то не отважилась; она наединѣ въ самомъ дѣлѣ сдѣлала запрещеніе, но сего онъ не принялъ въ замѣчаніе, и продолжалъ къ ней входить.

По сему имѣлъ онъ видъ повелѣвающаго любовника, и занималъ онаго мѣсто. Онъ началъ поговаривать о своихъ заслугахъ, и отъ которыхъ онъ для блага Государственнаго не отстанетъ. Онъ утверждалъ, что безъ него ошнюдь управлять не могутъ.

ГЛАВА IX.

И Миранда встала на слѣды его тьмы.

Мы слѣдовали за *Мирандою* въ полной ея нѣжности, съ какою она свою возрастающую, питаемую ею и непреодолимую считаемую страсть лелеила, и ежели

позволено употребить настоящее выраженїе, сдѣлала изъ ней своего кумира, который, по видимому, и самъ ее обожалъ; но теперь она явственно замѣтила, что сїе составляло только видъ одинъ, и что она стояла только на второй степени, поелику честолюбїе занимало первую.

Изумленїе, въ какомъ она находилась, когда онъ произнесъ свое необыкновенное требованїе, ежели только было то въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ не можно, неже-ли она удержалась, могло то быть слѣдствїемъ извѣстной ея слабости; ибо впрочемъ сохраняла она свое достоинство, и во время царствованїя своего довольно показала примѣровъ въ наказанїи дерзостныхъ, отважившихся нарушить спокойствїе ея Державы.

Почему же удержалась она въ семъ случаѣ, въ которомъ ей явственно видѣть надлежало, что желанїе соединялось съ намѣренїемъ, съ такимъ намѣренїемъ, котораго

конецъ она безъ содроганія себѣ представить не могла? Иногда готова она была сказать нѣчто въ оправданіе; однакожь вся система политики, которая имѣла въ ней настоящее мѣсто, противилась каждому желанію сего рода.

Она ощущала въ себѣ нѣкое оглушеніе, которое одержало ее во все сіе время. Любимою себя она все еще считала, и вдругъ произошло удостовѣреніе; — всѣ благодѣянія не могли произвести любви; — вскорѣ потомъ доходъ удаленія, холодности.

По истинѣ ея только твердости возможно было сіе снести; потребна была къ тому доброта ея, чтобъ не выказаться въ своемъ гнѣвѣ; потребна была ея политика для усмотрѣнія, что обязала она Государству прежнимъ своимъ поведеніемъ и заботою для предбудущаго, и что надлежитъ шествовать умѣреннымъ шагомъ.

Хотя были средства, которыя одобрила бы и политика, для удер-

жанїя порывистаго потока оскорбляющаго, которому слишкомъ много было дозволено; однако же отчасти средства жанїя чужды были душѣ *Миранднной*; частью дѣйствительно она любила еще того, кто оказалъ ей несправедливость; отчасти же видѣла она въ немъ надобнаго человѣка для Государства; а потому многое, что на ея собственный счетъ приписывали, считала за энтузїазмъ его къ общему благу.

Хотя не было недостатка въ людяхъ, кои, чтобъ ей дать вразсужденїи сего объясненїе, приближались къ ней подъ различнымъ видомъ, и начинали тѣмъ и другимъ прикрытымъ образомъ заговаривать то, что послѣ досады быть обманутою, должнобъ было показаться пріятнымъ.

Однако *Миранда* до вѣстей не была охотница; вмѣсто того, даже въ случаяхъ, которыхъ не льзя было причесть къ счастливымъ, считала самой себѣ достаточною, такъ

что умѣла съ холоднымъ величествомъ отклонять таковыя повѣренности.

Гжа. *Шладиль* изломала себѣ всю голову надъ разрѣшеніемъ того разсужденія, какимъ образомъ возможно сносить такое несчастіе безъ повѣренной; а Баронъ *Понто* ходилъ какъ бы ошалѣлой отъ того размышленія, какимъ бы образомъ мужъ, каковъ былъ *Пансалинъ*, взошедшій на вышнюю степень, могъ гордость свою простереть до того, чтобъ пренебречь такою Государынею, у которой бы онъ предъ ногами извивался для пріобрѣтенія ея милости.

Глупой бѣднякъ! съ твоими увертками и изгибаніями не очень бы далеко ты достигъ. Кто въ подобныхъ обстоятельствахъ не умѣетъ держаться златаго средняго пути, не доживетъ никакого удовольствія самимъ собою, и никакого прочнаго счастія.

Но любовь, сія могущая властительница, гдѣ только единожды

утвердитъ свой скипетръ, была еще главною спасительницею Князя. — *Миранда*, оставаясь наединѣ, размышляла — ты очень его любила! онъ впалъ въ заблужденіе, и оставить его жертвою своего заблужденія такъ, чтобъ низвергся онъ въ пропасть, въ которой приближается!

Тогда въ душѣ ея прошедшее время представлялось съ такою живостію; тогда воспоминаніе первыхъ радостныхъ мѣсяцовъ ихъ знакомства, о радости частыхъ возвращеній его изъ войска Фельдмаршала *Васта*, столько возбуждало ея воображительную силу, что она не рѣдко помышляла искать случая съ нимъ по прежнему помириться, и часто думала о томъ, не льзя ли сего достигнуть какимъ-нибудь способомъ.

Между тѣмъ, когда она видала его публично, онъ показывался ей въ толикой гордости, хотя не противъ ней, но противъ другихъ, что она находила невозможностію

обуздать единымъ своимъ сердцемъ; средствъ же, коими бы можно было содѣлать его нѣжнымъ, у ней болѣе не доставало. Все принесла она въ жертву его гордости, чѣмъ только могла пожертвовать; а чего требовалъ онъ далѣе, тѣмъ жертвовать не могла. Самое то не состояло въ возможности, чтобы утвердить то, чѣмъ она была.

Миранда, обозрѣвая все то, что сдѣлала она до сего времени, находила, что любовь съ нею жестоко поступила, и сыграла съ нею маленькую шутку, но что въ политикѣ не сдѣлала она ни малой погрѣшности.

Естьли же оную и сдѣлала, то не могла свѣдать; ибо, о чемъ узнать ей было не можно, о томъ вѣдать было не льзя, а въ разсужденіи сего любимца никто не смѣлъ открыть ей глаза. Онъ непрестанно доносилъ ей о томъ, что онъ сдѣлалъ, и когда изображалъ ей намѣренія и слѣдствія то изображалъ такъ, что выходило сло

ему въ похвалу. Онъ былъ единый человѣкъ, который отваживался, и отваживаться могъ ей сказывать, что то или иное добро онъ сдѣлалъ; ибо не хотѣлъ, чтобъ ея воля и ея всеозирающій глазъ болѣе могли сдѣлать того, нежели сколько онъ исполнялъ.

Когда другіе говорили, что милостію и препорученіями своей Государыни были они довольно счастливы достигнуть той или другой выгоды, тогда говорилъ онъ такимъ тономъ: я увидѣлъ, что то и другое можетъ быть полезнымъ, тотчасъ распорядилъ вразсужденіи сего нужное, и оное удалось.

Посредствомъ частыхъ повторенїй, и произшедшей отъ того привычки, умѣлъ онъ ее довести въ тому, что сочла она его необходимымъ предметомъ Государственной надобности столько же, сколько была и она для него. Между тѣмъ, когда въ сердцѣ ея происходили споры о семъ, появился мужъ намъ уже знакомый, и который,

какъ казалось, хотѣлъ обстоятельство поставить совсѣмъ на иной путь.

ГЛАВА X.

Опять содѣлывается другое, не къ лучшему ли? узнаемъ изъ послѣдствія.

Фельмаршалъ *Басто*, увѣнчанный побѣдами и дѣяніями не одной только храбрости, но также человѣколюбія и благодѣтельства, возвратился въ столицу послѣ утвержденія славы *Мирандиной* во всѣхъ странахъ и пріобрѣтенія ей имени, которому народы поклонялись и почти обожали.

Намѣренія сего Фельдмаршала извѣстны читателю уже изъ предшедшаго, и прилично было то, что встрѣли его всемѣстно съ громогласными восклицаніями. Благословили его въ сіи мгновенія конечно не за то, что совершилъ онъ втайнѣ, но за то, что сдѣ-

лалъ онъ явно; и хотя
былъ величайшимъ тиран
громъ въ губительствѣ, и
въ хищности, нестмѣнно
цали бы ему равномѣрно.

Не ужасно ли ощуще
ще производимое войною,
клицаютъ во срѣтеніе
денной погибе.и человѣко
можно ли защищать то,
ющіе власть въ рукахъ
не помыслятъ ревностно
ланіи прекращенія всеобще
Война раждаетъ жестокосе
страданію другихъ. Даже
отдаленный воспламеняетс
помышленію худаго объ
противу котораго отечес
войну ведетъ. Онъ относ
счетъ цѣлаго то, что
только немногіе, и другіе с
принуждены. Чрезъ страдан
ственно на него упадающія
чаетъ онъ чувствованіе к
несправедливаго человѣко-не
нія. Неминуемое и съ пе
ми воспоминаніями соединен

ѳбходимое послѣдство склони
ихъ распрямь!

Торжествованіе во срѣ
возвращающемуся побѣдителю,
носящему вѣсть о побѣдѣ, не
того рода, чтобъ можно было
му присвоить отпечатокъ чел
ческаго чувства, это клики
наго вопля.

Когда бы нѣкоторые изъ
клицающихъ во срѣтеніе Ф
маршалу *Басту* вѣдали, с
кою горячностію при всемъ св
мужествѣ помышлялъ онъ о
вѣчествѣ, ежели бы видѣли они
ніе отличные его поступки с
самой войны и побѣды, не п
не заслужили бы они осужденія
должныбъ были доводы радости
ей усугубить, дабы принять
по достоинству.

Миранда имѣлъ ли участ
его возвращеніи, или не имѣл
охотно взирала на оное и
сужденіи внутреннихъ своих
стоятельствъ.

Пансалвинъ очень замѣтилъ то, что въ столицѣ появилась Особа для него важная, и кою смотрѣлъ на торжественное ея принятіе, далъ даже *Миранде* замѣтить свое неудовольствіе своимъ безпокойствомъ, и каждый разъ, когда оказывалось, что не гордость, но забота была причиною *Пансалвинова* неудовольствія, *Миранда* всегда старалась непріятность сію отвратить. Даже тогда жалѣла она, что ея любовникъ, сколько ни былъ онъ противъ нее жестокъ, имѣлъ горестныя минуты, и заключила оныя усладить. Данъ былъ родъ праздника, на каковыхъ обыкновенно отличалась предъ всѣми *Неана*, подруга *Миранзина* изъ ея приближенныхъ, и первому изъ блистающихъ на празднествѣ подавала свою руку.

Сего рода праздникъ былъ первый, на которомъ явился Фельдмаршалъ *Басто*, и слѣдственно ему собственно надлежала честь,

которая впрочемъ столько часто оказываема была *Пансалвину*. На сіе не взирая, преимущества сего удостоенъ былъ опять *Пансалвинъ*, и хотя Фельдмаршалъ *Васто* преданъ былъ гордости не слишкомъ, однакожъ такое пренебреженіе разсужденіи совершенныхъ его подвиговъ показалось ему досаднымъ; онъ удалился съ праздника.

Сей поступокъ вышелъ за предѣлы плана. Хотя онъ вскорѣ опять былъ успокоенъ, и только осуждалъ, для чего льстятъ гордости, когда надлежало бы обратить вниманіе на то, что склонилось сіе къ возвышенію Князя Тьмы, что нѣкоторыя дѣла присвоены его имени, кои собственно надлежатъ ему, и наконецъ уговорили его, что онъ самъ сдѣлалъ посѣщеніе Князю Тьмы для споспѣшествованія всеобщему благу.

При семъ посѣщеніи опять произошло различное, которое не

очень пріятнымъ показалось *Панкалвину*. Добрый Фельдмаршалъ предпринималъ небольшія вольности, къ коимъ Князь Тьмы съ нѣкотораго времени не былъ уже болѣе привыченъ. Онъ не привезъ съ военнаго поприща той гибкости и уклончивости, къ которой Князя пріучили. Онъ не зналъ никакихъ обрядовъ; оные сдѣлались ему чужды. Онъ прямо прошелъ сквозь толпу, которая о каждомъ Князѣ докладывала, и одного изъ ней поступокъ, который при твердомъ ходѣ Фельдмаршала хотѣлъ проскочить передъ нимъ въ двери, чтобы по крайней мѣрѣ извѣстить своего господина о прибытіи величественнаго Вельможи, былъ заплаченъ очень не главнымъ толчкомъ, отъ котораго онъ пошатнулся въ сторону, и путь освободилъ.

Фельдмаршалъ *Басто* имѣлъ въ видѣ своемъ столько много внушающаго подобострастіе, нежели бы кто осмѣлился сдѣлать ему во-

просѣ, чтобы по крайней мѣрѣ возвѣстить о его имени, чего здѣсь не было въ обычаѣ.

Онъ пошелъ прямо къ Князю. Ежели вѣрить извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, то сказываютъ, что онъ бросился къ Князю прямо на шею, и сказалъ: О, о! у тебя очень горделиво! у тебя больше шунеядцовъ, нежели у самой Царицы.

Князь Тьмы приказалъ въ тотъ день двери для каждаго имѣть запертыми, кромѣ Фельдмаршала. По внѣшности надлежало заключать о чрезвычайномъ свиданіи, но оное имѣло только видъ сей; ибо настоящее основаніе сей заповѣди относилось къ тому, что Князь ожидалъ услышать о вещахъ, которыхъ слышать и знать не слѣдовало никому, кромѣ его, равно какъ бы Фельдмаршалъ *Басто* могъ удержаться не высказать чего-либо въ присутствіи другихъ?

Обѣщаніямъ Фельдмаршальскимъ *Пансальвинъ* конечно отказать

не могѣ. Была бы ужасная неблагодарность отплатить тѣмъ за его благодѣянія, и притомъ могъ онъ ожидать, что ежели бы сіе сдѣлалъ, Фельдмаршалъ явно бы оказалъ свое презрѣніе, привыкнувъ поступать во всемъ откровенно, что ни было у него на сердцѣ.

Я уповалъ, сказалъ *Басто*, по изобилію найти у тебя то, о чемъ тебѣ пророчествовалъ. Ты очень возвеличился; но величіе свое ты, другъ мой любезной, не во всемъ такъ употребилъ, какъ я того ожидалъ. Я слышу на тебя только жалобы, и сколько по видимому судить могу, жалобы справедливыя. Не тѣмъ же путемъ шелъ ты и у *Мирандлы*, которымъ я шествовать тебѣ назначилъ. Ты не настроилъ сердца ея къ миру. Въ переговорахъ, бывшихъ у меня съ Государынею, много замѣтилъ я наклонности къ новымъ безпокойствамъ.

Князь выслушивалъ сіи у
нія хотя съ холодностію; но
да дошло до сего пункта, для
тораго *Васто* собственно
призванъ, и котораго онъ ис
шить не желалъ, то началъ
спорить съ великою ревностію
полезности разпространенія вл
нія *Мирандинскихъ*. Фельдмарш
видя, что онъ говоритъ ему съ
кимъ жаромъ, допустилъ его
изнесть всѣ его основанія.

Но послѣ отвѣчалъ ему,
во владѣніяхъ *Мирандинскихъ*
лѣе находится богатствъ, нел
она тамъ пріобрѣсти може
что не справедливо отстать
плана, столько прекрасно прои
димаго къ обработыванію оны
что Государству вредно, ел
произойдетъ новая война по
для завоеваній; что сіе славу
рицы убавитъ, ежели запута
она себя въ новые, излишніе
доры; непріязненности, о ко
рыхъ слышалъ онъ, что хот

начать, называютъ оскорбленїемъ народнаго права, и что легко видимыя основанїя къ войнѣ прїискать; но трудно увѣрить свѣтъ, чтобъ были то основанїя истинныя.

Потомъ объяснилъ онъ сухо и вольно, что не ожидаетъ онъ, чтобъ не произошло совсѣмъ инаго, и ожидаетъ отъ *Пансалвина*, котораго все еще считаемъ честнымъ, но только величїемъ своимъ ослѣпленнымъ мужемъ, что онъ къ сей перемѣнѣ будетъ содѣйствовать всѣми своими силами. При семъ случаѣ хотѣлъ онъ съ нимъ союзъ заключить, какъ бы имъ обоимъ общественно дѣйствовать ко благу ихъ Государыни и ея державы, и ударить по рукамъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не отходилъ отъ намѣренїя, которое они общественно предпрїемлютъ.

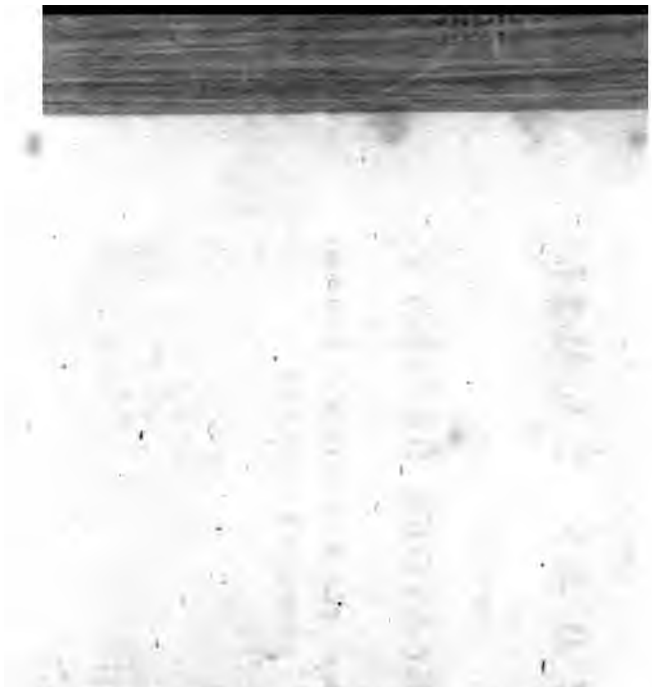
Князь Тьмы потрясъ немного головою и пожалъ плечами, услы-

шавъ такія рѣчи отъ чести
мужа ; но какъ извѣстна была
вспыльчивость Фельдмаршала
сто, съ которымъ не охотно
лалъ быть вмѣстѣ, то далъ
обѣщаніе въ томъ, что все и
детъ инымъ образомъ. Добрый Фе
маршалъ повѣрилъ сему, и
разстались мирно.

КНЯЗЬ ТЬ

ДЕСЯТОКЪ ПЯТЫ

Къ чему сіе клонилось,
рѣть не трудно.



ГЛАВА I.

Въ которую сторону обратиться?

Намѣреніе, которое Князь Тьмы обнаружилъ противъ *Миранды*, не требуетъ дальняго объясненія. Не было сомнѣнія, чтобъ не помышлялъ онъ о произведеніи онаго въ дѣйствіе.

Достовѣрно было, что онъ войну затѣетъ. Правда, было еще средство ко исполненію *Пансалвиновыхъ* желаній безъ начинанія войны. Надлежало нѣкоего Короля свергнуть, и *Пансалвина* возвести на его мѣсто, почему войны и не будетъ; ибо сверженный Король вести оную не въ состояніи, а мочнѣйшій Государь не возьметъ его сторону противъ *Миранды*. Малое владѣніе его давно уже было игралищемъ судьбы, маленькимъ жирнымъ кусочкомъ, который съ

разныхъ сторонъ старались прибрать на завтракъ, ежели бы только одинъ не опасался другаго.

Для Князя Тьмы могъ бы изъ того быть и обѣдъ, который бы понравился каждому съ симъ равному, лишь бы находиться особливымъ владѣльцомъ, и не быть присоединену къ большому Государству

Однакожъ сей кусокъ былъ слишкомъ малъ для насыщенія сего честолюбиваго человѣка; *Миранда* не осмѣлилась сдѣлать ему о семъ предложеніе. Конечно бы онъ по смѣжности съ симъ куском схватилъ бы еще кусокъ побольше и очень побольше, къ чему бы и *Миранда* очень помогала; но кусокъ сей караулилъ смѣжной драконъ, и сколько *Пансалвинъ* ни старался достигнуть сего чрезъ переговоры, но все было тщетно, или по крайней мѣрѣ условія, съ которыми на сіе согласились, были напряжены столько, что у Князя Тьмы совсѣмъ прошла охота чрезъ сіе мѣсто еще взойти на ступень выше.

Наконецъ былъ прекраснѣйшій и для Князя Тьмы пріятнѣйшій путь союза съ тѣмъ, котораго онъ нѣкогда презиралъ. Въ его кабинетѣ нашелъ онъ сильное вліяніе, и посчасливѣли ему побудить онаго къ войнѣ, не очень праведной, съ сосѣдомъ, съ котораго владѣніями смѣжны были и *Мирандины*, изъ коихъ онъ уповалъ получить богатую жатву.

Однако же хотя планъ и совсѣмъ былъ готовъ; но опасность была отъ дракона, столько неусыпно стрегущаго свое сокровище, и все то, чему нѣкогда къ принадлежанію ему было предназначено, и которой только и ожидалъ того, чтобъ начали производить въ дѣйствіе, дабы равномѣрно взять прибѣжище къ содержанію своихъ правъ, чтобы округлить границу своихъ владѣній тамъ, гдѣ окажется способность.

Князь Тьмы сіе выраженіе драконово принялъ за сильное сопротивленіе его предпріятіямъ; хотя

собственно не было ничего съ тѣмъ сходнаго, кромѣ заботливаго стреженія своего сокровища, и остраго зрѣнія, свойственнаго звѣрямъ, усматривающаго немедленно то, что показывается имъ непріятнымъ.

Имѣлъ же онъ и то свойство, что тотчасъ бросался на все препятствующее ему въ пути, не долго думалъ, но ревностно приступалъ къ дѣлу. Впрочемъ никому не вредилъ, какъ-то о сихъ звѣряхъ утверждаютъ, но былъ истинный отецъ своихъ подданныхъ, котораго имя между онымъ пребудетъ въ вѣчной памяти.

Въ такомъ состояніи находились дѣла политическія, и хотя *Пансалвинъ* считалъ себя премудрѣйшимъ изъ всѣхъ, въ игрѣ сей находящихся, и сожалѣлъ о томъ только, что не имѣлъ власти, либо Царицѣ, которой онъ служилъ, сказать слово, которое ему мучительное біеніе сердца приключало, или того преодолѣть, кото-

рой не соглашался допустить его завладѣть тѣмъ большимъ кускомъ; но Царица провидѣла несравненно его далѣе, когда онъ нѣчто отъ ней получать старался, или возбудить въ ней то, что скрывалось еще какъ искра въ пеплѣ; ибо хотя одобряла она все, отъ него представляемое, но одобряла съ тѣмъ, чтобы самой имѣть отъ того выгоды.

Но Князь Тьмы замѣчалъ сіе столько же мало, какъ и обыкновенно, стараясь отдаленному злу воспрепятствовать, ближайшему доставляютъ свободное шествіе.

Внутренно считалъ онъ, что нечего больше ему опасаться, когда уже удалось ему Фельдмаршала *Васта* изъ сѣдла вышибить. *Пансалвинъ* старался во всѣ посторонніи мѣста проникнуть всѣми возможными средствами. Но его политика въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ не успѣла, а путь ко второму, какъ уже сказано, остался чрезъ заботливую осторожность

еще запертымъ. Потребно было терпѣнїе, котораго въ *Пансальвинѣ* находилось мало, и какъ оное превращалось въ немъ въ отягощительное: сему быть должно: то всѣ находящїеся близь его подвергались слѣдствїямъ его скучнаго нрава.

ГЛАВА II.

Ближайшїе доводы новой неблагодарности.

О намѣренїи, которое *Пансальвинъ* открылъ *Мирандѣ*, хотя уже сказано, и часть моихъ читателей конечно оное уже отгадала, но слѣдуетъ еще больше объяснить, въ чемъ оное состояло.

Появленїе Фельдмаршала, отъ котораго Царица многое себѣ обѣщала, не вышло сходственно съ ея желанїями. Она чаяла, что побѣдитель надъ всѣмъ, куда его ни посылала, съ жаромъ приметъ случай еще болѣе умножить свои

побѣды, и доставить любви ея дальнѣйшіе успѣхи; но встрѣтила совсѣмъ противное. Онъ оказался недовольнымъ разположенными планами, чтобы овладѣть сосѣдомъ, и большую часть сосѣднихъ владѣній себѣ присвоить. Онъ роптальъ на готовность другаго двора къ сему плану приступить безъ всякаго основанія, и представлялъ, будетъ ли угнѣтеніе сосѣду, чрезъ то произойти имѣющее, одобрено со стороны человѣчества; онъ ташелъ въ томъ приводящее въ трепетъ предвидѣніе, которое прострется на многія страны непріязнельскія; онъ находилъ въ смѣжныхъ къ нимъ областяхъ Царицы, за вѣрное произойти имѣющее разореніе, и заклиналъ *Миранду* отстать отъ сего предпріятія, которое Князь Тьмы умѣлъ внушить ей за необходимое.

Онъ изобразилъ ей любимца ея нѣкоторыми черными красками, не боялся сказать, что приданная жизнь его испортила, и что не

былъ бы онъ таковымъ, ежел
его изъ арміи не отозвали,
бы удержалъ онъ величіе, съ
вѣчествомъ соединенное; ибо у
ждалъ, что научаются оном
войнѣ, когда только имѣют
оному чувствованія.

Онъ воспріялъ смѣлость
бразить Царицѣ пространное
которое она предъ собою имѣ
весьма нуждающееся въ ея п
вительствѣ и заботѣ, въ та
краскахъ, что иностранныя
должны занимать ее меньше
жели то кажется. И напослѣ
сослался онъ на то, что он
Книземъ *Пансалвиномъ* сдѣ
условіе, въ семъ дѣлѣ у нея
споять.

Ежели бы Фельмаршалъ *Б*
сего не прибавилъ, *Миранд*
жетъ статься вошла бы въ
робность его предложенія, и
жетъ бы онъ ревностно дока
ей, что требованіе ея не зак
и что лучше предпріятіе ея
вить, нежели произвесть.

Вмѣсто того показалось ей удивительнымъ, что *Пансальвинъ*, хотя того ей и не сказывалъ, но не можно ожидать, что былъ онъ съ Фельдмаршаломъ *Бастомъ* одинакого мнѣнія, далъ бы ему на то согласіе говорить напротивъ тому, что составляло вящшее его желаніе; и любопытствуя узнать, дѣйствительно ли между ими состоитъ сіе согласіе, и слѣдственно больше имѣетъ надъ нимъ власти, нежели сама она, отпустила отъ себя Фельдмаршала для того, чтобъ переговорить съ *Пансальвиномъ*.

Никогда Князь Тьмы не приважаивалъ къ *Мирандѣ* охотнѣе съ самаго произшествія между ими холодности, и никогда не содержалъ въ себѣ больше тьмы, какъ теперь. Ему извѣстенъ былъ ея нравъ, что она не позвала бы его къ себѣ для объявленія о вещахъ, ему непріятныхъ.

Онъ ожидалъ, чему надлежело произойтить съ Фельдмаршаломъ, и предпріялъ съ сего времени ис-

ребить до послѣдней искры привязанность къ нему, ежели можно, къ *Мирандѣ*.

Одного совмѣстника, состоявшаго въ благосклонности по части политической, онъ сбылъ. Графъ *Кервитъ* не взирая на то, что совсѣмъ былъ вытѣсненъ любимцемъ, однакожъ какъ старый *Мирандинъ* благодѣтель, и яко мудрый знатокъ многихъ Государственныхъ тайностей, не совсѣмъ утратилъ ея довѣренность, и всегда еще былъ призываемъ ею на совѣтъ; онъ, когда желалъ что-либо произвесть, домогался того втайнѣ, и видѣли мы, что *Пансалвину* оказалъ онъ важную услугу; однакожъ онъ умеръ уже, и съ того времени *Пансалвинъ* былъ единымъ обладателемъ ея довѣренности.

Теперь прибылъ равномѣрно страшный, до сего времени отдаленный, совмѣстникъ сей довѣренности; *Пансалвинъ* не вѣдалъ, сдѣлаетъ ли смерть ему еще вше-

рое угожденіе, прибрать его какъ *Керента*, или нѣтъ. Почему лучше было освободиться отъ него такъ, чтобъ лишить его Царицыной повѣренности.

Сего желалъ онъ. Столько неблагодарнымъ хотѣлъ онъ быть противу того, которой содѣйствовалъ его возвышенію, и черное намѣреніе его не было вышснено яснымъ лучемъ свѣта.

Непонятнымъ казался ему видъ Царицы при входѣ къ ней; но онъ досады въ ней не замѣтилъ. *Миранда* разсказала ему откритно все говоренное Фельдмаршаломъ *Бастомъ*, и что онъ на него сослался; она требовала сему подтвержденія, и ежели мысли его въ самомъ дѣлѣ таковыже, и два толико великихъ мужа имѣютъ противъ нее намѣреніе, то должно ей рѣшишься онымъ уступить, дабы послѣ не слышать укоренїй, что она доброму совѣту не послѣдовала.

Предисловіе такое не было противнымъ для *Пансалвина*, и

на лицѣ его не могла укрыться появляющаяся ясность, сколько онъ ни старался не показать сего Царицѣ. Хотя умѣлъ онъ владѣть собою; но случались съ нимъ такія мгновенія, кромѣ тѣхъ, кои происходили отъ неодолимой его гордости, въ которыя впадалъ онъ въ затрудненіе.

Онъ радовался внутренно, что работа многихъ лѣтъ по крайней мѣрѣ впустила корни свои столько глубоко, что бурею первыхъ нападеній противника оные не исторгаются, вторыя же отвратишь онъ былъ въ состояніи.

Утвердясь въ намѣреніи своемъ сдѣлаться самому завоевателемъ, не упустилъ онъ для достиженія своего намѣренія насказать *Миранде*, что никакая слава не остается столько постоянною и вѣчною, какъ слава завоевателя. Въ ея власти состоитъ содѣлаться таковою, и что не должно ей удерживаться при первомъ случаѣ тѣмъ воспользоваться. Счастіе ея

сопровождаетъ. Она всюду водитъ оружіе побѣдоносное. Войны, произведенныя до сего времени къ ея защищенію, произведены были съ рѣшительнымъ счастіемъ. Теперь слѣдуетъ произвести ей нѣкоторыя для пріобрѣтенія множайшаго, нежели защищеніе.

До сего времени *Миранда* извѣстно было свойство гордости только одной степени, приличной подобной ей Государынѣ; она гордилась счастіемъ своихъ подданныхъ, гордилась пріобрѣтеніемъ ихъ любви. Заботясь о ихъ счастіи, не ослабѣвала она взирать и на всевозможное ихъ исправленіе. Для блага ихъ сдѣлала она новыя учрежденія, касающіяся не одной ихъ внѣшности, но и внутренности. Она видѣла отъ сего лучшія дѣйствія: она была обожаема цѣлымъ свѣтомъ. Справедливо называли ее образцовою изъ Царицъ.

Неистовый человѣкъ, произведшій въ ней мыслъ, ея области, почти безпредѣльныя, содѣлать

еще безпредѣльнѣйшими. *Пансальвинъ*, свѣдущій въ произшествіяхъ прежнихъ временъ, все выискалъ для доказательства ей, что нѣтъ равнаго величія, какъ слава завоевателева. Она можетъ, продолжалъ онъ, пройти Исторію всѣхъ народовъ, и увидѣть, блисталъ ли въ ней кто-либо болѣе, какъ имя Героя, и тѣхъ, кои подвергли страны подъ свое владычество. Посредственно ли, непосредственно ли то сдѣлается; но всегда скажутъ была то великая *Миранда*, которая произвела страшное единовластіе надъ половиною земнаго шара.

Къ сему присоединился еще сладостный ядъ ласкательства. Есть ли народъ, который бы не охотно желалъ подвергнуться тебѣ *Миранда?* Благословятъ тебя тѣ которыхъ изторгнешь ты изъ подъ ига.

Правда, что то, къ чему онъ склонялъ, каждый считалъ за иго; однакожь и сіе иго казалось только игомъ. Почему же казалось?

потому что носили оное только устрашенные величествомъ. Въ странѣ той не было учрежденія столько худаго, чтобъ тѣ, кои злоупотребленіемъ власти вредить могли, не состояли большею частію подъ угнѣщеніемъ: они скорѣе всего подвергались опасности быть съ своихъ мѣстъ въ ничто низверженными. Правда, что тамъ владычествовалъ строгій деспотизмъ, но только строгій противъ неправды, и особливо противъ тѣхъ, кои имѣли власть оную производить. На тѣхъ гражданъ государственныхъ, кои были бѣднѣе, жили отъ трудовъ своихъ, жребій скораго низверженія упадалъ рѣдко.

Великіе, кои, подобно Князю Тьмы, содѣлали себя обладателями всѣхъ прочихъ, и обогащались сокомъ бѣдныхъ, пока труды оставляли въ нихъ только кожу и кости; отъ таковыхъ всегда горькая смерть отстояла близко.

Не желалъ ли онъ можетъ быть сдѣлать ихъ счастливѣйшими? не

чувствовалъ ли онъ такой любви къ ближнему? Но не трудно было увѣрить въ томъ *Миранду*, что сіи сочтутъ себя счастливыми, когда послѣ истребленія половины изъ нихъ остальная находиться будетъ подъ ея защитою. Изъ сего выводилъ онъ для нее благословеніе.

Миранда вняла всему тому. Твердымъ содѣлалось въ ней предпріятіе, чтобъ изъ страны покорить себѣ, къ великимъ владѣніямъ своимъ сдѣлать знаменитое приращеніе, и естьли можно, сосѣда своего угнать подалѣе. Сіе содѣлалось въ ней любимымъ намѣреніемъ.

Теперь Пансальвинъ поднялъ всѣ парусы; теперь удалось ему самыми черными красками замарать Фельдмаршала *Васта*. Въ семъ случаѣ видно было, будто бы трудилась только зависть, непростительная зависть, и притомъ не къ одному ему только: онъ утверждалъ, что тайные происки Фельдмаршаловы идутъ и противъ самой

Царицы. Даже той славы онъ не желаетъ ей, которой былъ орудіемъ. Опасаясь, чтобы послѣдующее время не было блистательнѣе прежняго, не хотѣлъ онъ никакой новой войны, дабы осталась въ памяти только чрезъ него произведенная, и чтобы его слава не затмилась славою *Миранды*: Онъ называлъ его человѣкомъ своекорыстолюбивымъ, съ которымъ надлежитъ обходиться съ крайнею осторожностію, чтобы пріобрѣтенную власть не обратилъ онъ во вредъ.

Миранда была къ Фельдмаршалу всегда благосклонна; она не уповала слышать такое ему изображеніе. Ежели бы онъ не коснулся до любимаго ея имяна; ежели бы дошло до того, чтобы она выслушала его основанія, кои были совсѣмъ иныя, нежели *Пансалвиновы*: то конечно бы она, бывъ побуждаема любовію къ правосудію, добраго не опустила, по крайней мѣрѣ съ добрымъ, за его доброе, не обошлась холодно.

Хотя вопрошала она Кня
Тьмы, какимъ образомъ случило
то, что Фельдмаршалъ *Басто* мо
сказать, будто бы они были
нимъ одного мнѣнія; однако
прикрасилъ онъ причиною, ко
рую желалъ имѣть и для ея буд
щаго съ нимъ обхожденія, что
истиннаго намѣренія ему не вы
зывать, дабы не началъ онъ пр
тиводѣйствовать и подъ пре
пріятіе ихъ подкапываться,
разсужденіи которыхъ нѣтъ
немъ надобности.

Царица нашла совѣтъ с
мудрымъ и полезнымъ, и послѣд
вала оному. Фельдмаршалъ упр
тилъ довѣренность *Мирандину*, п
добно какъ утратили оную и мн
гіе; Князь же Тьмы увѣнчалъ дѣ
свои тьмою самаго мрачнѣйша
рода.

ГЛАВА III.

Намѣреніе Князя Тьмы оживается.

Хотя Фельдмаршалъ предпрїемлемомъ и ничег нилъ далѣе, что стараю лать его совсѣмъ ненадобн остерегались дать ему то за что планъ его предуп Поелику остался онъ увѣр что предостереженїе что произведетъ, положился на свое съ *Пансалвиномъ*, ромъ отъ него былъ обм ибо *Миранда* охотнѣе умолчать, нежели явно его въ несправедливости, успокоился онъ, и радовал столько добраго могъ произ

Однако же надзирателемъ ко тягостнымъ, вскорѣ нас и приняты были мѣры къ даленїю.

Столько неограничени сальвинъ еще никогда не

ствовалъ; но съ какою же осторожностію онъ и поступалъ, чтобъ завлечь *Миранду* въ свои сѣти и волю, чтобъ она, хотя бы и желала, не могла вырваться изъ западни, въ которую ее посадилъ.

На сей конецъ прежде всего старался онъ (поелику онъ, а не другой, великое дѣло произвесть былъ въ состояніи) довести къ тому, чтобъ *Миранда* повѣрилъ ему всѣ свои войска. Фельдмаршалъ *Васто* очевиднымъ образомъ упалъ; однакожъ очень легко въ семъ успокоился, и только сожалѣлъ о томъ, что самъ содѣйствовалъ къ тому, чтобъ Царицу свою совсѣмъ предать въ руки такому змѣю.

Князь Тьмы содѣлался гораздо знаменитѣе; бывъ любимымъ и прежде отъ войска, теперь старался онъ еще больше въ преданности онаго себя обнадежить. Части несчислимыхъ сокровищъ, имъ собранныхъ, малѣйшей части довольно было къ пріобрѣтенію ихъ приверженности; онъ не пропустилъ

ничего, чѣмъ бы только могъ привлечь къ себѣ рашниковъ.

Онъ путешествовалъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ войнѣ происходить надлежало, и тамъ старался онъ оставить слѣды пріобрѣтенной имъ благосклонности, дабы на каждый случай себя обезопасить. Когда всѣ мѣры были взяты, счастье преодолѣло еще затрудненіе, которое побѣдить едва имѣлъ онъ надежду. Смерть похитила того, который съ такимъ стараніемъ хранилъ избранное имъ сокровище, даже можно сказать, который исторгалъ оное; — того, который имѣлъ столько же замѣчательный глазъ, что весьма надлежало сомнѣваться, уступилъ ли бы онъ ему, пока живъ былъ, хотя бы на шагъ, который по крайней мѣрѣ союзника наблюдалъ столько острымъ окомъ, что сей не осмѣлился бы ему сдѣлать важную помощь.

Теперь предсталъ онъ *Миранде*; теперь всѣ препятствія были отвращены. Предложилъ ей вновь

неопровергаемые планы; показалъ сдѣланное имъ заранѣе для благонадежности въ побѣдахъ, и онъ опять предвидѣвъ, увѣрился, что безъ его содѣйствія ни что къ концу доведено быть не можетъ; а у него есть ключь въ рукахъ, которымъ можно отпирать и запирать. Послѣ сего наступилъ съ своими требованіями, что напослѣдокъ въ возмездіе трудовъ своихъ желаетъ получить недостающую ему нѣкоего рода независимость.

Не скрывалъ уже онъ болѣе, что сей планъ его былъ еще съ начала; что поприще его съ перваго мгновенія полученной благосклонности туда склонялось, однимъ полетомъ пріобрѣсть себѣ самодержавіе; что вознамѣрился онъ въ семъ показать примѣръ неслыханный; ожидаетъ онъ, что *Миранда* ему дастъ обѣщаніе, чтобъ по крайней мѣрѣ въ большей части завоеванныхъ областей быть ему владѣтельнымъ Государемъ, дабы

вмѣстился онъ въ вышній классъ человѣковъ, и не былъ зависимымъ.

Миранда, мудрая, всегда готовая къ снисхожденію, когда имѣла въ томъ надобность, сколько *Пансальвиново* поведеніе ни произвело ранъ въ ея сердцѣ, не обинуясь, даже съ нѣкіимъ родомъ удовольствія, по крайней мѣрѣ съ говорящимъ вниманіемъ выслушала все, что онъ ей сказывалъ.

Я любила тебя, сказала она напослѣдокъ, и какъ любимца моего люблю тебя еще, хотя гордость твоя по видимому тебя отъ сего и освобождаетъ. Я ничего не упустила ко удовлетворенію твоихъ желаній, даже, что касается до нынѣшняго твоего желанія, никогда тебѣ не препятствовала. Я давно уже готовила для тебя небольшое блюдо; но вѣдала, что оное тебя не насытитъ. Я хотѣла тогда посадить тебя за сытнѣйшій столъ; но старались съ онаго много блюдъ снять, почему ты отъ онаго и отказался.

Не думаешь ли ты, что я поставлю затрудненіе въ твоемъ желаніи? Нѣтъ, мой любезной! поди, завоевывай, и что завоюешь, твое. Съ радостію сама я возложу на тебя корону. Упрекнешь ли еще, что я не все для тебя дѣлаю?

Считали, что *Пансалвинъ* и на сіе не согласится; однакожъ *Миранда* теперь по крайней мѣрѣ со стороны любви своей была исцѣлена. Праведная гордость, которую ей имѣть надлежало, оную истребила. Столько вознести себя предъ нею, не оставить ей изъ всего никакой заслуги, которую дѣйствительно ему показала, было слишкомъ жестко для проглоченія.

Она не любила его болѣе; она уважала въ немъ только великаго человѣка. Таковымъ сдѣлался онъ по чрезвычайному происку. Полезнымъ онъ могъ еще быть для нее, и приномъ могла она сама себѣ ласкательствовать; однако же былъ онъ и страшенъ, а потому могъ быть и вреднымъ.

Для воспрепятствованія сему въ произведеніи предпріятія имѣла она еще много времени. Надлежало ему еще идти и побѣдить, и завоеванія, кои онъ сдѣлаетъ такого рода, что не льзя вдругъ оными овладѣть; но хотя бы сіе и случилось, можно произвесть много, очень много препятствій, кои задержатъ плодъ въ его зрѣлости.

И такъ о любви теперь не было слова. Союзъ, былъ союзъ Государственной. *Миранда* сдѣлала по крайней мѣрѣ шагъ къ своему отдохновенію пѣмъ, что презрѣнную свою любовь обратила къ другому, который достойнѣе могъ оную признать; однакожь не долго симъ счастіемъ наслаждался, ибо смерть похитила новаго сего любимца; она пролила слезы соучастія надъ гробомъ его, слезы, которыя ей честь дѣлаютъ.

ГЛАВА IV.

Великая надежда съ одной, мало страха съ другой стороны.

Пансалвинъ возвратился въ домъ свой довольнѣе *Мирандою*, нежели былъ съ первой эпохи своего счастія; наполненный идеями самодержца, мечтаніями, кои его уже представляли таковымъ, надеждами, напряженными выше возможности своего исполненія.

Не должно скрыть того, что каждая дорога, которою шелъ онъ къ Царицѣ въ родѣ зависимости, была ему столько же мучительна, какъ преступнику, ведомому до мѣста казни. Ему непрестанно казалось, что могло уже сіе инаковымъ быть; всѣ люди, состоящіе съ Мирандою въ тѣсномъ знакомствѣ, казалось ему, что содѣйствовали къ тому, что не совершило сего въ самомъ дѣлѣ. Теперь

твердо уповалъ онъ, что оставляетъ Столицу въ послѣдній разъ таковымъ, каковъ есть, а возвратится богомъ земнымъ.

Хотя не могъ еще онъ называться тѣмъ именемъ, которое назадъ возвращаясь привезть хотѣлъ, былъ однако предводителемъ всего *Мирандина* войска, не своего собственнаго, но по крайней мѣрѣ желалъ наружно казаться тѣмъ, чѣмъ еще не былъ.

Гордость обыкновенно очень любитъ наружное; ибо оное по малой мѣрѣ составляетъ родъ удовольствія чрезъ подобіе истинны. Есть же свойствомъ сей страсти, что наружной видъ удовлетворяетъ ей больше, нежели самое дѣйствительное; ибо въ истинѣ находится иногда нѣчто недостаточное, поелику видятъ оную обнаженною, напротивъ видъ производитъ впечатлѣнія больше, нежели дѣйствительное, и простираетъ далѣе ту вещь, которая носится еще въ воображеніи.

Человѣкъ представляетъ себя находящимся совсѣмъ въ иной сферѣ, нежели въ какой находится, и видитъ себя столько возвышеннымъ, дѣлаетъ себѣ о томъ столько ослѣпительныя понятія, что достигнувъ того, что казалось горою, усматриваетъ только холмикъ.

То же обстоятельство одного вида въ сравненіи къ другому. Мы кажемся себѣ въ томъ видѣ, въ которомъ находимся, не столько великими, какови мы представляются намъ другіе, поелику обладаемъ дѣйствительностію, которую можно разсматривать еще по увеличенному масштабу воображительной силы.

Такъ казалось и Князю Тьмы, будто бы онъ съ пособіемъ единой особы, которая можетъ быть полагаетъ препону на пути его, намѣренія своего достигъ бы уже, которое до днесь еще основывается на случайностяхъ, столько зыблющихся.

Съ какимъ же жаромъ принялся онъ за дѣло! Прежде всего посланы были гонцы ко всѣмъ тѣмъ, кои могли принять въ обстоятельствѣ семъ участіе, дабы воспламенить ихъ въ соучастію въ пособіи и доведеніи плана сего къ концу, не для того, чтобы Монархинѣ своей пріобрѣсть славные лавры, нѣтъ, лишь для того, чтобъ выступить вскорѣ предъ свѣтомъ, и быть въ состояніи сказать: смотрите! вотъ что я сдѣлалъ! я изъ простаго ратника возмесся до престола; я завоевалъ болѣе, нежели одинъ свѣтъ; я началъ ничѣмъ, когда у тѣхъ, которыхъ называютъ завоевателями свѣта, находились воинства и столько силы, что они вдругъ возвыситься могли. Что же бы сдѣлалъ я, когдабъ было у меня то, что они имѣли?

Настроенный такимъ образомъ въ душѣ своей, Князь Тьмы отдалъ повелѣнія, служащія къ его блистательному военному походу.

Послѣдующихъ за нимъ было сто
ко, сколько прилично обладателю д
жавы *Миранднной*. Всѣ распоряже
его были того рода, что онъ, выс
пая изъ столицы, представлялъ
ограниченнаго повелителя, ка
то и дѣйствительно; довѣренно
кои имѣлъ онъ, дозволяли ему
ограниченную во всемъ власть.
Тутъ не было военнаго совѣт
которому бы онъ обязанъ былъ
четомъ, ни повелѣнія, предпи
вающаго ему поступать т
или инымъ образомъ. Онъ м
дѣлать, что хотѣлъ. Начальст
надъ сильнѣйшимъ войскомъ
всемъ земномъ шарѣ, былъ
какъ бы Государь во всѣхъ мѣста
куда ни приходилъ, и гдѣ не о
зывали ему сопротивленія пр
сильнѣйшею силою.

Миранда все ему дозволи
чего онъ ни требовалъ. Никак
сомнѣнія не оставалось въ душѣ
чтобы не произвелъ ей обѣщанн
а потому взирала во срѣтеніе б
спасительной эпохѣ, которая долж

будетъ обагриться кровїю, и бѣднымъ невиннымъ стоить жизни и имѣнїя. Она, владѣтельница, безъ скоропоспѣшности не боялась того, чего опасались всѣ другїе, кои *Пансалвина* знали, и въ отдалевїи его много худаго предсказывали. Она помышляла не такъ; ибо чаяла, что имѣющїй къ ней любовь, и преслѣдуемый ненавистїю многихъ, обезпечивалъ ее на столько, пока предпрїемлемыя его побѣды кончатся, и что тогда уже можетъ онъ воспользоватся любовїю, которую имѣетъ къ нему войско во вредъ ея.

Такимъ образомъ судьба всегда держала равновѣсїе; только бѣдные сосѣди, которымъ собственно теперь только слѣдовало подпасть подъ ея скипетръ, и кои отнюдь не столько были недовольны своею участью, чтобъ чрезъ насилїе прїобрѣсть величайшее удовольствїе, тѣ только не чувствовали для нихъ предстоящаго.

ГЛАВА V.

Мѣлва, оставшаяся въ столицѣ послѣ Пансалвина.

Не льзя помыслить, сколько много горестно вопіяло людей по отъѣздѣ *Пансалвиновомъ* изъ Столицы. Съ начала все сообразило ко услугамъ того, который находился у Царицы въ полиѣ безмѣрной милости.

Поелику человѣкъ обыкновенно ищетъ каждаго пути, на которомъ предстоятъ ему выгоды, намѣреніе котораго, ни хвалить, ни осуждать не можно; а потому напередъ спарались около *Пансалвина* собираться и набиваться ему въ услуги.

Пансалвинъ, наклонный причислять во одолженіе то, что кому нибудь служитъ себѣ позволитъ принимать милостиво услуги всѣхъ такихъ людей, но платилъ оные самымъ весьмымъ образомъ: ибо

когда доходило слово о заплатѣ за ея услуги, тогда не было никого дома. Бѣдняки оные отъ любимца Царицына, отъ человѣка богатѣйшаго въ ея Державѣ, отъ мужа, котораго считали великодушнымъ, всего ожидающіе, которого часто благословляли, что съ домомъ его ознакомились, принуждены были потерять свое иждивеніе, уповая чрезъ то сдѣлать оному пріобрѣтеніе, принужденными нашлись кровавый потъ трудовъ своихъ, вмѣсто облегченія, умножить, и проживать въ горести, когда мечтали себѣ объ удовольствіяхъ.

Естьли же послѣ тысячныхъ прозьбъ, послѣ нѣсколько-лѣтняго ожиданія наконецъ и получали плату; но между тѣмъ заимодавцамъ принуждены были переплатить столько же процентовъ, сколько получили за весь свой трудъ; таковымъ образомъ чрезъ ежедневную ходьбу и вѣчное стояніе предъ дверьми его, потеряли то время, въ которое могли бы

заняться работою. Жены и дѣти отъ огорченія ихъ, мужей и отцовъ своихъ, получали неудовольствія, произошли отъ сего явленія, на которыя самъ бы онъ, ежели бы то видѣлъ, безъ ужаса взирать не могъ.

По истинѣ Вельможѣ, особливо же любимцу, который конечно всегда бываетъ въ состояніи людямъ такимъ удовлетворить, не льзя довольно жестоко выговорить, сколько виновно, сколько люто и немилосердо онъ поступаетъ, когда старается бѣдныхъ рукомесленниковъ и торговыхъ людей притѣснять въ бездѣлицѣ для него, когда задерживаетъ взятое у нихъ изъ малаго собственнаго иждивенія для удовлетворенія его желаніямъ. Ежели бы онъ подумалъ, что въ то время, когда онъ сидитъ въ теплой комнатѣ, наслаждается всею полнотою роскоши, доставляемой ему богатствомъ; тогда человѣки зябнутъ въ его сѣняхъ отъ холода, разстроивающа-

го ихъ здоровье, сокращающаго ихъ жизнь; что въ то время, когда онъ сидитъ за полнымъ столомъ, тогда работавшіе для сего стола терпятъ голодъ, а дѣти ихъ просятъ хлѣба: не должно ли ему отъ сего закраснѣться? Кусокъ во рту долженъ для него превратиться въ ядъ, ежели онъ еще кому-либо изъ таковыхъ остался должнымъ. Подарокъ, данный отъ него наложницѣ за ушѣхи прошедшаго часа, долженъ жечь его какъ бы раскаленное желѣзо.

Ежели блескъ величія прикрываетъ такія явленія, должно плакать о томъ, что бываютъ таковые Вельможи; а ежели сами они суть человѣколюбивые мужи, то подчиненные его во зло употребляютъ его имя, и совершаютъ всѣ пороки, о которыхъ онъ не вѣдаетъ. Но всѣ такіе пороки, всѣ оныхъ слѣдствія упадаютъ на него; ибо ему надлежало бы заботишься о томъ, чтобы сего не было.

И сколько было бы сїе для него нетрудно! Бывали Вельможи, кои не раздумывали публично приглашать тѣхъ, кои считаютъ ихъ себѣ должными. Они замѣчали маневренія тѣхъ, кои открывали злоупотребленїе ихъ служителей; но сїи были сильнымъ благородны, нежели бы попускать подобнымъ злоупотребленїямъ.

Конечно домы нѣкоторыхъ вельможъ не умѣстятъ приходящихъ съ требованїями, сколько бы ни были оные велики.

Ахъ, многїе — очень многїе чрезъ *Панславиново милостивое* стараніе доведены въ нищету; многїе отъ грусти жизнь кончили, многїе страдали на смертномъ одрѣ. Нѣсколькїе — пришлось и то сказать — попали въ ссылку за то, что старались свое съ него взыскать.

Слѣдственно много было воздыхающихъ, когда *Панславинъ* оставилъ столицу. Однакожъ мѣстами слышно было и великое радованїе.

отъ того, что не подвергнутся затрудненію работать на него; ибо многіе принуждены были трудиться для него по неволѣ, дабы не лишиться выгодъ, кои онъ могъ у нихъ отнять. Многіе радовались тому, что не потратятъ уже времени своего въ напрасной ходьбѣ, и рѣшились забыть о справедливыхъ своихъ требованіяхъ.

Не станемъ уже говорить о многихъ, кои считали себя безопасными отъ утѣсненій, которыхъ не рѣдко требовали его излишества.

Но и еще величайшая радость произошла въ состояніи вышнемъ, которое въ угодность Царицѣ или по надобности въ его милости, должны были украшать его прихожія комнаты. Иго, угнѣтающее спины, казалось переломившимся, и каждый могъ уже взирать прямо на небо, который дотоль отсталъ было отъ сей привычки, дабы въ присутствіи его не забыться; поелику прямой взглядъ приключалъ ему великую досаду, и онъ давалъ

себя чувствовать приближающимся къ нему съ видомъ, который казался ему гордымъ.

Родъ пренебреженія, съ каковымъ встрѣчалъ онъ многихъ, содѣлался ненавистнымъ предметомъ. Говорили о семъ съ несказаннымъ негодованіемъ, и очень многіе, кои на сіе смотрѣли, столько же много другихъ, кои сами на себѣ сіе чувствовали, благодарили судьбу въ сердцѣ своемъ, что извела она толикое зло изъ столицы. Сіе въ разсужденіи его было тѣмъ страннѣе, что сама Царица была очень ласкова и снисходительна, когда она называлась всеобщею утѣшительницею; поелику, въ самомъ дѣлѣ, приближающіяся къ ея престолу не отходилъ отъ онаго недовольнымъ. Сколько же многимъ было сіе дозволено? Пока *Панславинъ* не взялъ столькаго перевѣса надъ прочими, окрестъ престола ея стоящими, каждый имѣлъ къ тому право. Вельможи ея вмѣняли себѣ въ должность, Царицу всѣмъ по-

называть, и самую ее просить, ни одному подданному своему въ выслушанїи не отказывать. Въ особливости же каждый чужестранецъ, каждый имѣющїй представленїе какого-либо особливаго рода, какой-либо хорошїй прожектъ, или иное, о чемъ желалъ открыть своей Монархинѣ, имѣлъ свободный доступъ, какъ скоро объ ономъ докладывали.

Послѣ все происходило по волѣ *Пансалвиновой*. Кто не былъ у него, и чьей прозьбы онъ не выслушалъ, отнюдь не смѣлъ прибѣгнуть къ *Мирандѣ*, кромѣ тѣхъ, которыхъ желанїе онъ одобрилъ.

Всѣхъ конечно онъ отдалить не могъ. Сїе было странно, и причиною того, что Царица удержала всеобщую любовь къ себѣ; ибо кого могла она допустить, допускала къ себѣ, хотя съ ограниченїями иногда тиранническими. Доступъ къ Царицѣ простолюдимамъ былъ по прежнему открытъ во время публичныхъ празднествъ, гдѣ онъ не могъ помѣшать; ибо уда-

лишь народъ былъ не въ силахъ, и поелику она при такихъ случаяхъ оказывала себя по обыкновенному милостивою и снисходительною, то и не могла ни мало уменьшить всеобщей приверженности, которая простиралась почти до обожанія. Самая власть надъ нею *Пансалвина* не могла изгнать изъ ея сердца прекраснаго, человѣколюбиваго характера.

Съ сей стороны приключило великую радость, когда узнала, что доступъ къ ней свободенъ, что не опасаясь прежняго ограниченія говорить съ нею можно, и что вещи, коими доколь онъ самъ пользовался, и худо платилъ, теперь доходятъ къ ней самой; а притомъ, что обыкла она художниковъ и тщательныхъ рукомесленниковъ вознаграждать царски.

По сему вообще можно сказать, что слава его въ столицѣ была не изъ лучшихъ; слѣдственно съ отъѣздомъ его никто не терялъ ничего, кромѣ ласкателей и тунеяд-

цевѣ, составлявшихъ его атмосферу, или особь, связанныхъ съ нимъ родствомъ или иными узами.

ГЛАВА VI.

Первое его появленіе въ новомъ кругу.

Напротивъ въ новомъ кругу, въ который онъ вступилъ, все восклицало и ожило. Правиломъ его издавна было, высоко уважать все, надлежащее къ военному сословію, а паче тѣхъ, кои были меньше чиномъ; ибо, чѣмъ выше былъ кто чиномъ, тѣмъ больше требовалъ отъ него подобострастія. Надъ сими и власть его оказывалась сильнѣйшею; ибо сіи-то одни и были, которымъ онъ вредить могъ, а они ничего ему сдѣлать не могли; напротивъ низшимъ вреда онъ не дѣлалъ, или по крайней мѣрѣ очень мало; а они соединясь, могли нанести ему вреда

очень много. Въ войскѣ было
го такихъ, кои знали его ещ
время Фельдмаршала *Баста*, и
потому, что былъ онъ очень
бимымъ, есть чего и по проч
разпространяли, подстрекая он
тѣмъ, что теперь онъ сдѣла
ихъ всѣхъ счастливѣйшими люд
слѣдственно и встрѣченъ былъ
съ восклицаніями, величія его
стойными. Они разсказывали
столькихъ благодѣяніяхъ, ко
дѣйствительно въ то время
щедрости *Мирандиной* могъ
снискивать; отъ чего у нов
его сотрудниковъ около сердца
шевелило.

Почему со стороны рядов
рашниковъ было рѣшено, что Н
за нихъ вступилось, и дало
своего ангела.

Со стороны вышнихъ чи
никовъ встрѣча ему была не ме
ше блистательна. Поелику ве
кій мужъ въ отдаленіи предс
вляется величайшимъ, нежели вб
зи послѣ точнаго разсмотрѣн

то и о *Пансалвинѣ* слухъ гремѣлъ въ ушахъ у всѣхъ, и многіе его пороки не дошли въ уши тѣхъ, кои только для прославленія его отверзались, и молву, осуждающую его, считали за ненависть и даже за оклеветаніе любимца Царицы, до чего не всѣ доходить могутъ.

Вообще знаменитость имѣетъ на ратниковъ великое вліяніе, почему и здѣсь оная подѣйствовала, и марсоватый *Пансалвинъ* уже чрезъ одно сіе свойство заслужилъ ихъ почтеніе.

Сверьхъ того о гордости его было имъ уже извѣстно, и какъ большая часть людей накидываетъ по вѣтру епаньчу свою, то и въ войскѣ заблаговременно постарались приготовиться къ покорному виду и ласкательнымъ словамъ; однакожь были воины, которыхъ извѣстныя заслуги къ сему принужденно не обязывали, и кои, полагаясь на собственную свою цѣну, съ симъ видомъ въ лицѣ и благоприличіемъ предъ нимъ являлись.

Пансальвинъ съ своей стороны былъ довольно мудръ для сдѣланія въ семъ случаѣ надлежащаго различія. Сколько держался онъ людей при Дворахъ чужестранныхъ, кои извѣщали его о всемъ у нихъ происходящемъ, о чемъ только могли узнать: такъ и въ войскѣ имѣлъ онъ друзей своихъ, все замѣчающихъ, и извѣщавшихъ его о поведеніи каждаго, что онъ значилъ, и даже о его характерѣ, ежели только оной стоилъ замѣчанія. Таковымъ способомъ *Пансальвинъ* дѣйствительно чрезъ дальнее разстояніе имѣлъ мѣстное познаніе; слѣдственно избавлялся отъ замѣчанія, и потчасъ былъ въ состояніи съ каждымъ обходиться такъ, какъ надобно было онымъ воспользоваться.

Сіе мудрое его развѣдываніе, также иностранныя мнѣнія и намѣренія были для него источникомъ политическихъ сужденій, и доставляли ему обозрѣніе всѣхъ содержаній, каковому обозрѣнію его

весьма удивлялись; но сіе не составляло чуда для начальствующаго надъ милїонами.

Столько по крайней мѣрѣ достовѣрно, что *Пансалвинъ* принятъ былъ въ войскѣ весьма блистательно, и поелику самъ онъ со стороны своей все употребилъ для доставленїя о себѣ блистательнаго мнѣнїя; ибо появился въ великолѣпїи, и давалъ участвовать всему войску въ праздникахъ, которые онъ дѣлалъ, что впечатлѣнїю отъ него надлежало произвести многое.

ГЛАВА VII.

Пребыванїе Пансалвиново въ войскѣ.

Великолѣпїе Князя Тьмы во время пребыванїя его въ столицѣ, въ особливости же при войскѣ, было чрезвычайно, и по справедливости можно сказать расточительно.

Въ столицѣ довольно то было извѣстно, что не исключая Дворъ царской, хозяйство его стоило несравненно больше. Онъ давалъ столы такіе же, какъ и Царица, такіе же праздники. Онъ имѣлъ свою собственную музыку, собственную оперу; въ услуженіи своемъ больше особъ, нежели у Царицы. Онъ роскошествовалъ отличнѣйшими яствами, рѣдчайшими напитками болѣе, нежели она.

Всѣмъ таковымъ у Царицы наслаждались съ радостію и зрѣніемъ на ея свѣтлое лице. Кто же былъ приглашенъ къ нему, шелъ какъ бы его за волосы тащили, большею частію приглашеніе принималъ съ негодованіемъ и слѣдовалъ съ неудовольствіемъ, ибо ожидалъ его упругой церемоніалъ; а сверьхъ того не вѣдалъ, не покажется ли среди полнаго наслажденія Князю не оказывающимъ полнаго почтенія, послѣ не заплатитъ ли за сей пиръ слишкомъ дорого, и тѣмъ или другимъ образомъ не

навлечетъ ли себѣ его ненависти, что навсегда опредѣлитъ непремѣнную его участь.

Отъ сего Князь рѣдко видалъ у себя радостныя лица и отъ того можетъ быть происходило, что когда самъ онъ вспадалъ на веселой стихъ, то бы радъ былъ заплатить бочками золота за то, чтобъ видѣть у себя только радостныя лица. Какой сребролюбецъ, какой честолюбецъ не имѣетъ часовъ такихъ, въ кои зло, изключающее его отъ прочихъ человѣковъ, отъ него бы не удалялось? Таковыя мгновенія случались и съ Княземъ; тогда долженствовало быть для него чувствительно, когда познавалъ онъ принужденіе, около его владычествующее.

Тотъ же самый штатъ, всѣ тѣ же расточенія сопровождали его и на ратное поле, гдѣ все потребное къ тому было дороже, и для страны той, въ которой онъ находился, превращалось въ крайне тягостное бремя.

Обнадеживаютъ, что были необходимыя государственныя надобности, для удовлетворенія которымъ надлежало взять изъ казны нѣкоторыя суммы, но вмѣсто оныхъ показали ему росписки отъ Князя Тьмы; ибо онъ имѣлъ дозволеніе изъ каждой казны брать сколько угодно.

При всемъ томъ должно сказать, что надлежало Князю, когда разсмотрѣть его лично и его собственныя надобности, необходимо жить въ такомъ великолѣпіи, въ столько многихъ прелестяхъ, въ такомъ разсѣяніи, имѣть столько многія перемѣны, и надъ столько многими повелѣвать.

Поелику когда за его дѣйствіями и производствами вещей, окрыленными шагами шествующими и предпріемлемыми его воображительною силою, послѣдовать было не можно; отъ чего желанія его задержку претерпѣвали, то досада отъ того происходящая рождала въ немъ нровы. И что же было

приличнѣе для такого великаго мужа, любимца Царицына, и господина надъ несчисленнымъ стадомъ тварей, его окружающихъ, употреблять вмѣсто игрушки для прогнанія его норововъ, давать имъ чувствовать свою тягость, и охлаждать ими своенравіе свое!

Изъ сего однако не могло выходить никакихъ слѣдствій, потому что Князь окруженъ былъ одними льстецами, кои норовамъ его служили игрушкою. Онъ умѣлъ также имѣть близь себя людей исполненныхъ заслугъ, коихъ дѣятельность и готовность могла доставить ему цѣну, которыхъ онъ и уважалъ, и кои съ своей стороны, зная его норовы, сносили, и по крайней мѣрѣ не подавали ему случая къ оказанію его вспыльчивости, ибо съ крайнею точностію исполняли свою должность.

Ежели онъ желалъ продолжать быть великимъ, каковъ онъ и былъ, то надлежало ему имѣть таковыхъ людей; и ежели была ему въ нихъ

надобность, то слѣдовало ему и уважать оныхъ, дабы при себѣ удержать. Даже въ часы припадковъ своего своенравія удерживалъ онъ себя противу тѣхъ, кои были ему надобны; путь, который всегда избираютъ тираны, чтобы самимъ не попасть въ сѣти.

Между тѣмъ о *Пансалвинѣ* не льзя утверждать, чтобъ имѣлъ онъ у себя хотя одного вѣрнаго друга. Внутреннее изліяніе сего превраснаго чувства было ему совсѣмъ незнакомо. Въ гордомъ человѣкѣ онаго не находится. Не совокупляется оное съ гордостію, которая человѣка выставляетъ выше человѣка.

Ратники то были, кои ближе другихъ Князя окружали. Сіи были привычны къ тому, чего онъ желалъ, привычны къ упругой подверженности, и ежели они не уважали характеръ человѣка, которому были подчинены, то почитали санъ, имъ занимаемый; для собственныхъ выгодъ своихъ были до-

вольны его распоряженіям
шно подъ начальствомъ е
лись, для того что сч
провождало его предпріят
бѣды вѣнчали его планы.

Онъ имѣлъ при себ
котораго можно было назват
цемъ прилѣжности и дѣятел
мужа, который вниманіемъ
обращаемымъ на все то,
носилось д- *Пансальвина*,
содѣйствовалъ столико счасп
успѣхамъ. Онъ и уважалъ
то, и ежели признательнос
къ нему и не оглашалъ,
себѣ долженъ былъ приз
что безъ сего и нѣкоторы
гихъ, кои при своихъ зв
имѣли надзираніе, никогда бы
желаніямъ его только не с
ствовалъ.

ГЛАВА VIII.

Успѣхъ его предпріятій.

Пансалвинъ напередъ вѣдалъ, что мужъ, котораго опасался онъ при своихъ планахъ, котораго онъ никогда не могъ привлечь на свою сторону, который никогда не входилъ съ нимъ въ связи, потому что сего не любилъ, чтобъ другой подобно Государю располагалъ Государствами — когда бы сей мужъ закрылъ глаза, нечего было бы ему опасаться, даже самыхъ отдаленнѣйшихъ причинъ. Самый его, или лучше сказать Государыни его союзникъ, ожидалъ сего пункта времени для открытія союза, издавна заключеннаго, и приложенія къ оному дѣятельной руки.

Чрезъ сей союзъ уповалъ онъ, что достигнетъ большею частью успѣха; но въ основаніи сего не было. *Миранда* только произвела сіе вліяніе въ Государя, впрочемъ человѣколюбиво мыслящемъ, и ни-

что впрочемъ не могъ понять, какъ было возможно, чтобъ отщелъ онъ отъ своихъ столько миролюбивыхъ намѣреній, отъ своего искренняго желанія всеобщаго добра, и далъ себя ослѣпить суетности завоеваній. Вѣроятнѣе всего приписывать то магической силѣ *Мирандиной*. Собственною причиною было изображеніе, представленное *Мирандѣ*, и которое она передала и оному другу своему, что въ семъ случаѣ надлежитъ поспѣшествовать добру, что подданные той страны обрадованы будутъ до крайности перемѣною правительства, и сочтутъ себя счастливыми.

Справедливо было то, что сосѣдство обѣихъ Державъ подвержено было ненадежности и безпокойствамъ съ той стороны, гдѣ оное смѣжно было съ однимъ сильнымъ сосѣдомъ, и ежели бы сосѣда сего на нѣсколько разстоянія сдвинутъ отъ границъ подалѣе въ его владѣнія, тогда бы нечего было отъ него опасаться. Ясно было предло-

женїе союзника, прекрасною казалась ему получаемая изъ того выгода; но совсѣмъ тѣмъ не составляло еще сїе права для начатїя войны; почему несправедливость, оказываемая сосѣду, осталась несправедливостїю; по сему бѣдные страждущїе, кои чрезъ войну лишились собственности, не были праведною того жертвою; по сему кровь столько многихъ человѣковъ не заплатила то полученное пріобрѣтенїе, что провинцїи назвали своими.

Въ замыслахъ *Пансильвиновыхъ* и его планахъ союзникъ сей не имѣлъ участїя; онъ оставлялъ его дѣлать, что ему было угодно. Хотя нѣчто и слышалъ онъ о его намѣренїи (ибо оставить его совсѣмъ въ неизвѣстности о томъ, было нехорошо для предбудущаго); однакожъ все то считалъ мечтанїями, подобно какъ и каждый то же подумалъ бы, вѣдая, на чемъ все то основывается, пока доведено будетъ въ состоянїе.

Между тѣмъ сообщась войну начали, сообщась пошли на общаго непрїятеля, который громогласно вопїялъ на несправедливость. Въ самомъ дѣлѣ предлоги къ войнѣ со стороны *Мирандиной* были сухи, несоразмѣрны съ дѣйствїемъ, а союзникъ ея и никакихъ не имѣлъ, и долженъ былъ сослаться на помощь союзницѣ. Не парадоксъ ли то былъ, чтобъ въ неправедномъ дѣлѣ подавать помощь?

Обыкновенно дозволяютъ людямъ думать все, что кому угодно, только бы сего въ глаза не говорили тѣмъ, кои о семъ слышать не хотятъ: таково было мнѣнїе *Мирандино* и ея союзника, не отвѣтствовать на мнѣнїя, и ежели нѣкїе, которымъ до сего есть надобность, и начнутъ говорить, то притворишься, будто бы не слышатъ.

Впрочемъ пошли ревностно, и довольно явственно показали, что дѣло идетъ не на шутку. Со стороны *Пансалвиновой*, которого счастїе и въ порочнѣйшихъ пред-

пріятіяхъ не оставляло, шло все очень хорошо: оружіе его было непобѣдимо. Воины его сражались какъ львы, и куда только нога его доступала, происходили кровавыя битвы, которыя ему всегда немногаго стоили: завоевывалъ города, забиралъ области со стономъ умирающихъ, сгорающими деревнями производилъ бѣдныхъ нищихъ, побѣдоносныхъ воиновъ и много добычи. Лагерь его былъ жилищемъ радости, полнотою благоденствія, позорищемъ увеселеній, которыми заглушаемы были жалобы ограбленныхъ.

Не таково удачно шло на сторонѣ союзника: было не только бы счастіе, но много несчастія. Начались уроны; однако же онъ не ослабѣвалъ. Герои къ тому не привычны, и тамъ были Герои, которыхъ хотя можно было довести къ отступленію, но не такъ, чтобы они остановились.

Пансалаинъ получилъ наконецъ на свою сторону Героя, равнаго ему въ счастіи и храбрости,

хотя прочій его характеръ мало съ нимъ согласовался, поелику казалось, что низпосланъ былъ изъ обителей свѣта.

Тогда мужество обоихъ войскъ еще болѣе укрѣпилось. Тогда оба войска могли впередъ идти, и успѣхъ въ дѣлѣ сдѣлался благонадежнѣйшимъ. Можно было къ дѣлу приступить лучше, дѣятельнѣе, можно было на непрїятеля напасть во внутренности его владѣній.

Гордѣе прежняго взиралъ *Пансалвинъ* на предбудущее. Теперь казалось, что планы его гораздо легче произвести въ дѣйство. Его ожиданія, которыхъ никогда не считалъ обманчивыми, казались ему избѣгшими всѣхъ препятствій.

Благонадежно въ спокойные часы озиралъ онъ счастливую будущность, области, кои имѣлъ уже въ рукахъ своихъ, и тѣ, кои завоевать помышлялъ, измѣрялъ величину будущей своей собственн-

ности, выводилъ половину права на приведеніе предпріятія своего въ состояніе, раздѣлялъ свои владѣнія, давалъ онымъ всеобщее названіе, которымъ себя именовать хотѣлъ, и тѣ особливыя, коими надлежало назвать подотдѣленія, избиралъ своихъ подданныхъ, которымъ слѣдовало находиться близъ его, наравнѣ своего любимца, которому слѣдовало у него быть тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ у *Миранды*, однакожъ съ различіемъ, что не желалъ имѣть подобнаго, каковъ былъ самъ.

Среди своей дѣятельности для самаго себя, не забывалъ онъ и объ удержаніи къ себѣ милости *Мирандиной*. Непрестанно дарилъ онъ ее извѣстіями о своихъ побѣдахъ, и всѣ донесенія его къ ней изображали, какъ бы для ней собственно все сіе происходило.

Онъ помышлялъ, что нѣтъ въ томъ надобности, чтобы тотъ, который можетъ быть между тѣмъ пріобрѣтетъ склонность къ себѣ

Мирандину, самою ею удостовѣренъ былъ, что истинно то, что *Миранда* ему препоручила. Ея слова, и собственной своей власти довольно было для приведенія въ надлежащее время къ концу его дѣла.

ГЛАВА IX.

Маленькой прыжокъ семимильными шагами въ столицѣ.

Возвратимся опять туда, гдѣ миръ владычествовалъ болѣе, нежели *Пансалвинъ* думалъ, гдѣ спокойство со времени его отсутствія весьма водворилось, и гдѣ *Миранда* вдругъ сдѣлалась опять тою, какова была прежде, любезнѣйшею Монархинею страны своей, и больше, нежели когда-либо.

Отдаленіе его произвело небольшія затѣи, произшедшія въ самомъ ихъ домашнемъ кружку, въ которомъ на гордость *Пансалвинову*

взирали съ такимъ же неудовольствïемъ, которое усматриваемо было и въ другихъ частяхъ столицы.

Впрочемъ не льзя умолчать, что противу войны сей возставали не слишкомъ много, вмѣсто того вообще болѣе оную одобряли, нежели отвергали; почему ревностно принимали извѣстïя, изъ армïи приходящïя, и охотно желали, чтобъ оныя были радостны. Повелику же оныя всегда были радостны, ибо *Пансальвинъ* присылалъ извѣстïе за извѣстïемъ, то о завсеванïи области, то о выигранныхъ сраженïяхъ: по сему столица изобиловала праздненствами, и не было человѣка, который бы заслугъ его не превозносилъ до небесъ; причемъ прощали его порокамъ, и благословляли Царицу за то, что она опредѣлила его къ сему посту, которому предстоять онъ всѣхъ былъ способнѣе.

Миранда однако получала извѣстïя его не съ полнымъ душевнымъ

спокойствіемъ, съ каки
шала она и его планы.
вольно вѣдала, что посл
красной погоды послѣдуе
кая буря, въ которой дол
зойти худые удары.

Многіе также изъ у
щихъ кормиломъ Госуд
нымъ при отъѣздѣ его
тного мнѣнія, чтобы усп
пошли столько счастливо,
увѣрились, что онъ ч
дѣлывается и еще опасн
Теперь послѣдовалъ сей слу
сочли за долгъ свой *Мира*
остеречь, дабы воспріяла
кія мѣры, чтобъ дерзн
предпріятіямъ всегда мо
противопоставить такой о
котораго требуетъ предо
ность.

Станется, что *Миранд*
рядила уже такія вещи, ко
никакому человѣческому гл
крыть было не можно, чт
валась спокойною отъ того
Пансалвинъ не могъ увѣс

самую, и опасалась того только, чтобъ величїе ея чрезъ него не понесло ущерба, или дѣйствительно хотѣла она принести ему сего рода жертву. Довольно сказать: она спокойна была при сихъ напоминанїяхъ, обнадеживала, что напрасно сего опасаются, и ни на что не согласилась, могущее помѣшать *Пансалвину* въ его мѣрахъ.

Она писала къ нему отвѣты, исполненные милости, желала ему счастїя для новыхъ побѣдъ, оказывала всегда чрезмѣрное удовольствїе, и уповала успѣховъ отъ счастливаго его оружїя.

Первыя извѣстїя о неудачахъ союзника въ столицъ выслушаны были съ довольнымъ равнодушїемъ. Состояли въ томъ мнѣнїи, что *Миранда* чрезъ сей союзъ вполнѣ достигла своего намѣренїя, поелику непрїятель не можетъ всѣхъ своихъ силъ поставить противу ея войска, и не сомнѣвались, что *Пансалвинъ* побѣдоносный, потрясая престоломъ самаго непрїятеля,

доставитъ передышку
союзнику.

Вторыя извѣстія о
мѣрныхъ побѣдахъ усл
радостію; ибо навѣрное
что опасный сей сосѣдъ
уже устрашенъ, и столь
нитъ, сколько уступать
опредѣлено было принуди

Но столько же ли
пріемлемы были извѣст
кабинетъ *Мирандиномъ*
утверждать не можно, и
у людей управляющихъ ка
спросить по совѣсти, к
изъ нихъ признались бы,
престанная неудача был
шею для намѣреній, для
лъзя было не усмотрѣть
спѣя въ томъ родѣ, на
основывался сей союзъ.

Также со времени то
союзъ былъ заключенъ, мно
мѣнилось такъ, что по
кую систему довольно бы
поставить на другую ногу
изъ величайшихъ Государе

номъ шарѣ въ Государствѣ своемъ потерпѣлъ перемѣну, которая весьма многимъ угрожала всеобщимъ вліяніемъ, и отъ которой казалось, что позабыли о собственныхъ своихъ дѣлахъ. Князь Тьмы дѣйствительно сдѣлалъ мудрое проницаніе, еще за благовременно въ возможность сей Государственной перемѣны, и въ сіе время изъ отдаленности своей обратилъ на то замѣчаніе своей Монархини.

Давно уже, сказалъ онъ между прочаго, мыслилъ я, что Ваше Величество въ сіе Государственное дѣло вмѣшается, что войдете въ посредничество между Государемъ и чинами, и что мы чрезъ сіе единожды навсегда совершимъ, наше сильное вліяніе въ свѣтѣ. Однако же тогда Графъ *Кервитъ* имѣлъ убѣжденія сильнѣйшія моихъ, тогда думали вы, что дѣло сіе уже сдѣлалось. Послѣдствія выйдутъ ужасныя, до насъ конечно достигнутъ онымъ трудно, но другіе безъ сомнѣнія возчувствуютъ, и привести

оныя въ равновѣсїе будетъ стоить столько многаго, что отъ сего изумяпся.

Миранда отъ сихъ новыхъ явленїй въ теченїи нѣсколькихъ дней имѣла безсонницу отъ тѣхъ явленїй, кои въ родѣ своемъ считали невозможностїю, которымъ въ послѣдствѣ надлежащихъ мѣръ не противопоставили, и кои чрезъ то со дня на день содѣлывались важнѣйшими. Не льзя умолчать о томъ, что *Миранда*, или по крайней мѣрѣ кабинетъ ея, почасту желали въ семъ критическомъ пунктѣ времени заниматься еще продолженїемъ войны. Однакожь, какїя бы она побѣды ни приносила, хотя доставляла добычи болѣе, нежели чего сама стоила, хотя подтверждала надежду о будущемъ важнѣйшемъ обладанїи; но ослабляла сердцевину Государственную; уменьшая число людей, которыми высаженныя завоеванныя полосы земли снабдить не могли, хотя и настояла въ томъ надобность.

Панталеонъ расточалъ несмѣтныя суммы, кои неотмѣнно надлежало доставлять, добычи же служили только къ его обогащенію; онъ умѣлъ искусно все то себѣ присвоить. Изъ сей войны не видно было для Государства никакихъ важныхъ выгодъ, хотя завоеванныя области и казались для народа драгоцѣнностію. Не трудно было ему въ семъ родѣ, очень не трудно изображать нѣчто; народъ успокоивался, не вѣдая, сколько много онъ отъ того страждетъ.

ГЛАВА X.

Прекрасное сномечтаніе содѣлываетсяотчасу живѣе, но сопровождается безпокойствомъ.

Между тѣмъ Князю Тьмы небо представлялось отверстымъ. Войско его находилось въ изрядномъ состояніи среди богатѣйшихъ

непрїятельскихъ земель
обыватели обрѣтались в
шибмъ бѣднѣйшемъ.

Не трогало его то,
войскъ его опустошал
изтребляла деревни. Н
содѣлавшись единожды
телемъ, не имѣлъ уже
права на его человѣколю
лѣнїе. На цѣлыя област
взиралъ онъ безъ сострад
вда, онъ хотѣлъ нѣк
оными царствовать; н
чтобы они послѣ исправ
дами рукъ своихъ, а
ихъ богатствъ собралъ б
сокровище для времени
щаго.

Его не трогало, чт
храбрыхъ подданныхъ
ыхъ содѣлалось жертво
сполюбїя, человѣковъ,
каждый можетъ быть
нымъ законамъ Природы
лъ, нежели бы по еди
слову, за правое или неп
ма смерть нѣтя; мож

когда онъ въ душѣ своей долженствовалъ быць удостовѣренъ, что не имѣлъ на все то ни малѣйшаго права, которое похитилъ; ибо другимъ именемъ предпрїятїя его приличнѣе назвать не можно.

Не трогало его и то, что союзничьи войска для него приходили въ безсилїе, что тысячи содѣлались добычею смерти, тысячи похищены болѣзнью, тысячи виновника сей войны проклинали, которой въ основанїи былъ онъ.

Не трогало его и то, что страны союзника его истощались для поддержанїя войны безполезной, что владѣтель оныхъ находился въ опасности, утратить прекрасную славу, вѣками счастливыхъ царствованїй пріобрѣтенную, что сей шагъ во многихъ изъ подданныхъ его возбудилъ недовѣрчивость, хотя онъ былъ для нихъ дѣйствительно благорасположенъ.

Но что могло тронуть того который занимался единственно пріуготовленїями къ новымъ ужа-

снымъ опустошеніямъ,
прошягивалъ руки къ
виннаго владѣтеля, и не
тѣлъ успокоиться, по
чнымъ городомъ его Го
и его несчетными со
овладѣетъ, основаніе пре
потрясетъ, и разпрост
онаго, до береговъ вели
будущую свою державу,
предѣлы безъ сомнѣнія
еще несчетныхъ жертвъ

Чему можно было
того, который занимаясь
будущаго, жилъ въ вѣчно
денствіи по своимъ сво
нымъ норовамъ: то на
всѣхъ молчаніе, то въ поли
вая множество людей, да
присутствіе оныхъ возвыс
хоти своего удовольствія;
дѣйствительно тягостей
не чувствовалъ, наслажда
выгодами въ Царскомъ вел
равно какъ бы находился
торый за сотни верстъ
къ себѣ людей, для того,

видѣть ихъ дарованія, привезенаго продерживалъ недѣлю, и послушавъ часъ, отсылалъ обратно; который сераль свой возилъ съ собою, и сверьхъ того желалъ еще прекраснѣйшую подобія самой красоты; который съ самыми сими прекраснѣйшими созданіями обходился скучливо, когда оныя своими прелестями старались разогнать его привередливость; поступалъ съ ними безчеловѣчно, когда онъ на другихъ хотя только взглядывалъ; который, словомъ сказать, въ каждое мгновеніе былъ рабомъ разныхъ страстей?

Чѣмъ болѣе приближался онъ къ своему счастію, тѣмъ безпокойнѣе была душа его. Отъ тайнаго ли предчувствованія, что дѣло сіе не такъ кончится, какъ онъ желалъ и надѣялся, или началъ онъ (что предъ концомъ бываетъ неизбѣжно) ощущать, что жизнь его не то, чѣмъ бы она быть могла, а притомъ угрызенія совѣсти, кои старался онъ прирыт-

вашь своими норовами и скучливостію, начали его внутренно мучишь огнемъ неизвѣстнымъ, который не дозволялъ упосать вѣчности для его прекрасныхъ видовъ.

Довольно сказать, странности его помгновенно перемѣнялись отчасу болѣе, и когда *Пансалвинъ* половину ночи провождалъ въ изчисленіяхъ земель своего будущаго Государства, то въ остаткѣ оной едва могъ успокоиваш себя сномъ. Послѣ сего утреннее у него время окружаемо было мрачностію: твердые мужи около его изумлялись, а прочіе приходили въ шепетъ. Знавшіе его короче, сожалѣли объ немъ, поелику мучили его безпокойства, которыхъ назваш пріятными было не возможно.

Съ начала сей повѣсти видѣли уже мы примѣръ внутренняго его чувствованія; при чемъ самъ онъ не вѣдалъ, что ему думаш, и можно ли величіе его назваш счастіемъ. Но равно какъ въ тогдашнее время промежуточныя дѣйствія то-

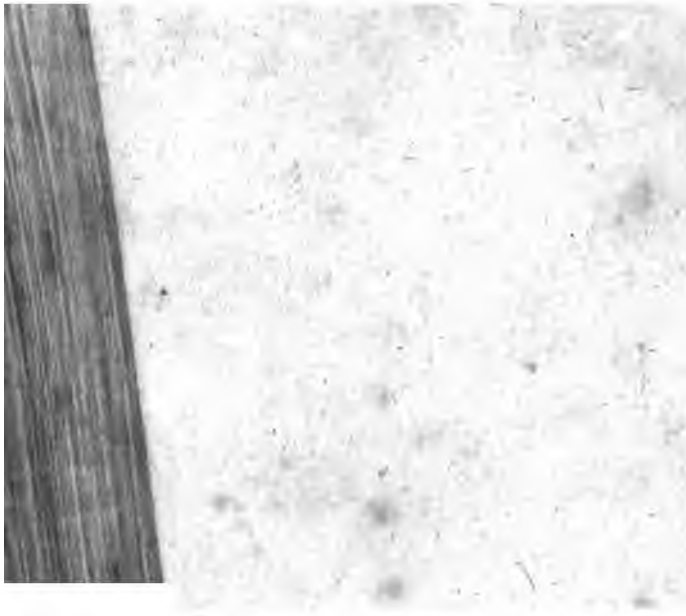
му обозрѣнїю мѣшали, которое располагалъ онъ можетъ быть въ свою пользу; такъ и теперь было его участью то, чтобъ размышленїя его, кои онъ ревностно производилъ о своемъ состоянїи, либо разгоняемы были случайностями, или опять бралъ онъ прибѣжище въ царство любимыхъ своихъ идей. Когда онъ выискивалъ все, что только могло ему къ тому способствовать; когда разсматривалъ онъ содержанїя, въ каковыя привелъ чужестранные дворы; когда изчислялъ всѣхъ отдаленныхъ друзей для своихъ плановъ: тогда всеобъемлющїй духъ его могъ озирать великое цѣлое, и по своей стремительной страсти съ высоты, которую имѣлъ предъ собою, могъ съ презрѣнїемъ взирать на все, что дотолѣ казалось ему препятствующимъ; о чемъ бы ему и въ мысль не вошло, когда бы сталъ уже онъ на сей высотѣ, и царство воображенїй изчезло бы, а притомъ свалились бы и нѣкоторыя покры-

вала, кои теперь истинныя дѣянїя его прикрывали.

Поелику никто не отваживался въ чемъ-либо гордости его препятствовать, и сверьхъ того нравъ его производилъ иногда изумительныя выраженїя: то во внутренности своей долженъ былъ онъ ощущать, что онъ того причиною; ибо замѣчанїя и намѣкъ о себѣ мы не стараемся видѣть, ежели только не претерпѣваемъ притомъ несправедливости.

Но съ своей стороны давалъ онъ то чувствовать въ особливости жестоко. Онъ со многими людьми обходился съ презрѣнїемъ, не потому, чтобъ они достойны были презрѣнїя, но для того, что считалъ оныхъ таковыми, хотя въ сужденїяхъ своихъ объ людяхъ не всегда свободенъ былъ отъ ошибокъ; между тѣмъ многимъ достойнымъ мужамъ обхожденїе такое было очень оскорбительно.

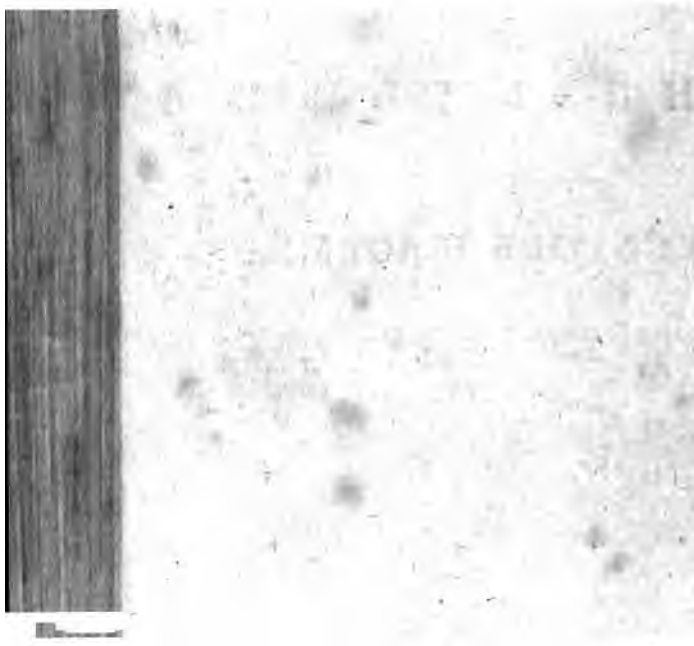
Нѣкто подчиненный ему военачальникъ выперливалъ отъ него



КНЯЗЬ ТЬМЫ.

ДЕСЯТОКЪ ШЕСТЫЙ.

И воспріемлетъ скорый конецъ.



ГЛАВА I.

Ударъ большаго рода.

По сему виду дѣла находились въ преизрядномъ состоянiи. Но преемникъ вѣчныхъ сопротивниковъ *Пансалвиновыхъ*, котораго считали совсѣмъ не опаснымъ, который долговременно взиралъ на происходящее въ молчанiи, наконецъ выбрался изъ своей недѣятельности, и началъ косо взирать на завоеванiя, производимыя обоими союзниками.

Однакожъ, поелику часто имѣютъ предразсудокъ, и оной несправедливо поддерживаютъ, будто бы Герою не бываетъ наслѣдникомъ Герой, то и забошились о томъ мало; и какъ союзникъ сильно ополчился противу оплота, который строили на его границахъ, то и не было вида дальнѣйшей опасности.

Противу сосѣда, которому угрожаемо было смертью, находились оба союзныхъ войска близко между собою, въ плодоноснѣйшей части его Державы, готовыя вступить въ средоточіе его областей.

Очень потребно вопросить: не съ удовольствіемъ ли взиралъ *Пансалвинъ* на отвлеченіе, которое дѣлано было союзнику его съ другой стороны; ибо онъ всячески держался того мнѣнія, что чѣмъ меньше страшно все около его, тѣмъ лучше для него самаго, и тѣмъ больше надлежитъ его болѣться; а сію боязнь конечно присвоялъ онъ себѣ въ великой степени.

Почему поджигалъ онъ начальника онаго войска, чтобъ шелъ впередъ большими шагами, дабы произвесть главный ударъ, ему назначенный, когда сполна достигнетъ своего намѣренія.

Распоряженія къ тому сдѣланы были страшныя, самая жестокость зимы не могла удерживать предуготовленій, и цѣлый свѣтъ взи-

ралѣ на сїе. — Назвать ли намъ то несправедливостїю, или поискать умѣреннаго названїя тому — весь свѣтъ взиралъ на удавшуюся военную политику первой величины, предвидѣлъ въ духѣ мочнѣйшее Государство на земномъ шарѣ опровергающимся, по крайней мѣрѣ въ лучшей своей половинѣ; поелику напала на оное превозмогающая сила; поелику лучшїй онаго союзникъ находился въ разстроенїи, при чемъ не можно было оному дѣлать вспоможенїе, и послѣдней опоры надлежало искать въ пріобрѣтенномъ наслѣдникѣ онаго сосѣда.

Наступающая весна долженствовала рѣшить великую эпоху. *Миранда* хотя угрожала наслѣднику сосѣда, и на него напасть, ежели сдѣлаетъ онъ какое-либо оскорбленїе ея союзнику; но сего не было у ней въ умѣ, по крайней мѣрѣ распоряженїя къ тому происходили очень слабо, и весьма было вѣроятно, что уже по достиженїи своего намѣренїя собиралась

землетрясенїя, которымъ всѣ ея зданїя вдругъ низпровергнетъ?

Теперь возгорѣлся пристрастный жаръ *Пансальвиновъ*; теперь все трепетало; теперь никто не смѣлъ рта отворить.

Хотя и говорятъ, что *Пансальвинъ* выслушалъ новость сію съ холодностїю, принялъ какъ вещь ожидаемую, и показалъ въ себѣ, что кромѣ сожалѣнїя о союзникѣ произшествїе сїе не имѣетъ никакого вліянїя въ цѣлое его предпрїятїе. Можно изъ сего заключить, что имѣлъ онъ въ себѣ довольно присутствїя духа, дабы не подать подчиненнымъ своимъ случая къ унынїю, или войскамъ мысли, что въ помощи союзничей состоитъ великая надобность.

Однако же изъ всѣхъ обстоятельствъ можно заключить, что составило сїе жестокїй ударъ для его ощущенїй; ибо кто вѣдалъ, что думаетъ наслѣдникъ сего союзника, столько *Миранды* преданнаго? Можно ль было знать, одо-

бритъ ли онъ планъ сей? согласится ли производить войну далѣе?

Еще бы нѣсколько мѣсяцовъ — и все было бы произведено. Безпокойства своего не далъ онъ замѣтить, и по видимому онаго и не имѣлъ.

ГЛАВА II.

Ощущенїе и слѣдствїя удара.

Охотно соглашаемся мы на то, что въ столицѣ еще болѣе испугались сего случая. Тамъ обстоятельнѣе вѣдали о вліянїи, каковое союзъ сей имѣлъ въ содержанїи равновѣсїя, а паче въ тогдашнемъ опчасу критическимъ содѣлывающемся случаѣ. Тамъ не было привашныхъ обстоятельствъ, какїя имѣлъ *Пансалвинъ*; тамъ усматривали по тихому характеру наслѣдника, и узнали, что онъ преклонится на другую сторону.

Состояли и со стороны прочихъ содержанїй съ другими Дер-

жавами у сего наслѣдника такія обстоятельства, на которыя не льзя было взирать съ равнодушіемъ. Потребны, можетъ статься, были совсѣмъ другіе союзы, для удержанія другихъ вторгающихся золъ, коихъ слѣдствія важнѣйшій вредъ принесть могли, нежели случилось дѣсель, но были выгодны для происходящихъ завоеваній.

Все сіе заставляло предусматривать перемѣну, отъ которой вся война могла воспріять поворотъ ко вреду Государства *Миранднна*, и притомъ надлежало сыскать надлежащую точку зрѣнія, изъ которой должно было то разсматривать.

Властолюбивый *Пансалвинъ* въ надѣяніи на силу, счастіе и пособіе, зашелъ такъ далеко, что почти уже не возможно было сдѣланныя завоеванія удерживать, ежели не простираться далѣе и не прикрыть оныхъ новою, отъ природы сдѣланною границею. Когда же бы онъ намѣренія своего не до-

ствиѣ, и былъ бы принужденнымъ изъ области опять оставить: но пріобрѣтенія было бы немного, и не уравнялось бы съ употребленными на то издержками и утраченными внутренними силами. Многія изъ иностранныхъ Державъ обратили уже вниманіе на великіе успѣхи, кои при счастіи содѣлывали силу обѣихъ союзныхъ Державъ столько великою, что оная начинала быть страшною для всѣхъ прочихъ. Могли ли сіи медлить, не содѣйствуя къ постановленію въ семъ состояніи оплота?

Однакожь сіе относится большею частію до Исторіи жизни и царствованія *Мирандина*, которыхъ касаемся мы здѣсь только въ отношеніи къ *Пансалвину*, и тѣмъ побочнымъ особамъ, кои входили съ нимъ въ связь.

Довольно сказать, что онъ узналъ то, чего ожидать не могъ. Онъ узналъ, что наслѣдникъ его союзника, отчасти по своему благородному, справедливому, чело-

вѣколюбивому характеру нашелъ приличнымъ заключить съ сосѣдомъ своимъ миръ, и отдать ему обратно то, чего по доброй совѣсти удержать не могъ; частію же для прочихъ содержаній во внутренности своего Государства, такъ и къ другимъ, съ коими онъ въ сосѣдственномъ дружелюбіи жить долженствовалъ, а не меньше по заботливому ощущенію блага своей Державы нашелъ за полезное союзъ свой съ *Мирандою* и ея Государствомъ оставить не столько тѣснымъ, какъ доселѣ, хотя и не совсѣмъ прервать съ нею дружество.

Какое славное торжество для сердца сего наслѣдника, когда *Пансалвинъ* теперь казался какъ бы возбужденнымъ отъ шумства, въ которомъ пребывалъ; ибо какимъ образомъ возможно было завоеванія сего рода опять отдать, всю ожидаемую мзду свою отвергнуть, сего онъ не понималъ.

Для введенія.

Считаете ли вы, сказалъ нѣкоторый Король своему Президенту, что прилично было бы народу жаловаться на прекрасное, благородно-великое дѣло пожертвованія своего Государя, или бы его поносить за оное, когда онъ счелъ, что правосудіе его требуетъ жертвы, а народъ его считалъ, что оное сего не требуетъ?

Прилично ли полагать сомнѣніе въ истинномъ величіи его души, когда еще при томъ дѣянія его явственно показываютъ въ себѣ отпечатокъ благотворности?

— „Однакожъ кажется мнѣ, что народъ можетъ требовать отъ него, чтобы опять исправилъ онъ испорченное его предшественникомъ.“ —

Опять исправилъ испорченное? По истинѣ составляетъ то выраженіе, приводящее каждаго Государя въ размышленіе. Когда онъ испортить хочетъ — такъ; но

когда онъ портить не хотѣлъ, когда въ душѣ его находилось удостовѣреніе о добромъ, ибо въ семъ случаѣ каждый порѣшить можетъ: почему же непремѣнно должно быть свободну отъ сего Государю? Въ семъ случаѣ не значитъ поправлять то, что испорчено, но по собственному своему удостовѣренію дѣйствовать противно вещи.

— „Когда же оба удостовѣренія состояли одно другому противуположно?“ —

Въ слѣдствіи оба они могли быть истинными и добрыми; но случай сообщилъ онымъ иное направленіе, и которому случай и счастіе лучше способствовали, тотъ былъ и правъ.

— „Но въ семъ случаѣ не надлежитъ ли доказать вредъ, явнымъ образомъ произшедшій?“

Происходящаго народъ предусмотрѣть не можетъ, но только самъ Государь. Тогда очень много кричали о добромъ поступкѣ въ отдачѣ завоеванныхъ областей, и

составило сіе съ двухъ сторонъ масперское дѣло. Со стороны сердца и Государя примѣръ былъ доставленъ о счасливо избранномъ мгновеніи; въ разсужденіи другихъ содержаній вразумляло слѣдствіе, что было оное таковымъ же и со стороны благоразумія и здравой политики.

— „И такъ совершенно исправно думаете, Ваше Величество?“

Конечно, совершенно исправно. Зависть уже со всѣхъ сторонъ острила для нападенія свои ядовитые зубы. Уже другіе, кои имѣли право на таніе успѣхи взирать косо, дѣлали распоряженія къ предложенію своихъ силъ, для воспрепятствованія дальнѣйшимъ успѣхамъ Началось уже роптаніе между большей части собственныхъ подданныхъ, кои, не взирая на оныя завоеванія, ощущали, что оныя составляютъ для нихъ бремя отяготительное. Уже предстояли виды другихъ необходимѣйшихъ надобностей, кои конечно требовали

того, чтобъ далѣе не помогать союзнику, который завоевываетъ только по одному честолюбію.

— „Но не можно ли было удержать части завоеваннаго?“ —

Холодная душа! не ужь ли не можешь ты сего чувствовать? Не находится ли въ семъ нѣчто чрезвычайно великое въ возвращеніи того, о чемъ большая часть свѣта была увѣрена, что оное было не совсѣмъ истинно завоевано? Любезной мой Президентъ! за сіе народу надлежало бы обожать его, а не роптать. За сей подвигъ надлежало бы поставить ему почетный памятникъ. Оный надлежало бы сохранить для потомства.

— „Такъ, дѣйствіе сіе прекрасно. Оное было камнемъ преткновенія, добрый мой Государь, на которомъ многіе претерпѣли кораблекрушеніе. Трудно сыскать отрѣченіе въ человѣкѣ, а еще въ тысячу разъ труднѣе въ Государѣ.

ГЛАВА III.

Пансалвинъ перемѣняетъ всю свою систему.

Хотя во внутренности *Пансалвиновой* свирѣпствовала волнующаяся ярость, но теперь онъ не давалъ того замѣтить. Холодное молчаніе одно въ немъ обнаруживалось. Возвратившися съ такимъ миромъ съ войны лавроносной, было явленіе, каковаго ему еще не представлялось. Онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать, браниться ли должно, или презрительно смѣяться. Меньше изумительно было-бы для него извѣстіе, что его непріятель добровольно оставилъ свой столичной городъ, котораго желалъ онъ столько сердечно.

Предварительныя явленія, что ему на мѣстѣ дѣйствія прійдетъ одному остаться, имѣлъ онъ уже за нѣсколько времени предъ тѣмъ; но сіе видѣніе предстало ему нечаянно. Чудесамъ онъ не вѣрилъ,

а естественному? — Нѣтъ, къ естеству человѣческому сего онъ причислить не могъ.

Но можетъ быть *Пансалвинъ* имѣлъ причину къ хладокровному молчанію? Не сказывала ли ему совѣсть, что ежели бы все шло не его желанію и не его планамъ, то не надлежало ли что-нибудь получить и его союзнику? Неудивлялся ли онъ можетъ быть пушямъ судебъ, что оныя законному владѣтелю дали пожертвованъ имъ, чѣмъ незаконному жертвованъ было принуждено, и не онѣмѣлъ ли онъ вдругъ отъ такого чрезвычайнаго случая? Можетъ быть не показывало ли ему сіе, что есть еще вышшая Рука, и что хотя онъ довольно поосвободился отъ владычества *Мирандина*, но отъ Руки сея избѣгнуть не можетъ?

За безмолвствіемъ и нечувственнымъ оглушеніемъ вскорѣ послѣдовало пробужденіе и возбужденная жизнь.

Что дълать? что начать? какая дорога къ выходу изъ лабиринѳа? Изъ столицы получалъ онъ все, о чемъ только увѣдомить надлежало. Сколько ни снисходительно тамъ было предлагаемо, узнали о семъ, и старались съ множайшимъ основанїемъ произшедшее оправдывать; поелику не хотѣли раздражить его слишкомъ. Приводили ему на мысль иностранныя безпокойства, въ которыхъ союзники считаютъ себя запутанными; представляли ему требованїя со стороны сосѣдственнаго наслѣдника; говорили объ извиненїяхъ; не приказывали ему, что надлежитъ дѣлать, но предоставляли собственному его благоусмотрѣнїю.

Паисалевичъ читалъ и перечитывалъ сїи извѣстїя, что впрочемъ дѣлалъ онъ рѣдко; но въ неперешнемъ случаѣ не могъ добраться, что бы сїе значило, что будетъ? — Малодушїе тайна! напослѣдокъ онъ совсѣмъ о томъ не размышлялъ.

Планъ, напасть на непріятеля въ его столицъ, содѣлался невозможнымъ. Сіи сокровища и сіи виды для него погибли. Онъ создалъ было на этомъ нѣкоторыя идеи, однако онъ состояли внѣ округа благонадежности. Но совсѣмъ ускользнувшее изъ его удостовѣренія, было начало обладаній, которое онъ опять долженъ былъ отчасти оставить; поелику долженствовалъ прикрывать сторону, оставленную его союзниками.

Частица, которую могъ онъ у *Миранды* испросить въ свое самодержавіе, не значила ничего: она не составляла и десятой доли того, о чемъ онъ себѣ мечталъ.

Однакожъ сквозь все, о чемъ онъ теперь узнать могъ, сквозь всю систему планетъ, какъ оныя теперь вращались, просіялъ для него лучь свѣта, на который онъ долженствовалъ шествовать. Вскорѣ повернулъ онъ свое войско. Онъ оставилъ ту часть земли, въ которой настояли для него опасно-

сти, и отступилъ въ другую, гдѣ онъ былъ обезпеченъ. Тутъ размышлялъ онъ, что начать и что дѣлать. Оставить дальнѣйшія предпріятія, дѣлать, какъ бы желая вѣчно тутъ остаться, и между тѣмъ воспріять путь своего дѣйствія назадъ, туда именно, куда похотливое его око нѣкогда уже взирало, на большой знаменитой кусокъ, по которому теперь пробѣгалъ необыкновенный огонь, и то, ежели ему въ сей огонь вмѣшаться, обѣщало ему по всей вѣроятности счасливый успѣхъ.

Извѣщенія отъ него въ столицу гласили о мудрой предосторожности, которую въ семъ случаѣ воспріять надлежитъ, о той, которую онъ уже воспріялъ для прикрытія нѣкоего рода отступленія, которое прикрыть долженствовало. Впрочемъ о надеждахъ, кои имѣлъ еще онъ къ продолженію своего намѣренія, о усиленіи войска, о наполненіи войска такимъ же числомъ, сколько убыло

войска союзническаго, дабы и безъ онаго непріятелю противустать было можно.

Впрочемъ найдено за весьма благонадежное и полезное, чтобы тѣхъ, кои успѣхамъ Державы *Миранди*ной мѣшать могли, исподоволь замѣшать въ дѣла южной части свѣта, кои могли нанести имъ больше хлопотъ, нежели они могли себѣ представить.

ГЛАВА IV.

И воспріемлетъ систему новую, кратчайшую, хотя не столько честную.

Все еще шло согласно съ чувствованіями справедливости, когда *Пансалвинъ* обѣщанное *Мирандою* испрашивалъ. Все бы онъ путемъ симъ достигъ самодержавія, въ чемъ бы его никто осудить не могъ, хотя средства къ сему

достиженїю и не совсѣ
непорочны.

Но теперь избравъ
путь, и чтобы не имѣт
ни въ комъ недобности, т
оныя и отъ *Миранды*, и
ее о вышеписанномъ, и на
дѣйствїя прямыми шагам
жаву, сосноявшую тогда
кой разстройкѣ, и безъ с
осторожнаго сосѣда прои
малые успѣхи.

Въ Державѣ той пр
великое замѣшательство.
носши ея уже онъ завоева
нялъ въ свое владѣнїе, и
со всякою ревностїю к
опытамъ сего рода. Къ
благовременно для пре
нїя разглашены были м
вашелями разныя мечтам
отъ которыхъ они шат
собою разстроились, чт
не вѣдалъ, которой держат
роны. Одна часть изъ н
ла на путь довольно изря
оной почти удалось здр

умѣ, пришедшій въ замѣшательство, опять взвести на настоящую дорогу; но сіи-то самые и были, которыхъ Князь *Пансалвинъ* по весьма важнымъ основаніямъ считалъ за своихъ сильнѣйшихъ антиподовъ, и которымъ за сіе сообщники его крѣпко сопротивлялись.

Изъ сихъ сообщниковъ большая часть была того мнѣнія, что *Пансалвинъ* все предпріемлетъ для *Миранды*, и уповали отъ него великихъ награжденій послѣ того, когда планъ могутъ произвести въ дѣйствіе.

Происходило тогда различное въ той Державѣ, которую *Пансалвинъ* на умѣ держалъ. Было въ ней сильное броженіе со всѣхъ сторонъ; и случилось, что нѣкогда пропала великая сумма денегъ, о которой поднесь нѣтъ слуха, куда оная собственно дѣлась; многіе подозрѣвали въ этомъ Князя *Пансалвина*.

Пропажа сей денежной суммы произвела рѣдкое вліяніе въ весьма многія Державы; для того, что подобно какъ исчезла сія великая куча денегъ, такъ непрестанно исчезали меньшія кучки, и такое исчезаніе денегъ содѣлалось заразою, пропитнувшеюся на долгое время, повергшею многихъ въ нищету, и подорвавшею кредитъ нѣкоторыхъ добрыхъ людей столько, что сочли оныхъ за обманщиковъ.

Ежели Князь *Пансалвинъ* дѣйствительно въ семъ дѣлѣ участвовалъ, то было сіе дѣломъ ужасной тьмы; поелику несчетно людей подверглось чрезъ то несчастію. Явными путями не смѣлъ уже онъ на открытой свѣтъ показываться.

Не обнаружилось то, что *Пансалвинъ*, который конечно имѣлъ намѣреніе здѣсь утвердиться, плана сего не скрывалъ отъ людей, державшихъ его сторону, обязывая оныхъ къ нерушимому молчанію; имѣлъ ли на своей сторонѣ начальниковъ войска *Мирандина*, стоявъ-

шаго на границѣ, или оные потому только ему повиновались, что былъ главный предводитель войскъ. По крайней мѣрѣ не льзя было о семъ утверждать навѣрное, равномѣрно и объ томъ, заключилъ ли онъ въ разсужденіи сего условія съ иностранными Державами, и расположены ли они были намѣренія его подкрѣплять, также не искалиль сами онъ того пріобрѣсть выгоды?

Вообще новая система *Пансалвинова* была тѣмъ короче, ибо онъ говорилъ: теперь я самъ возмужалъ. Онъ имѣлъ войско на случай нужды цѣлой полудкой народъ, состоявшій подъ непосредственнымъ его начальствомъ, и котораго любовь и уваженіе, не взирая на грубость его, умѣлъ онъ снискать. Онъ собралъ сокровища, какновыхъ не было на лицо у сопни владѣющихъ Государей, а потому въ произведеніи великаго своего плана могъ самъ себя поддерживать. ——При семъ обвиняли его въ жесточайшей неблагодарности;

но сїе обстоятельнѣе разсмотримъ мы въ слѣдующей Главѣ.

ГЛАВА V.

Разсказы, которыхъ мы ни одному человѣку не навязываемъ, потому что и сами тому не вѣримъ.

Нѣкоторыя вещи содержатъ въ себѣ много не человѣческаго и противнаго, нежели бы можно было счесть по за истинну. Между тѣмъ позволено оныя разсматривать, хотя бы имъ и не вѣрить.

Я того мнѣнїя, что предразсудокъ, невыгодный для человѣка, разпространяется слишкомъ далеко, и когда худое мнѣнїе о человѣкѣ будетъ единожды воспрїято, то полагаютъ онаго порочнымъ до такой степени, которая внутреннее его поврежденїе далеко превосходитъ.

Справедливо то, что *Пан сальвинъ* имѣлъ противу себя в много, что все поведеніе его шивъ *Миранды*, ежели бы он умѣла мудро его удерживать, вс содѣлало бы его обладателемъ, обладаемою, что онъ въ вы степени былъ неблагодаренъ, жели бы состоявшая между связь вѣрить тому позволяла.

Между тѣмъ перешептыва что *Пансальвинъ* имѣетъ совс другое намѣреніе. Думали, онъ съ нетерпѣливостію ожида того только, пока планы его зрѣютъ, или того, будутъ ли вольно хитры проникнуть въ намѣренія, и противопоставить какое-нибудь препятствіе.

Въ случаѣ, когда сего не по дуетъ, въ случаѣ, когда намѣ нія его замѣшаютъ и онымъ буду поспѣшествовать, хотѣлъ остаться для *Миранды* тѣмъ, кемъ былъ въ послѣднее время, другомъ и помощникомъ во вс дѣлахъ. Но въ случаѣ, когда

чнетъ она дѣйствовать противу его, то показать ей, что умѣетъ онъ воспользоваться порядкомъ годовъ, въ трудной работѣ проведенныхъ, и присвоить себѣ мѣсто, которое она занимаетъ, и Государствомъ, которымъ онъ столько долго подъ ея именемъ правилъ, начать управлять дѣйствительно и отъ своего имени; также власть, которую теперь имѣетъ въ пользу свою и государственную, и то произвесть, о чемъ онъ давно совѣтовалъ, именно, отчасу далѣе разпространять границы на всѣ стороны, всѣ предѣлы подвергнуть своему владычеству, и сдѣлать единовластіе неизмѣримаго пространства.

Что сего при силахъ Державы *Мирандиной* достигнуть было можно, о томъ частію уже показано, и тогда увидѣли бы, что древняя храбрость, которую въ нынѣшнее время столько много выхваляютъ, пребываетъ еще въ тѣхъ же людяхъ, и что не трудно сдѣ-

латься завоевателемъ свѣта, ежели всѣ средства къ тому будутъ въ рукахъ.

Когда дѣйствительно имѣлъ онъ таковое намѣреніе, когда *Пансалвинов* образъ мыслей такой степени собственности и собственности распространенія достигъ, что могъ онъ поворачиваться спиною къ той, которой обязанъ былъ не только любовію, но и дѣятельнымъ возвышеніемъ, которая себя для него изчерпала: то нѣтъ сомнѣнія, что, когда увидѣлъ онъ желанія свои исполняющимися, когда дана была ему свобода шаги простирать впередъ, и что онъ, достигнувъ одного желанія, второго не броситъ.

Кто единожды отрекся благодарности, порокъ сей удержитъ навсегда. Желанія гордаго никогда удовлетворены быть не могутъ, хотя бы его до небесъ превознесть: то и *Пансалвинъ*, ежели бы сіе черное намѣреніе души его достигло своей зрѣлости, не оставилъ

бы онаго, и хотя отъ *Миранды* величія осталась хотя бы малость, и ту бы онъ отнялъ.

Подтверждающіе сіе сказаніе были того мнѣнія, что онъ употреблялъ тонкую политику для утаенія своихъ плановъ; что возвысилъ онъ тѣхъ, которыхъ чаялъ быть въ дѣлѣ семъ помощниками, и возстановилъ ихъ на такія мѣста, гдѣ они и впредь ему полезными быть могли; но никогда не давалъ разумѣть, что дѣлаетъ сіе по благосклонности, и всегда напередъ давалъ имъ случай отличиться; тогда уже, какъ бы въ вознагражденіе за ихъ заслуги, раздавалъ тѣ мѣста. Такимъ образомъ каждый думалъ, что возвысился заслугами, а потому ревность служенія своего не только усугубляли, но и *Пансалвина* признавали справедливымъ мужемъ, и каждое подозрѣніе о томъ что онъ дѣйствуетъ по благосклонности, отъ него отвращали.

Сію тонкую политику употреблялъ онъ и при одобреніяхъ на мѣста гражданскія, и кого находилъ въ особливости способнымъ, тому давалъ прежде препорученіе, которое послѣ служило предлогомъ одобренія.

Такимъ образомъ имѣлъ онъ множество преданныхъ себѣ людей, гдѣ только оныхъ имѣть желалъ, и довольно странно то, что люди его были большею частію мужи достойные, на приверженность которыхъ не столько онъ могъ полагаться, сколько на ихъ вѣрность, и точное исполненіе его приказаній.

Ибо многимъ изъ нихъ поступки его были очень противны; они не были довольны ни его характеромъ, ни употребленіемъ его дарованій; но онъ былъ единожды поставленъ ихъ главою, а потому нечего имъ было дѣлать, какъ исполнять съ покорностію, чего онъ отъ нихъ требовалъ.

Очень возможно было и то, что въ должностяхъ, къ которымъ они были употребляемы, въ случаѣ, когда бы предпріятія шли противъ *Миранды*, они не вѣдали, дѣйствовали бы противъ нее. Поелику не знали, отъ кого шло приказаніе къ нимъ, отъ самой ли *Миранды*, или отъ *Пансалвина*, для того что собственныхъ его приказаній съ нѣкотораго времени сдѣлалось несказанно больше, нежели *Мирандиныхъ*; вѣдали, какой высокой постъ онъ занимаетъ; вѣдали, какимъ неограниченнымъ полномочіемъ онъ снабженъ; вѣдали, что войска состоятъ подъ его непосредственнымъ произволеніемъ.

Когда мы по сему отходимъ отъ того, что при семъ случаѣ относится до сердца: то конечно возможное дѣло было и то, что *Пансалвинъ* довольно имѣлъ силъ къ произведенію такого предпріятія.

Отступая разсмотрѣніемъ нѣсколько во времена предшедшія,

видимъ мы, что не задолго предъ тѣмъ, когда власть *Пансалвинова* начала возрастать, было, что человѣкъ, равной съ нимъ параллели, достигъ того, что кабинету *Мирандину* страхъ нагналъ, человѣкъ, которой имѣлъ самого себя первымъ начинателемъ безъ всякой подпоры, которой планы свои съ невѣроятною скоростїю составлять и производить умѣлъ, и въ теченїи нѣсколькихъ мѣсяцовъ почти довелъ къ счастливому исполненїю: то не трудно помыслить о томъ, что *Пансалвинъ* послѣ долгаго предуготовленїя, имѣя изобилїе въ деньгахъ, которыхъ у того совсѣмъ не доставало, и при регулярномъ войскѣ возможно было по крайней мѣрѣ думать, что нѣтъ труда произвести замышляемое во исполненїе.

Однакожъ, какъ сказано, не можно помыслить, чтобъ чувствованїя благодарности могло совсѣмъ утратить надъ человѣкомъ свое право, чтобъ сдѣлался онъ живымъ

примѣромъ постыднѣйшаго порока, онъ, которому порокъ сей долженствовалъ быть столько противенъ, какъ огонь водѣ. Но когда мы и со всѣхъ сторонъ удостовѣрены, что онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ бы должно ему быть, хотя должны мы присвоить ему много тьмы, но все еще наклонны отрѣчь ему приписуемое.

Но прежде нежели увидимъ мы, къ чему ведутъ насъ далѣе его распоряженія, коихъ не должны мы упускать изъ вида: послушаемъ, не слѣдовали ль сему объ немъ мнѣнію въ столицѣ, или въ другихъ мѣстахъ, и столько различно судили о семъ въ разныхъ Державахъ.

ГЛАВА VI.

Мнѣніе о совершенной неблагодарности Пансальвиновой было ли многочисленно, и простиралось ли въ столицу?

Вопросъ, которой здѣсь предложенъ читателю, не оставимъ мы безъ разрѣшенія по тому основанію, что разрѣшеніе сіе много прилагаетъ къ знательнымъ заслугамъ, ему отъ насъ присвоеннымъ, и сіе происходитъ не отъ насъ, но отъ его современниковъ.

Кто подаетъ случай вѣрить объ немъ худымъ дѣламъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ сего за собою и не имѣлъ, тотъ всегда погрѣшаетъ противу своего добраго имени, и не долженъ досадовать на людей за то, что считаютъ его за такаго, какимъ онъ быть кажется. Обходящемуся легкомысленно съ деньгами постороннихъ людей, не льзя жаловаться на то, когда его оглашаютъ расточите-

лемъ, хотя бы и не былъ онъ такимъ; поелику на дѣлѣ онъ не показываетъ, чтобъ не былъ таковымъ, и подалъ много худыхъ видовъ для таковаго заключенія. Точно такое обстоятельство было съ нашимъ Княземъ Тьмы. Естьли бы надлежало сложить съ него всю вину того, что онъ намѣренъ былъ произвести столько черный планъ, не льзя было бы защитить его въ томъ, чтобъ онъ не подавалъ къ сему вида.

Хотя въ столицѣ и не льзя было отважиться говорить о семъ въ слухъ и явно; но много находилось людей, кои въ точности сему вѣрили, потихоньку о семъ говорили, которымъ удивительно казалось, что сего замѣтить не могутъ, или когда замѣчаютъ, то въ слухъ о семъ не говорятъ, о семъ не думаютъ, и ничего противу сего не предпріемлютъ.

Сіе не значитъ еще, чтобъ замѣтили то простолюдины. *Пат-*

салеиновы побѣды и его счастїе противу непрїятеля служило имъ случаемъ для всеобщей похвалы, и какъ скоро приходило новое извѣстїе, имя его раздавалось во всѣхъ собранїяхъ и на гульбищахъ. Но для тѣхъ, кои подозрѣвали въ вышеписанномъ, справедливо или несправедливо, было сїе тѣмъ непонятнѣе; потому не понятнѣе, что ежели сей побѣдитель возвратится съ непрїязненными противъ *Миранды* намѣренїями, то все ему подвергнется.

Дѣйствительно во всемъ теченїи его великаго поприща благороднѣйшая часть изъ подданныхъ Мирандиныхъ, которая при томъ была мудрѣйшею и прозорливѣйшею, взирала со внутреннимъ прискорбїемъ на то, что благосклонность столько изящной Монархини такъ неограниченно прилѣпились къ такому человѣку, которой, хотя бы и дарованїя его то заслуживали, столько неслыханно сїе злоупотребляль. О явле-

нїяхъ между имъ и ею, при чемъ она милостиво съ нимъ обращалась, говаривали, что онъ подобострастїе къ ней упустилъ изъ вида; снисхожденїя же ея, сколько ни прекрасный имѣли они видъ, для всѣхъ казались страшными въ своихъ послѣдствїяхъ. Нѣкогда повелѣла она ему изъ столицы удалиться, и поелику сїе случилось не безъ свидѣтелей, кои въ разсужденїи неприличнаго его поведенїя при томъ бывали, то долженъ онъ повелѣнїю сему повиноваться. Однако же отдаленїе сїе не было продолжительно, не столько какъ угодно было *Мирандѣ*, но сколько надобно было ему, т. е. на самое короткое время. Онъ вскорѣ возвратился, и изумленїе *Мирандино* по сему случаю почти привело ее въ замѣшательство. Сомнительно, чтобъ онъ въ разсужденїи сего хотя бы извинился, или бы искалъ возстановленїя ея милости. Монархиня заключала, что онъ исправится, и умолчала о непри-

личномъ поступкѣ своего ли
ца, котораго столько много
вала.

Въ Государствахъ иност
ныхъ, особливо въ сіе время,
лась объ немъ худая молва
меньше, нежъ и въ областяхъ
рандинвыхъ. Здѣсь умѣлъ
возбудить столько къ себѣ сп
что никто не смѣлъ на него
ловаться, ежели были при
домашніе. Но жалобы иност
ныхъ, кои скребли по сердцу,
исходили громогласно, а мо
быть иногда и съ прибавкою.
простирались далѣе, и не льзя
рить, чтобъ не было чего-либо
совокуплено къ нимъ излиш
Пороки великихъ особъ пере
ваютъ подобно снѣговому к
которой отчасу становится
ше, чѣмъ долѣе переваливает
наконецъ содѣлывается горок.

Куда только слухъ не
дилъ, и объ *Пансалвинѣ*
упоминаемо, заключали объ н
нежъ о величайшемъ героѣ с

времени. Но гулъ, сопровождающій молву, непрестанно присовокупляль, что онъ есть самый худшій изъ деспотическихъ любимцевъ.

Какимъ же образомъ все сіе разпространялось?

Когда въ теченіи столько многихъ годовъ почти всѣ путешественники, возвращающіеся изъ Государства *Мирандина*, изустно утверждали, что не токмо въ тишинѣ идетъ переговорка о его порокахъ, но и явно вопіютъ объ утѣсненіяхъ отъ него, то могло ли быть сіе инако?

Здѣсь разсказывали о произшествіи съ дочерью одного храбраго Офицера, которой красотою *Пансалвинъ* былъ плѣненъ, но которой добродѣтель желаніямъ его сопротивлялась, что онъ приказалъ оную увезть съ бала, дабы ее обезчестить, и что отчаянный отецъ ея, не надѣясь сыскать себѣ правосуднаго удовлетворенія, застрѣлился отъ горести, лишась единственнаго въ жизни своей утѣ-

шенїя. — Тамъ повѣствовалъ другой: онъ хотѣлъ посѣтить стариннаго друга своего въ столицѣ; но оставшїе въ домѣ сего сказали, чтобъ онъ искалъ его миль за сто или болѣе, въ пустынѣ, куда несчастный другъ его сосланъ въ ссылку за то, что смѣло говорилъ о *Пансалвинѣ*, которому пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣнїемъ.

Въ иномъ мѣстѣ нашелъ онъ цѣлой домъ нищихъ, отъ того, что домъ сей проигралъ судное дѣло противъ Князя; ибо криводушной судья совсѣмъ нарушилъ правосудїе, и склонилъ дѣло въ пользу *Пансалвинову*. — Огнь гнѣва его лишалъ нѣкоторыхъ здоровыхъ употребленїя членовъ. Наказанїя его были всѣ тиранническїя, и доказывали варварство, которое въ другихъ странахъ казалось тѣмъ лютѣйшимъ, что тамъ неизвѣстенъ былъ родъ сего наказанїя.

Когда все таковое изъ устъ въ уста переносилось, когда такъ часто

упоминали о гнѣвливомъ мучителѣ; когда помышляли о томъ, сколько легко для него было побить войска опустошить города и селы: то взимали отъ него нѣкоторую осторожность, и именемъ его пугали маленькихъ дѣтей.

Отъ сего произошло, что глубокомысленные, которыхъ не токмо въ разсужденіи сего глубокомыслію вѣрить надлежало, но которые и въ глубину вещи сей проницали, довольно имѣли свѣденія о свѣтѣ, говаривали, что сей Князь надлежитъ къ Князьямъ Тьмы; поелику для названія такого довольно уже, когда желаютъ съ намѣреніемъ сдѣлать человѣка несчасливымъ. Кто же толико несчетное множество людей могъ сдѣлать несчастливыми, сдѣлать то съ хладнокровіемъ, тотъ многократно заслуживалъ сіе наименованіе?

Дѣлали также особливыя замѣчанія о его богатствѣ. Когда приватный человѣкъ, разсуждали такъ, не имѣвши собственно ника-

ихъ доходовъ, кромѣ пожалованныхъ ему Монархинею; ежели онъ достигъ такихъ сокровищъ, которыхъ сама Царица его не могла пріобрѣсть во все свое царствованіе; когда онъ при своихъ расходахъ, кои равнялись ея расходамъ, тягость расходовъ усугубилъ, но богатства своего не истощилъ: то можно ли инако назвать его, какъ піявицею, высосавшею все Государство, и что миліоны народа отъ того страдали. За вѣрное также полагаютъ, что одни только бѣдные при семъ страдали, потому что богатые находятъ средства и пути избѣгать налоговъ, кои происходятъ отъ сребролюбца.

Когда поставятъ тебя, *Пансалвинъ*, на вѣсы съ кровавыми деньгами тобою собранными, и несчастіями, тобою приключенными, горе тебѣ! горе такое обличеніе!

Въ замѣчаніяхъ объ немъ простирались еще далѣе.

Не токмо упоминал
которое онъ сдѣлалъ, и
могъ бы не сдѣлать; но го
о добромъ, котораго совер
пропустить бы не надле
которое онъ не совершилъ

Конечно количество
щагося не въ его пользу,
ужаснымъ образомъ.

Колико обширенъ
округъ Царскаго любимца
сужденїи благотворенїя по
ше, нежели самаго Цар
имѣетъ средства вмѣшива
тайныя дѣйствїя тѣхъ,
клонны къ утѣсненїямъ,
распространяютъ. Онъ имѣ
можность Государю показа
не слѣдуютъ его повелѣнїя
благотворнымъ учрежденїям
изворачиваютъ то, что
онъ для пользы.

Онъ можетъ предлага
ждахъ государственныхъ, и
шиваетъ для оныхъ помощи
можетъ направлять сокрови
скїя, чтобъ оныя текли

ствительно бѣднымъ. Онъ можетъ раздраженнаго довести къ мнѣнiямъ кроткимъ, и сердце Царево наклонить къ милосердiю и прощенiю. О! онъ можетъ быть ушъшенiемъ каждаго уттсненнаго.

И въ каковой степени могъ быть тѣмъ *Пансальвинъ*? Въ сильнѣйшемъ, нежели какой-либо любимецъ. Сколько много могъ бы онъ произвесть блаженства, и сколько попрать злодѣянiй? сколько много могъ бы онъ осушить слезъ, и заставить оныя проливать?

Все въ очахъ свѣта содѣлывало его таковымъ, какимъ представили мы его читателямъ. Таковъ онъ былъ, за что его не терпѣли, и когда о другихъ соправителяхъ говорили хорошо, объ немъ говорили худо.

ГЛАВА VII.

Успѣхи его приближаются къ концу.

Оставаясь при заключенїи, которое уже обнаружили, что мысли столько черныя, въ коихъ обвиняли его, не составляли его плана, приступаемъ къ послѣдней его эпохѣ, которая непрестанно пребывала въ нѣкоемъ родѣ темноты, и которую осталось мнѣ представить такою, какова казалась она во очахъ всѣхъ людей.

Была то великая, непроницаемая тьма, въ корую она облекалась, притомъ какъ бы тяжелая туча грозовыхъ тяжелыхъ облаковъ, устрашала всеобщею гибелью.

Послѣ мира, вскорѣ заключеннаго со стороны союзника *Миранда*, счастїе оружїя противъ сосѣда его не было уже столько чрезвычайнымъ. Неизвѣстно, отъ чего сїе случилось, отъ послѣдованїя ли извѣстному плану, или

чрезъ возбудившуюся отчаянную отважность непрїятелей произведено было болѣе осторожности. Сказано уже, что *Пансалвинъ* отступилъ съ войскомъ, не оставляя завоеванныхъ областей; что тишина окружала его поступки, отчасти также, какъ извѣстно, но не совсѣмъ.

Чаще и продолжительнѣе оставался *Пансалвинъ* совершенно уединеннымъ, что прежде бывало очень рѣдко. Но сїе уединенїе, сначала совокупленное съ безпокойствомъ, и безъ того, чтобъ видѣли особливыя отъ того послѣдствїя, содѣлалось нынѣ дѣятельнѣе. Прежде сего донесенїя, отъ него посылаемыя, куда бы то ни было, сочиняли его секретари.

Теперь писалъ онъ самъ чрезвычайно много, терялся самъ въ кругѣ своихъ переписокъ, получая бумаги и отвѣчая на оныя; и для сего употреблялъ онъ вѣрныхъ и преданныхъ ему людей. Большая часть бумагъ шла въ страны,

надъ которыми содѣлаться верьхо-
внымъ главою онъ твердое вос-
пріялъ намѣреніе, и для того со-
прошивлялся крѣпко всему тому,
что принимали тамъ за новость.
Наблюдѣнія его относились не къ
одному сему: онъ посылалъ ко
всѣмъ дворамъ извѣстія, даже къ
таковымъ, о которыхъ извѣстно
было, что оные въ дѣло сіе за-
мѣшаны не были.

Такія уединенныя занятія,
кои впрочемъ продолжались только
часть ночи, или можетъ быть въ
часы дневные; нынѣ же занимали
цѣлой день, простиралися столько
далеко, что курьеры двора его, по-
сылаемые къ дворамъ чужестран-
нымъ, явно предъ него показывать-
ся не смѣли, дабы самые вѣрнѣй-
шіе друзья его не возымѣли о томъ
подозрѣнія, и не подано бы было
случая къ особливымъ догадкамъ.
Достовѣрно лишь то, что планъ
его, въ чемъ бы оной ни состоялъ,
завелъ его столько глубоко, что

позабылъ о дѣлахъ, до должности его надлежавшихъ. Или можетъ быть думалъ онъ, что никакой должности уже не имѣетъ? весчиталъ ли уже себя дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ быть хотѣлъ?

Можетъ быть онъ дворамъ, съ которыми состоялъ въ такой непрестанной перепискѣ, обѣщалъ такія вещи, кои возможно обѣщать только Самодержцу; и спанется, что предлагаемыя условія были такого содержанія, что очень нравились, и не заботились о томъ, отъ кого оныя происходятъ, отъ Самодержца ли, или отъ уполномоченнаго Государемъ, лишь бы только приведены были во исполненіе?

По истинѣ можно заключать, что когда кто по цѣлому дни занимается трудами, когда работаетъ за другихъ; кто предпріемлетъ переговоры, для которыхъ издержки употребляемыя подаютъ причину ожидать, что онѣ относятся до важнѣйшихъ предме-

товъ; кто даже противъ той, которой обязанъ по мгновеннымъ отчетомъ, долгъ свой позабываетъ: безъ сомнѣнія тотъ долженствовалъ заниматься надъ такимъ производствомъ, которое было столько благонадежно, что никакихъ упрековъ за то опасаться не могъ.

ГЛАВА VIII.

Таинственная темнота содѣлывается отчасу отяготительнѣйшею.

Столько скрытно сіе отчасти и не могло происходить, частью же и не казалось, чтобъ желалъ онъ дѣло сіе производить тайнымъ образомъ.

Тѣмъ сокровеннѣе были намѣренія его отъ *Миранды* и ея кабинета. Что же надлежало подумать о вещахъ сего рода? Каждый молчалъ, и ожидалъ порожденія,

какое произведетъ на свѣтъ чреватое время.

Величіе предпріятія его было явно. Но что не вѣдала о семъ *Миранда*, доводомъ того служитъ оказанное ею въ послѣдствѣ изумленіе. Ежели когда-либо сія рачительная и замѣчательная Монархиня о всей сей эпохѣ помыслитъ, и конечно на письмѣ оставитъ для свѣта: тогда объяснится море происковъ, хитростей и самыхъ тончайшихъ политическихъ сшибокъ, которыхъ станется, что не можетъ уже больше появиться въ томъ округѣ, въ коемъ *Пансалвинъ* жилъ, и которыхъ можетъ быть не доживутъ и потомки его, поелику каждое время имѣетъ свой образъ дѣйствованія; время же интригъ можетъ быть скоро пройдетъ навсегда.

Столько же темно и трудно, какъ и предсказаніе погоды, было въ столицѣ все то, что только имѣло вліяніе въ кабинетъ.

Утверждаютъ, что въ сіе время состоялъ въ немъ нѣкій родъ безмолвія. *Миранда* пребывала таинственною, а кабинетъ размышлялъ.

Казалось, что ожидали крайне важнаго извѣстія. Надлежало послѣдовать какому ни есть концу того, о чемъ *Пансальвинъ* собственно заключилъ, въ чемъ состояло намѣреніе тайнаго его дѣйствія, и тотъ пунктъ, о которомъ сама Государыня производила скрытную переписку.

Тогда *Миранда* на собственной свой кабинетъ взирала съ безпокойствомъ, а сей замѣчалъ изъ глазъ ея, и старался угадать, о чемъ она безпокоится.

Однакожъ *Миранда* осталась и въ семъ случаѣ великою и себѣ равною, и ежели на лицѣ ея оказывалась забота, то оная была всегдашняя, когда помышляла она о благѣ своего Царства; и какой

Монархъ не имѣетъ къ сему причины?

Между тѣмъ казалось, что съ обѣихъ сторонъ находящся въ нетерпѣливомъ ожиданіи, въ чемъ никого упрекнуть не можно, кто только ожидаетъ конца какого-либо дѣла.

Наконецъ появилось извѣстіе — но справедливое ли? Сіе также осталось въ темнотѣ.

ГЛАВА IX.

Конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Въ чемъ же состояло извѣстіе? — Да! но прежде нежели оное сообщимъ, надлежитъ опять возвратиться къ *Пансалвину;* ибо, прежде нежели приспѣемъ съ извѣстіемъ въ столицу, надлежитъ намъ съ нимъ проститься.

Князь *Пансалвинъ* былъ крѣпкаго сложенія, отъ чего болѣзнямъ

подвергался крайне рѣдко, или только легкимъ и маловременнымъ, кои жизненнымъ частямъ вреда не приключали. Родъ жизни, которой онъ велъ, непрестанныя занятія сообразно нынѣшнему его возрасту, который хотя не былъ цвѣтущій, но и непрестарѣлый, подавали надежду, что проживетъ онъ еще очень долго. Онъ и расположенъ былъ столько прожить, и совершенно ознакомиться съ тѣмъ, что называется наслажденіе. Не правду составило бы, когда бы сказали, что онъ не насладился; точно насладился и въ вышней степени; но онъ чаялъ обрѣсти иное жизненное наслажденіе, которое теперь ему предстояло.

Сказываютъ, что во время послѣдняго военнаго похода имѣлъ онъ нѣкоторые припадки, но оные были маловажные, да и опять онъ совершенно отъ нихъ освободился. Прилѣжаніе, съ которымъ онъ непрестанно занимался дѣлами, дока-

зывало сіе явственно; при чемъ былъ онъ, особливо же послѣ своихъ уединенныхъ работъ, всегда веселъ, и безпокойство его превращалось примѣтнымъ образомъ въ спокойнѣйшее положеніе.

Предчувствованія о томъ, что ему предстояло, онъ не имѣлъ, и всего меньше, когда оставлялъ свой походной шатеръ, и предпріемля посѣщеніе другихъ мѣстъ.

Въ нѣкоторую изъ сихъ поѣздокъ, отправясь съ мѣста, и отъѣхавъ еще недалеко, почувствовалъ онъ дурному, послѣ которой открылся жестокій рѣзъ, и прежде прошествія двухъ часовъ сего великаго мужа не было уже на свѣтѣ.

Тако палъ сей самодержецъ въ своемъ упованіи — бѣдный червь земный, лишенный той власти вредить, которую употреблялъ онъ толико часто. Тако пали всѣ старанія столько многихъ годовъ, пало стремленіе къ неслыханному

честолюбїю, которое вл
ружилось, и у всего св
ло восклицанїе: вотъ
шелъ сей мужъ, котор
больше древнихъ завоева
на!

О естьли бы могли
ста, на которомъ онъ у
браться всѣ, которых
жизни своей обманулъ,
хотя малѣйшей радости
ло бы изъ нихъ ни одного
рый бы при праведной
судьбы не сказалъ: я не
его мѣсто! — Въ сїе
всѣ были счастливѣе, нех
всѣ спокойнѣе, нежели бы
когда-либо въ жизни свое
ли въ будущей жизни, гд
дозволено намъ судить о
будущаго, въ казнь его пос
то, что будетъ онъ слуго
слугъ.

Есть еще молва о р
смерти, чего не должно на
ми въ молчанїи.

Другой великой полководецъ, котораго онъ давно и часто обижалъ, непремѣнно настоялъ о рѣшительномъ себѣ удовлетвореніи, и по многихъ безплодныхъ покушеніяхъ, напослѣдокъ довелъ его, что принужденъ былъ онъ для возстановленія своей чести съ нимъ выдти на поединокъ. *Пансальвинъ* при семъ случаѣ получилъ небольшую рану въ руку; но какъ противникъ его имѣлъ несчастіе прежде сего концомъ шпаги своей напкнуться въ ядовитую траву, то ядъ вошедъ въ рану, приключилъ *Пансальвину* смерть. Ежели молва сія справедлива, то судьба его еще болѣе представляется странною.

ГЛАВА X.

Заключеніе.

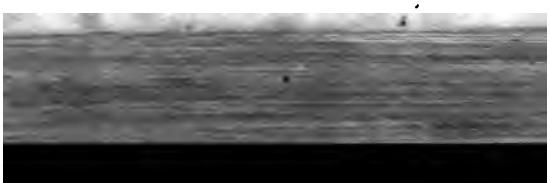
Такое то, любезный читатель, извѣстіе пришло въ столицу. За-

дернемъ занавѣсомъ все то, что оное произвело и чего не произвело.

Относится то до описанія жизни *Мирандиной*, которая, равно какъ и повѣсть ея царствованія, ежели случай дозволитъ, въ свѣтъ издана будетъ.

Въ семъ описаніи, любезный читатель, увидишь ты, колико достойна была почтенія и поклоненія сія Монархиня, и что можетъ быть одна только главная слабость въ жизни ея состояла въ томъ, что она Князю Тьмы слишкомъ много дала власти.

Конецъ.



PT 1801 .A6 .P3
Pansalvin, kniaz trny.
Stanford University Lib
3 6105 035 39

DATE

STANFORD UNIVERS
STANFORD, CA
94305